

ФЕДЕРАЛЬНОЕ АГЕНТСТВО ПО ОБРАЗОВАНИЮ
ВОЛГОГРАДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ТЕХНИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

ИЗВЕСТИЯ

ВОЛГОГРАДСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
ТЕХНИЧЕСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА

Серия

ПРОБЛЕМЫ

СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНОГО ЗНАНИЯ

Выпуск 6

№ 9(57)

Межвузовский сборник научных статей
Издается с января 2004 г.

2009

Волгоград
2009

Учредитель: ГОУ высшего профессионального образования
"Волгоградский государственный технический университет"

Сборник зарегистрирован в Управлении регистрации и лицензионной работы в сфере массовых коммуникаций Федеральной службы по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия ПИ № ФС77–25660 от 13 сентября 2006 г.

Главный редактор сборника "Известия ВолгГТУ"

д-р хим. наук проф. член-корр. РАН *И. А. Новаков*

Редакционная
коллегия серии:

д-р пед. наук, проректор по учебной работе ВолгГТУ *Р. М. Петрунева*
(ответственный редактор);

д-р ист. наук проф. ВолгГТУ *Н. И. Першин*;

д-р филос. наук профессор факультета социальных и гуманитарных наук МГТУ
им. Н. Э. Баумана *Н. Г. Багдасарьян*;

д-р филос. наук, декан факультета философии и культуры РГУ *Г. В. Драч*;

д-р социол. наук проф. ВГМУ *В. В. Деларю*;

д-р социол. наук, зав. каф. истории, культуры, социологии ВолгГТУ *Н. В. Дулина*;

д-р ист. наук проф. Российского государственного гуманитарного университета
В. Д. Зимица;

д-р филос. наук, зав. каф. философии ВолгГТУ *Е. Ю. Леонтьева*;

д-р пед. наук, зав. каф. иностранных языков ВолгГТУ *А. М. Митина*;

канд. социол. наук доцент ВолгГТУ *Н. А. Овчар* (ответственный секретарь)

д-р ист. наук, зав. каф. истории ВГАСУ *Г. В. Орлов*;

д-р филос. наук профессор ВолГУ *Н. В. Омельченко*;

д-р юр. наук проф. ВолГУ *Н. В. Ростовицков*;

член-корр. РАО, д-р пед. наук, зав. каф. ВГПУ *В. В. Сериков*

Печатается по решению редакционно-издательского совета
Волгоградского государственного технического университета

Известия Волгоградского государственного технического университета: межвуз. сб. науч.
ст. № 9(57) / ВолгГТУ. – Волгоград, 2009. – 138 с. – (Сер. Проблемы социально-гуманитарного
знания. Вып. 6).

Содержит статьи, раскрывающие методологические и некоторые методические аспекты гуманитар-
ных наук.

Ил. 9. Табл. 7. Библиогр.: 170 назв.

СОДЕРЖАНИЕ

ФИЛОСОФИЯ

<i>Димитрова С. В.</i> Трансцендентные основания личного бытия.....	5
<i>Гарбузов Д. В.</i> Антропологическое содержание времени в учении М. Хайдеггера об «онтологической разнице» бытия и сущего.....	8
<i>Шахалова О. И.</i> Маргинальные пространства и геополитические интересы.....	12
<i>Смородинов Р. А.</i> Непреодоленный юмизм.....	16
<i>Соловьев А. А.</i> Постнеклассический тип рациональности и перспективы развития образования.....	20
<i>Григорьев А. В.</i> Онтологический аспект понятия «риск».....	23

СОЦИОЛОГИЯ

<i>Першин Н. И.</i> Под флагом демократии.....	27
<i>Дулина Н. В., Мойсов В. В., Токарев В. В.</i> Стратегии антикризисного поведения россиян.....	34
<i>Овчар Н. А.</i> Влияние элементов информационного пространства на социальное самочувствие населения.....	39
<i>Дулина Н. В., Овчар Н. А.</i> Социокультурное поле региона: методология и методика исследования.....	42
<i>Прошечкин С. Е.</i> Условия труда и быта сельскохозяйственных рабочих Саратовской губернии на рубеже XIX–XX вв.	45
<i>Кравцов М. Ю., Соловьева А. В.</i> Некоторые актуальные проблемы теории социального контроля.....	51

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

<i>Баландина Э. Г.</i> Незакатное солнце империи, или Миф о Государе-императоре.....	55
<i>Овчар Н. А.</i> Культура организации: к определению понятия.....	58
<i>Перцева Ю. И.</i> Проблемы и перспективы развития культурной политики в Волгоградской области.....	62
<i>Баландина Э. Г.</i> «Другой взгляд»: культурные сдвиги современного гендера.....	64

ПЕДАГОГИКА И ПСИХОЛОГИЯ

<i>Митяева А. М.</i> Компетентностный подход в профессиональной подготовке специалистов к взаимодействию в конфликтной социальной среде.....	77
<i>Тельтевская Н. В.</i> Условие формирования готовности студентов к творческому применению знаний.....	82

<i>Лулева И. Г.</i>	Методологическая компетентность инженера: гуманитарно-целостный подход.....	86
<i>Мифтахутдинова Ф. Р.</i>	Модель процесса формирования качественной культуры.....	91
<i>Антонов Ю. И.</i>	Сущность и виды управленческих умений.....	96
<i>Ахромеева С. Л.</i>	Об основах здоровьесберегающей деятельности в учреждениях СПО в русле компетентностного подхода.....	101
<i>Тухбатуллина Л. М.</i>	Формирование профессиональной компетенции дизайнеров с использованием метода проектов.....	105
<i>Новоженкина Е. В.</i>	Реализация компетентностного подхода в обучении иностранным языкам.....	110
<i>Воронков Д. В.</i>	Формирование коммуникативной компетентности студентов технического вуза.....	113
<i>Тикушина И. А.</i>	Формы и содержание подготовки преподавателей неформального образования за рубежом.....	116
<i>Ситникова О. И., Потапов А. Н.</i>	Из опыта по организации и проведению открытого семинара «Сталинград. Память огненных дней».....	118
РЕЦЕНЗИИ		
<i>Багдасарьян Н. Г.</i>	РЕЦЕНЗИЯ на учебное пособие Р. М. Петруновой, Н. В. Дулиной, Д. В. Воронкова «Психология профессиональной деятельности: практические занятия, контрольные работы, письменные опросы, домашние задания».....	121
<i>Кибасова Г. П.</i>	РЕЦЕНЗИЯ на монографию И. Г. Селезневой, Н. А. Скобелиной, А. С. Суховой «Влияние дестабилизирующих факторов на девиантное поведение».....	122
<i>Прошечкин С. Е.</i>	РЕЦЕНЗИЯ на монографию В. Г. Бобровникова «Милосердная Россия: опыт общественной и частной благотворительности (XVIII – начало XX вв.)».....	124
НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ: ХРОНИКА, СОБЫТИЯ, КОММЕНТАРИИ		
<i>Дулина Н. В.</i>	Социальное самочувствие россиян в условиях кризиса: региональный аспект (по итогам «круглого стола»).....	127
<i>Ситникова О. И.</i>	Сталинград. Память огненных дней.....	131
<i>Дулина Н. В., Петрунева Р. М.</i>	Здоровый образ жизни студента: норма или отклонение?.....	131
<i>Ситникова О. И.</i>	Студенческим краеведческим чтениям «Край родной, навек любимый» – три года.....	132
<i>Петрунева Р. М., Дулина Н. В.</i>	«Тьмы скрытых истин нам дороже, чем возвышающий обман...» (по итогам ежегодного межвузовского смотра-конкурса студенческих научных работ «Социокультурные исследования–2009»).....	134
	Наши достижения.....	137

ББК 87 Д 46

С. В. Димитрова

ТРАНСЦЕНДЕНТНЫЕ ОСНОВАНИЯ ЛИЧНОСТНОГО БЫТИЯ

**Камышинский технологический институт (филиал)
Волгоградского государственного технического университета**

В статье представлена альтернативность двух типов активности: целерациональные действия, стремящиеся к владению предметной действительностью, и поступок, при осуществлении которого актуализируется личностное бытие и человек обретает подлинную свободу.

Ключевые слова: трансцендентность, личностная активность, целерациональные действия, актуализация личностного бытия.

S. V. Dimitrova

TRANSCENDENTAL GROUNDS OF PERSONAL EXISTENCE

The article is devoted to two alternative types of activity. The first is an aim-rational actions, which try to own objective reality. The second is the action which makes actual and a person became free.

Keywords: transcendence, personal activity, aim-rational actions, actualization of personal existence.

Сколько бы не существовал мир и что бы в нем не происходило, существуют вещи, состояния, чувства, которые создаются благодаря личностным усилиям. Под созданием подразумеваются не определенные действия и их результаты, а возможность достижения такого состояния (внеаходимости, трансцендентности), которое позволит вообразить, придумать сотворить нечто иное, принципиально новое, то, чему нет аналога в эмпирической действительности.

В настоящий момент, когда абсолютизирована целерациональная активность, бесполезные по меркам прагматичного общества людские старания выступают необходимым условием для обретения личностного бытия. Парадоксальность заключается в том, что индивид, не желающий стремиться к идеальному, утверждающий приоритетность действительности, начинает переживать реальность как нечто виртуальное. Многие действительные трагические события обладают театральной зрелищностью и вызывают интерес – «от сталинских процессов до эффектных террористических акций». Логическая завершенность данных процессов заключается не в исчезновении объективной реальности, а в распадении субъективности, ибо она превратится в «глупую причуду». По-

следней жертвой на пути к своему «Я» является само это «Я», констатирует С. Жижек [1, с. 17].

Личностное бытие, сущность человека, может найти свое выражение в «стремлении людей к недостижимому». Главными отличиями человека от других живых существ выступают возможность и стремление к тому, что в принципе недостижимо. Умение ценить не только результат как реализованную цель, но и возможность отдавать предпочтение способности пребывать в определенных состояниях, считая более значимыми сами усилия, а не практическую ценность, определяют сущность личностного бытия. Возможно, утрата именно таких состояний является одной из причин антропо-го кризиса.

Господствующее положение целерациональных действий, приоритет прагматических ценностей породил эпоху тотального потребления. Совершенствование потребностей, их разнообразие и изысканность не приводят к личностному становлению, поскольку достигнутые цели (рационализированные потребности), ориентированные на количественные изменения (повышение благосостояния, комфорта и даже увеличение знаний), не могут выступить условием для обретения человеческих качеств.

Согласно учению М. К. Мамардашвили, «специфически человеческое» порождается в процессе упорного следования к тому, чего достичь невозможно. У человека существует особое предназначение, о чем свидетельствуют переживания, связанные с отчужденностью от существующего. Человек испытывает «ностальгическую отстраненность» от обычаев, страны, даже географии. Такого рода отстраненность есть отблеск иного, чего-то более подлинного, а именно желания человека жить. «Хотеть жить – это хотеть занимать еще точки пространства и времени, то есть восполнять или дополнять себя тем, чем мы еще не обладаем» [2, с. 193].

Важно понимать, что есть что-то еще, к чему необходимо стремиться, искать особую реальность, которую невозможно установить в процессе активных действий. Подлинность бытия человек переживает в чувстве отрешенной тоски, в ощущении собственной чуждости миру. Отрешенность от мира, чувство принадлежности «другой родине» сопряжены со страхом человека «не сбыться», «не осуществиться».

Люди постоянно испытывают некоторую раздвоенность собственного существования. С одной стороны, они ощущают неуместность в мире своих высоких чувств: честности, бескорыстия, любви. В прагматичном мире такие чувства никому не нужны и вызывают, порой, насмешки и презрение. Вместе с тем человек испытывает эмпирическую тоску, он чувствует, что его активных действий и опыта недостаточно для того, чтобы иметь основания для обретения смысла жизни.

Рождение личности становится возможным в процессе пребывания в «специфически человеческих состояниях», для достижения которых нет естественного механизма. Так, если бы существовал механизм, делающий людей добрыми, то добро исчезло бы вообще, поскольку людей меняла бы внешняя сила, а не личностные усилия, преодоление самостоятельного пути. Создание механизмов счастья, по сути, аморально.

К сожалению, в истории человечества неоднократно предпринимались попытки осчастливить людей, указать верные цели, истинный путь. Неизменно возникала группа людей, знающая этот путь лучше, понимающая смысл счастья глубже и потому стремящаяся установить свое господство над другими. Необходимо помнить, что путь, ведущий к свободе, опреде-

ляет то, какой будет эта свобода, к чему она приведет. Свобода должна быть сопряжена с каждодневными усилиями индивида быть личностью.

Особенность личностного становления заключается в том, что оно не зависит от причинно-следственных связей. «То есть человек – это существо, которое сковано причинно-следственной цепью и, в то же время, находится где-то в другом месте, когда рождаются в нем какие-то человеческие состояния, для которых нет естественного механизма», пишет М. К. Мамардашвили [3, с. 203–204]. Например, если человек стремится совершать добрые дела в силу каких-то внешних причин, то смысл добра исчезает.

Тем самым основанием, целью и результатом доброты может быть только сама доброта. Если же нравственный поступок совершается для чего-то, не ради себя самого, то он безнравственен. Доброта не имеет причины, она «тавтологична». «...Стремление человека к доброте означает, что она уже есть в нем, иначе он даже не знал бы, что она существует. Она в нем уже действует и в этом действии как бы смыкается сама с собой», пишет М. Мамардашвили [2, с. 218].

Добро, благо, справедливость – это элементы неприродного, они не могут возникнуть в силу каких-то причин. Для того, чтобы утвердить идеалы добра и справедливости, бесполезно обобщать, суммировать данные чужого опыта. Нравственная практика также связана с возможностью человека проявить свое подлинное бытие. Состояния добра, совести, счастья могут возникнуть, а точнее сказать, проявить себя в процессе непрерывно возобновляемых индивидуальных усилий духовной жизни. Главной характеристикой нравственности является ее самодостаточность. Нравственная норма – это достижение некоего самодетерминированного состояния.

Таким образом, нравственность как «специфически человеческое» состояние не имеет причин, вместе с тем она не может быть рассмотрена как цель. Бытие нравственности первичнее моральных интенций, устанавливаемых ценностей. Человек должен иметь возможность оценивать происходящее, исходя не из установленных ценностей, а находясь в нравственном состоянии – состоянии личной ответственности. Быть нравственным – попытаться совершить переход от существующего «Я» к то-

му, каким должен быть человек. Высшие нравственные ценности никогда не определяются содержательно, они наполняются смыслом в каждый конкретный момент времени, благодаря личностным усилиям человека. Невозможно раз и навсегда стать личностью, установить различие между добром и злом, свободой и зависимостью – решение этих вопросов требует от каждого человека постоянной работы духа. Драматизм заключается в том, что следование высшим ценностям разрушает систему установленных ценностей, оборачиваясь для людей принципиально новыми ситуациями.

М. К. Мамардашвили отмечает, что вне риска того, что тебя могут забросить камнями, не может возникнуть человеческое пространство. Следование внутреннему долгу позволяет человеку обретать состояния, для которых «невообразима никакая причина». Достижение этих состояний связано с преодолением власти причинно-следственной связи, царящей в эмпирической действительности. «Совершенными являются такого рода предметы, которые имеют основанием только самих себя. Но мы знаем, что в мире не только нет причин для этих предметов, но есть и причины, чтобы их не было, например, нет утилитарной причины, чтобы быть добрым и честным. Но уже само стремление к порядку, добру, Богу, показывает, что все эти вещи существуют. Люди стремятся к бесполезным вещам, и в этом стремлении выражается присутствие добра, совести, справедливости. Человек ищет Бога – это означает, что он его нашел. Ведь нельзя стремиться к тому, чего нет» [2, с. 555].

Главной задачей современного человека становится возможность объективировать собственное «Я». Условием самореализации выступают подлинные формы активности, предполагающие трансценденцию личности. Безусловно, трансцендирование субъекта происходит и в целерациональных актах. Осуществляя стремления владеть предметной действительностью, устанавливая общезначимые значения, человек горизонтально трансцендирует.

Трансценденция по вертикали, наиболее нас интересующая, позволяет человеку иметь форму самостановления, устанавливая приоритет собственного «Я». В глубинном трансцендировании актуализируется не только разумная природа индивида, но и личностная уникальность. Такая форма активности будет обозначаться как поступок, противостоящий деятель-

ности. Человек, совершая поступок, сам в нем исполняется. А сознательность поступка предполагает не установление значений, а смыслотворчество. Формируется переживание личности, позволяющее воспринимать процессы самостановления как субъектные. Воля как самостановление опредмечивает «Я», а сознание субъективирует, раскрывая «объектную структуру собственного субъекта». Сознание переживает себя как действующее «Я», а итогом этих переживаний становится понимание того «кто я» и что во мне изменилось. «Таким образом, личность в поступке, в сознательном действии, является нам как специфическое единство самостановления и сознания, а вместе с тем и как своеобразный синтез объектности и субъектности» [4, с. 187].

Между тем существо поступка заключается в возможности актуализации существующего бытия. «Осуществить – значит развернуть нечто до полноты его существа, вывести к этой полноте, *producere* – про-из-вести. Поэтому осуществимо, собственно, только то, что уже есть. Но что прежде всего «есть», так это бытие» [5, с. 192].

Ценность поступка в его наличии и особом способе становления. Для реализации поступка не существует готовых схем, правил, накопленного арсенала средств (все перечисленное является необходимым при осуществлении действий, дает возможность приблизиться к цели). Любые попытки, связанные с установлением способов осуществления поступка, уничтожают его сущность подобно тому, как изобретение рецептов добра, совести делают невозможным пребывание человека в подобных состояниях. Значимость поступка в его самобытности, уникальной неповторимости, поступая, человек обретает собственное «Я».

При этом важно понимать, что бытие и мир обретают смысл, благодаря подлинным проявлениям личностного, индивидуального, выражаемого в абсурдных, бессмысленных по меркам прагматичного общества жертвах, в бесполезном сизифовом труде, в безнадежной надежде на то, чтобы придать окружающему миру целостность и ценность. Поступок онтологически ценен, ибо человек и мир нуждаются друг в друге. Более того, совершая поступок, человек утверждает правдивость и истинность бытия; ответственно создает действительность, становящуюся в последующем предметом изучения. Отказ от поступка ведет к забвению той части бытия, которая могла быть

представлена во всей ее истинности, красоте только благодаря проявлению уникальности, жизненности конкретного человека. Целостность и ценность бытия может быть выражена через индивидуальную жизненность человека.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Жижек, С. Добро пожаловать в пустыню реального / С. Жижек. – М., 2002.
2. Мамардашвили, М. К. Философские чтения / М. К. Мамардашвили. – СПб., 2002. – 832 с.
3. Иоанн Павел Второй. Личность и поступок // Соч. в. 2 т. Т. 1. – М., 2003.
4. Хайдеггер, М. Время и бытие / М. Хайдеггер. – М., 1993.

УДК 115

Д. В. Гарбузов

АНТРОПОЛОГИЧЕСКОЕ СОДЕРЖАНИЕ ВРЕМЕНИ В УЧЕНИИ М. ХАЙДЕГГЕРА ОБ «ОНТОЛОГИЧЕСКОЙ РАЗНИЦЕ» БЫТИЯ И СУЩЕГО

Волгоградский государственный университет

В статье исследуется концепция «онтологической разницы» бытия и сущего, принадлежащая М. Хайдеггеру. Выявляется значение времени в этой теоретической конструкции. Определяется антропологическое содержание понятия времени в концепции «онтологической разницы» М. Хайдеггера.

Ключевые слова: бытие, сущее, время, человек, событие, онтологическая разница, антропология.

D. V. Garbuzov

ANTHROPOLOGICAL MATTER OF TIME IN M. HEIDEGGER'S STUDIES ABOUT «THE ONTOLOGICAL DIFFERENCE» BETWEEN A PURE BEING AND A REAL BEING

Conception of «ontological difference» between a pure being and a real being, belonging to M. Heidegger, is investigated in the article. The significance of time comes to light in this theoretical construction. Anthropological matter of concept of time is determined in M. Heidegger's conception of «ontological difference».

Keywords: pure being, real being, time, Man, event, ontological difference, anthropology.

Традиционно время принято подразделять на внешнее и внутреннее в различных модификациях этих понятий. Значимость оппозиции «внутреннее–внешнее» для антропологической интерпретации времени заключается в существующей традиции различения внешнего объективного и внутреннего субъективного времени. Предполагается, что есть некая объективная, независимая от человека, реальность, называемая *временем* и субъективное, искусственное восприятие и осознание этой реальности. В целом, такое понимание предполагает модель зеркальности человеческого восприятия-осознания. Человек заключен в некоторую непробиваемую, но прозрачную сферу, которая надежно отделяет его от мира, но при этом в более или менее полной мере отражает в себе происходящее вовне. Мир движется вокруг человека и оставляет свои отражения, которые и составляют содержание восприятия-осознания. Человек имеет дело не с миром самим по себе, а с его отражениями на некотором носителе информации.

М. Хайдеггер предложил принципиально другую модель соотношения внутреннего и внешнего: «В речи присутствие *выговаривается*, не потому что оно сначала замуровано как «внутреннее» от некоего *снаружи*, но потому что оно как бытие-в-мире понимая, уже есть «*снаружи*» [1, с. 162]. «Однако в своем экзистировании человек не выходит изнутри наружу – уже сама сущность экзистирования есть открытое наружу, об-наруживающееся стояние внутри сущностного расторжения всего, как это присуще просветлению сущего» [3, с. 98]. Иными словами, никакой непроходимой, (хотя и прозрачной), границы между миром и человеком не существует. Можно сказать, что когда человек заглядывает внутрь себя, то обнаруживает тут не что-то отличное от мира, искусственно созданное, но именно раскрывающую себя естественную, спонтанную реальность, которую всегда было принято называть *внешней*. Однако возможна и обратная интерпретация: бытие осуществляется, реализуется таким образом, что предполагает наличие сущего, в кото-

ром происходит раскрытие сути происходящего осуществления бытия и, таким образом, естественная, спонтанная реальность является *внутренней* для такого сущего. С точки зрения такого подхода, понятия внутреннего и внешнего не адекватны для описания взаимодействия мира и человека и, скорее, только запутывают наше понимание.

Исходя из такого подхода, принципиальным для понимания времени становится не различие внешнего и внутреннего, а различие бытия и сущего, которое М. Хайдеггер называл «онтологической разницей». Наиболее полное заострение этой темы на проблему времени дано в докладе «Время и бытие». Здесь он проясняет сложную и неустранимую взаимозависимость времени и бытия: «Что дает повод называть рядом время и бытие? Бытие от раннего начала западноевропейской мысли до сего дня значит то же, что присутствие. Из присутствия, присутствования звучит настоящее. Последнее, согласно расхожему представлению, образует с прошлым и будущим характеристику времени. Бытие как присутствие определяется временем. <...> Нигде среди вещей бытия мы не найдем. У всякой вещи свое время. А бытие никакая не вещь, оно не во времени. И все равно бытие как присутствие, как настоящее определено временем, временным». По М. Хайдеггеру, «Присутствие (Wesen) значит: постоянное, задевающее человека, достающее его, ему врученное пребывание» [2, с. 392].

Обнаруженная взаимозависимость может быть прослежена также и исходя из времени: «Временное значит преходящее, такое, что проходит с течением времени. Наш язык говорит еще точнее: такое, что проходит со временем. Потому что само время проходит. Но при том, что время постоянно проходит, оно остается в качестве времени. Оставаться значит: не исчезать, стало быть, присутствовать. Тем самым время определяется бытием. <...> Бытие и время взаимно определяют друг друга, однако так, что ни первое – бытие – нельзя рассматривать как временное, ни второе – время – как сущее» [2, с. 392].

Бытие и время взаимосвязаны, но при этом ни то, ни другое не является чем-то актуально существующим: «Бытие – вещь, с которой мы имеем дело, но не нечто сущее. Время – вещь, с которой мы имеем дело, но не нечто временное» [2, с. 393]. Поэтому, размышляя о бытии и времени, М. Хайдеггер говорит об *открытом*

месте, а не о сущем: «...Сохраним осмотрительность. Будем говорить не: бытие есть, время есть, но: бытие имеет место и время имеет место» [2, с. 393]. «Бытие не *есть*. Бытие имеет место как выход присутствия из потаенности» [2, с. 394]. Это «имение места» М. Хайдеггер называет *вмещением*, сущностным свойством которого является незаметность, *удержание себя в сокрытости* в пользу вмещаемого. «Имение места, которое только и дает свое место всему, само же себя при этом удерживает и отнимает, – такое имение места мы называем вмещением» [2, с. 396]. Таким способом вмещающее «имение места» конструирует бытийную историю сущего: «Бытийная история определяется уместностью вмещающего бытия, в каковом вмещении как уместность, так и вмещающая местность, давая знать о самих себе, удерживают себя. Удержание себя по-гречески значит «эпохе». Отсюда речь об эпохах истории бытия. Эпоха означает здесь не временной отрезок в происходящем, но основную черту уместности, неизменное удержание ею самой себя в пользу внятности вмещаемого, то есть бытия в аспекте углубления в сущее» [2, с. 396].

Поскольку бытие рассматривается М. Хайдеггером как специфическая *эпохальная уместность* актуального, реализованного сущего, постольку естественным является вывод о том, что местом, вмещающим само бытие, обуславливающим бытие как присутствие, является время: «Отсюда близко до догадки, что Место, вмещающее бытие, обуславливающее бытие как присутствие и впускание присутствия, могло бы быть обнаружено в том, что в рубрике «время и бытие» названо «временем» [2, с. 396]. Связывая время с вмещением бытия, М. Хайдеггер тем самым дает объяснение нерасторжимой связи времени с пространством, избегая при этом распространенной традиции их отождествления: «*Пространство-время* означает сейчас открытость, просвечивающую во взаимном протяжении наступающего, осуществившегося и настоящего. Однако эта открытость и только она впервые вмещает привычно известное нам пространство во всей возможной для него широте. Просвет взаимопротяжения наступающего, осуществившегося и настоящего сам допространственный, только поэтому он может вмещать пространство, то есть иметь *место*» [2, с. 399].

Впрочем, о *времени* тоже нельзя сказать, что оно *есть*, но нужно говорить, что оно

«имеет место»: «Место, вмещающее время, определяется из отклоняюще-отказывающей близости. Оно хранит открытость пространства-времени и таит то, что остается отклонено в осуществившемся, в чем отказано настоящему. Мы называем место, вмещающее собственно время, просветом утаивающего протяжения. Поскольку протяжение само есть вмещение, в собственно времени уже таится имя места...» [2, с. 400]. Таким образом, здесь М. Хайдеггер еще раз подчеркивает эпохальную, самоудерживаемую от осуществления природу времени, создающую просвет бытия как открытое место, в котором происходит процесс осуществления, становления.

Время как местоимение бытия содержит в себе сразу источник вмещения и последовательного становления сущего, то есть пространственные и динамические характеристики мира. Такое понимание в наиболее полной мере выразилось в концепции четырехмерного времени, которая, в известном смысле, представляет собой хайдеггеровский эквивалент четырехмерного пространства-времени теории относительности. М. Хайдеггер формулирует свою мысль следующим образом: «...Наступающее приносит с собой осуществленность, осуществленность – наступление, а взаимосвязь обоих – просвет открытого простора. Понятое из этого тройкого протягивания, собственно время оказывается трехмерным. Измерение <...> мыслится здесь не только как сфера потенциальных замеров, но как сквозное достижение, как создающее просвет протяжение. <...> Скорее единство трех измерений времени покоится на игре каждого в пользу другого. Эта взаимная игра оказывается особенным, в собственном времени разыгрывающимся протяжением, то есть как бы четвертым измерением – не только «как бы», но по сути дела. Собственно время четырехмерно. Что, однако, мы называем при перечислении четвертым, по сути дела – первое, то есть все собою определяющее протяжение. Им несомно в наступающем, в осуществившемся, в настоящем их каждый раз особое присутствие, в его просвете они разведены между собой и тем сведены во взаимной близости, из-за которой три измерения оказываются близки друг другу» [2, с. 400]. Таким образом, осуществление бытия содержит, согласно М. Хайдеггеру, особую игру вмещения сущего, когда каждое измерение (настоящее, осуществившееся и актуально находящееся в просвете

осуществления) сохраняет целостность осуществляемого, удерживая себя от проявления каждый раз в пользу друг друга.

Поставив проблему таким образом, ученый замыкает круг вопрошания. Точно так же, как нельзя спрашивать, что *есть* бытие, невозможен и вопрос, где *есть* время? Он пишет: «...Мы уже не имеем больше права спрашивать подобным образом о Где, о месте, в котором имеет место время. Ибо само собственное время, область его близящей близью определенного тройкого протяжения и есть та допространственная местность, через которую впервые имеет место всякое мыслимое Где» [2, с. 400].

Способ, которым М. Хайдеггер размыкает этот круг вопрошания можно назвать антропологическим, поскольку в первую очередь именно бытие (*Dasein*) человека таково, что выражает собственное свойство времени удерживать свою *экс-статичность*, свое *самообладание* в неосуществленном отсутствии для того, чтобы открывать предстоящее сущее. Иными словами, временная эпохальность – это фундаментальное свойство человечности человека. В частности, философ пишет, что «Времени нет без человека. Только, что означает это «нет без»? Человек создатель времени или его получатель? И если второе, то как человек получает время? <...> Собственно время есть единящая тройкий просвет его протяжения близость присутствия из настоящего, осуществившегося и будущего. Она уже достала человека как такового настолько, что он может быть человеком только, когда стал внутри простора тройкого протяжения и выстоял определяющую это протяжение отклоняюще-отказывающую близость. Время не нечто сделанное человеком, человек не нечто сделанное временем. Здесь не имеет место никакая сделанность. Здесь имеет место только Место в смысле названной выше открытости просвета пространства-времени» [2, с. 401]. *Бытие человека – это та неустрашимая точка отсчета, без которой невозможно преодолеть замкнутый круг вопрошания о времени.*

Антропологическое преодоление замкнутого на себе круга вопрошания о времени выразилось в понятии «события»: «То, чем определяются оба, время и бытие, в их собственное существо, то есть в их взаимопринадлежность, мы называем *событием*». «Время и бытие сбываются в событии» [2, с. 402]. М. Хайдеггер выделяет две главные особенности события:

самоотнятие и задевающее касательство. Можно сказать, что первая из них выражает антропное основание человеческого бытия, а вторая, наоборот, – исходно присущую бытию сущего антропность.

Во-первых, событие – это то, что позволяет сбыться времени и бытию, то есть чистая *вмещаемость*, уместность, чистое *эпохе*, *удерживание* своей сокрытости для вмещения: «...Уместность во вмещении бытия была характеризована как некое отдание, когда само вмещающее удерживает себя и в этом самообладании ускользает от открытия, остается потаенным. В собственном времени и в его пространстве-времени показало себя протяжение осуществившегося (уже-не настоящего) отказ в этом последнем. В протяжении будущего (еще-не настоящего) показало себя удержание от этого последнего. Отказ и удержание свидетельствуют о той же черте, что и самообладание при вмещении, а именно: о самоускользании. Таким образом, поскольку вместительность бытия покоится в протяжении времени, а это последнее вместе с бытием – в событии, то в событии дает о себе знать то особенное, что оно отнимает у безудержного раскрытия свою собственнейшую суть. Понятое со стороны события, это значит: оно отнимает себя в названном смысле у себя самого. К событию как таковому принадлежит это отнятие. Через него событие не оставляет себя, но хранит свою собственность» [2, с. 405].

Во-вторых, событие – это то, что помещает человека в источник осуществляющегося бытия и времени, наделяя его преимущественным к ним отношением: «Другую особенность в событии мы заметим, как только с достаточной отчетливостью осмыслим уже сказанное. В бытии как присутствию заявляет о себе касательство, которое так задевает нас, людей, что во внимании к этому касательству и в принятии его мы нашли отличительность человеческого бытия. А это принятие того, чем захватывает присутствие, покоится в его способности стоять внутри области того простираемого, в качестве которого нас достало собственно время в его четырех измерениях. Поскольку бытие и время имеют место только в событии, этому последнему принадлежит та особенность, что им человек как тот, кто внимает бытию, выстаивая в собственном времени, вынесен в свое собственное существо. Так сбывающийся человек принадлежит событию» [2, с. 405]. Бытие явля-

ется *событием* сущего, время – *событием* бытия и все это сбывается как *событие*. Событие же «ни есть, ни имеет себе еще какое-то место», оно – сбывается [2, с. 406].

Подводя итоги, можно сказать, что М. Хайдеггер исчерпывающе глубоко и убедительно сформулировал фундаментальные принципы соотношения бытия и времени в контексте человеческого существования, основываясь на которых можно производить детальную проработку данной тематической области исследования. В частности, *смысл времени связан с бытийной сферой осуществления бытия, и, следовательно, время не может быть объяснено из феноменологии уже актуализированного, реализованного сущего*.

Из этого можно сделать три вывода. Такие традиционно связываемые со временем характеристики, как движение, ритм, последовательность, длительность и прочие хотя и указывают на время, но только опосредованным образом. Это всегда характеристики не собственно времени, но того или иного актуализированного сущего, реализация которого, однако, не была бы возможна без времени в собственном смысле. Природа времени такова, что оно ускользает от возможности фиксирования его собственно бытия, его проявление сводится к никоим образом фактически не уловимому мгновению осуществления бытия сущего.

Время в собственном смысле может быть обнаружено только там, где происходит самораскрытие бытия сущему, то есть в существовании человека.

Время – это принципиально философская проблема, поскольку только философия представляет собой знание, которому открыта предметная область бытия сущего, между тем как все остальные науки имеют дело всегда только с уже актуализированным сущим, то есть вне понимания различия бытия и сущего. Следовательно, все частные науки обречены иметь дело не с временем как таковым, а только с его проявлениями, отпечатками, следами в сущем.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Хайдеггер, М. Бытие и Время / М. Хайдеггер. – М.: Ad Marginem, 1997. – 451с.
2. Хайдеггер, М. Время и Бытие / М. Хайдеггер // Время и бытие: Статьи и выступления. – М.: Республика, 1993. – 447 с.
3. Хайдеггер, М. Исток художественного творчества / М. Хайдеггер // Работы и размышления разных лет. – М.: Издательство «Гнозис», 1993. – 464 с.

УДК 327
ББК 87.6

О. И. Шахалова

МАРГИНАЛЬНЫЕ ПРОСТРАНСТВА И ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЕ ИНТЕРЕСЫ

Волгоградский государственный технический университет

В статье рассматривается роль маргинальных пространств в мировой геополитике. Будущее геополитического противостояния сверхдержав видится не только как борьба за территориальные, водные и околоземные пространства, но и как вторжение в слои литосферы с целью управления тектоническими процессами. Особая роль в современной геополитике отводится России как цивилизации, обладающей маргинальным статусом.

Ключевые слова: маргинальность, маргинальные территории, пространство, хартленд, римленд, геополитика, литосфера.

O. I. Shakhhalova

THE MARGINAL FIELDS AND THE GEOPOLITICAL INTERESTS

Volgograd State Technical University

The value of marginalities fields in a world geopolitic is considered in this article. The future of geopolitical contradictions must explain that a struggle not only for territorial, oceans, space's fields, but a struggle for lithosphere and power under internal processes in the earth. Russia, as a marginal civilisation, has a main place in modern geopolitical struggle.

Key words: space, marginal fields, marginality, rimlend, heartland, geopolity, lithosphere

Давно не требует лишних доказательств утверждение, что характер международных отношений во многом определяется характером борьбы за маргинальные территории. Особая роль маргинальных пространств подчеркивалась классиками геополитики, причем маргинальный статус определялся как «окраинность», «пограничность», «промежуточность» положения территории между «центрами силы», имеющими выгодное географическое положение, занимающими ключевые позиции в сфере экономики и, как следствие, имеющими большой вес в сфере международной политики и идеологии.

С момента своего возникновения в XIX и начале XX веков (Ф. Ратцель, Р. Челлен, А. Т. Мэхэн, Х. Маккиндер, Н. Спикмен, К. Хаусхофер и др.) геополитика основным объектом исследований полагала проблему территорий, пространства, месторасположения (автор термина «геополитика» – шведский профессор Р. Челлен). По сути, классическая геополитика может быть обозначена как географический детерминизм. Исторический процесс есть естественный отбор. Отвоевываемые у других пространства в «уже поделенном мире», государства вступают в «борьбу за существование», то есть борьбу за пространство, которая означает борьбу за новые источники сырья и рынки сбыта. Победителями являются экспансионистские великие

державы, империи. Малые же страны вынуждены подчиняться великим державам, которые должны объединить их в большие хозяйственные комплексы (например, Британская и Российская империи, США).

Надо отметить, что накануне и во время второй мировой войны основные идеи геополитики были востребованы в реальной европейской политике и идеологии, сыграли свою роль в подготовке этой войны. Так, исходя из доктрины противопоставления сухопутных и морских цивилизаций, главными противниками Великобритании были Германия и Россия (СССР). В определении своей внешней политики Великобритания достаточно сделала для того, чтобы не допустить стратегического союза между этими центральными евразийскими державами, и проводила политику экспансии в отношении маргинальных, окраинных территорий (например, военные действия в Северной Африке). Более того, во многом благодаря стараниям английских политиков между Германией и СССР была создана буферная зона из малых государств. Эти прибалтийские и восточноевропейские страны один из ведущих современных геополитиков А. Дугин обозначает весьма обидным термином «*etats-tampons*» – «государства-тампоны».

Деление цивилизаций на «Море» (талласократия) и «Сушу» (теллурукратия) становится

парадигмой геополитики. Американский адмирал А. Мэхэн разрабатывал концепцию «морской силы» (Sea Power) и настаивал на преимуществе морских держав в установлении всемирной торговой цивилизации. Контроль над морями и использование морей являются, согласно А. Мэхэну, источником стратегического, политического, экономического доминирования государств. Он развивал принцип «анаконды» – блокирование вражеских выходов к морю, выведение из-под контроля береговых зон и, как следствие, сжатие территорий врага в кольцах «анаконды». Стратегической задачей «морской цивилизации» А. Мэхэн называл борьбу с евразийскими континентальными государствами (Россией, Китаем, Германией), главным же противником он объявлял Россию. Впоследствии возникают всевозможные термины, обозначающие морские и континентальные цивилизации.

Одной из главных тем геополитических исследований является поиск сердца мира – хартленда (heartland); контроль над этим регионом должен обеспечить мировое господство. Понятие «хартленд» (термин введен Фэйгрином в 1915 г.) становится одним из основных в классической геополитике, причем представления о ключевом регионе мирового господства различны. Например, британский профессор Х. Маккиндер самым выгодным географическим положением считает пространство в центре Евразийского континента, «географическую ось истории». Он вводит в оборот и другие популярные геополитические термины: Мировой Остров (World Island), включающий в себя Азию, Африку, Европу, центром которого и является хартленд (что соответствует географическому положению России); «внутренний или крайний полумесяц» (inner or marginal crescent) – береговые зоны евразийского континента (Средиземноморье, Ближний Восток, Индия, Китай, Юго-Восточная Азия); «внешний или островной полумесяц» (outer or insular crescent) – островные государства (Великобритания, Северная Америка). Ученый особо отмечает роль «внутреннего полумесяца» – маргинальных территорий, находящихся на пересечении водных и морских путей, в развитии цивилизации. Борьба за береговые зоны становится стратегической задачей сил Моря. Более того, Х. Маккиндер объявляет в силу геополитических причин цивилизации внутренних пространств Евразии недемократиче-

скими, авторитарными, а морские цивилизации – либеральными, торговыми, демократическими. Геополитическое противостояние выражается в политической и идеологической конфронтации.

Американский профессор и основатель Йельского института по изучению международных проблем Н. Спикмен в еще большей степени уделял внимание «маргинальному полумесяцу» (прибрежным евразийским территориям), обозначая их как римленд (rimland, от англ. rim – край, ободок). Идея римленда – одна из главных в геополитике. Ф. Моро-Дефарж определяет «римленд как промежуточное пространство, имеющее жизненно важное значение как для морских, так и для континентальных держав. А. Дугин пишет: «Rimland является пограничной зоной, поясом, полосой. Вместе с тем это граница. Такое сочетание подводит к геополитическому определению границы. Пространственный объем береговых зон является следствием взгляда на материк извне, "от лица морских пришельцев". Именно для "сил моря" берег является полосой, простирающейся вглубь суши. Для самого материка берег напротив, это предел, линия. Граница как линия (а именно так она понимается в международном праве) – это рудимент "сухопутной юриспруденции", унаследованный современным правом из древнейших традиций. ...Так как геополитика совмещает оба взгляда на пространство морской и сухопутный, то в ней rimland понимается как особая реальность, как граница-полоса, причем ее качественный объем зависит от того, какой импульс доминирует в данном секторе – сухопутный или морской. ...Свободные от необходимости нести на себе тяжесть географического заряда истории "пограничные зоны" сплошь и рядом направляют свою энергию в культурно-интеллектуальные сферы. И умелое использование этого "легкого" геополитического потенциала составляет искусство геополитической стратегии противоборствующих сторон. При этом именно "морские силы" овладели этим в совершенстве, так как всегда основывались на принципе максимального и скорейшего извлечения пользы из колонизированных территорий. Это отличало их от сухопутных завоевателей, которые после захвата территории сразу же начинали считать ее своей, а, следовательно, не очень спешили выжимать из нее все, что можно» [1].

Более того, именно контроль над римлендом (а не над хартлендом) является ключом к мировому господству. И если Х. Маккиндер подчеркивал важность «береговых зон» в скрещении интересов сухопутных и морских держав, то Н. Спикмен рассматривает римленд как центры «мировой мощи» (атлантическое побережье Северной Америки, европейское побережье, Дальний Восток, Индия). Он, вводя понятие «Срединный Океан» (Midland Ocean), является одним из основателей «атлантистского» направления в геополитике. «Атлантическое сообщество» (Западная Европа и восточное побережье США, которые являются лидерами сообщества) объявляются Н. Спикменом территорией, наиболее развитой в экономическом, технологическом, политическом и культурном отношении, оплотом либерализма и демократии.

Сегодня речь идет о видении мира многополярным и поликультурным, лишенным доминирующего центра. Однако реальная геополитическая ситуация видится иной. Несмотря на крах СССР и широкое распространение мондиалистских (теория конвергенции З. Бжезинского, концепция «конца истории» Ф. Фукуямы и др.) и полицентрических (С. Коэн, С. Хантингтон и др.) концепций, *геополитический дуализм*, основанный во времена «холодной войны» на противостоянии двух сверхдержав, отнюдь не утратил своей актуальности.

Безусловно, однополярным и, тем более, единым, мир быть не может, так как исчезает противоречие – источник развития, представления же о многополярности современного мира весьма иллюзорны. Геополитическое противостояние России и США сохраняется, а по мере декларирования Россией усиления своих международных позиций наглядно реализуется в противостоянии политическом, экономическом, военном. В последние годы наращивание военного присутствия США в странах Балтии и Восточной Европы и размещение военно-морских баз полностью соответствует принципу «анаконды» адмирала А. Мэхэна (статус Севастополя, без сомнения, будет определен в итоге в результате геополитической схватки России и США, где Украина выступает в роли римленда, над которым необходимо установить полный контроль). Кроме того, война в Южной Осетии в августе 2008 года ярко продемонстрировала военные интересы США в Закавказье. Объявление «ничейными» территориями мало-

заселенной Восточной Сибири (а еще Х. Маккиндер назвал ее Леналендом (Lenaland)) и Арктики, доступ к ресурсам которых должно получить мировое сообщество, вполне вписывается в планы борьбы за маргинальные зоны «внутреннего полумесяца».

Ситуация усугубляется тем, что (если использовать геополитическую терминологию) Россия, находящаяся в середине Евразии, есть хартленд, являющийся в то же время римлендом (парадоксально, но маргинальный статус «между» позволяет говорить не только о центральности, но и пограничности российской территории), либо римленд, являющийся в то же время хартлендом. Центр силы и в то же время маргинальная территория – двойственность, двуликость, маргинальность. Цивилизация, развитие которой на протяжении всей своей истории определялось маргинальным статусом «между»: между Востоком и Западом, между умом и сердцем, между Богом и дьяволом, между Бытием и Ничто.

Вся история России есть история борьбы либо с «разбойниками суши», либо с «разбойниками моря», либо с теми и другими одновременно. Вся мировая история, так или иначе, есть борьба за обладание Россией – хартлендом и римлендом в одном лице, причем характер сражений этой всемирной войны различен в разные эпохи (территориальный, экономический, политический, идеологический, духовный).

Современные геополитические исследования вышли далеко за рамки географического детерминизма (хотя Ш. Монтескье и называл власть климата первойшей властью на земле). В геополитике последних десятилетий уделяется гораздо большее внимание экономическим и идеологическим факторам (Дж. Харви, И. Валлерстайн, П. Тэйлор, С. Коэн, Ж. Аттали и др.), определяющим «центры силы», центры международного влияния. Например, П. Тэйлор причины мощи доминирующих государств усматривает не столько в военной силе, развитии технологии и экономики, а в привлекательности идей, лежащих в основе их внутренней и внешней политики. С. Коэн выделяет такие составляющие успеха, как устойчивость идеологии, национальная воля, имидж, способность к самообновлению, стратегия поддержания международного влияния.

Более того, развитие техники (авиация, ракетостроение, космическая техника) приводит

к расширению сферы геополитического противостояния и выходу противоборствующих сторон за пределы земной поверхности в околоземное воздушное пространство (атмосферу) и в космическое пространство. Как отмечает А. Дугин: «Перенос вооружений на земную орбиту и стратегическое освоение космического пространства были последним этапом "сжатия" планеты и окончательной релятивизации пространственных различий. Актуальная геополитика помимо суши и моря вынуждена учитывать еще две стихии: воздух и эфир (космическое пространство). Этим стихиям на военном уровне соответствуют ядерное оружие (воздух) и программа "звездных войн" (космос). По аналогии с теллуократией (власть Суши) и таласократией (власть Моря) эти две новейшие модификации геополитических систем могут быть названы аэрократией (власть Воздуха) и эфинократией (власть Эфира)» [1]. Причем, активные геополитические притязания в этих сферах наблюдаются со стороны морских держав, в то время как сухопутный хартленд вынужден предпринимать ответные оборонительные шаги.

Надо отметить, что околоземное космическое пространство по сути является римлендом, обладает периферийным, маргинальным статусом «вне» по отношению к Земле как центру. И установление диктата над этой маргинальной территорией будет означать установление огромной власти над земным пространством, включая все слои атмосферы. Битвы в ионосфере и космическом пространстве определяют лицо геополитических устремлений сверхдержав конца прошлого и начала нынешнего веков (инопланетяне, к счастью, являются лишь гипотетическими «разбойниками Эфира»). К сожалению, после распада Советского Союза Россия во многом утратила свои стратегические позиции.

Следуя данной логике, можно назвать римлендом, маргинальной территорией и глубинные сферы планеты Земля. Как известно, помимо атмосферы и гидросферы, в строении Земли выделяют земную кору, мантию и ядро. Земная кора (толщина которой несколько десятков километров) и верхняя часть мантии (мантия составляет 83 процента объема Земли) образуют литосферу, которая состоит из текто-

нических плит, включающих не только континентальную, но и океаническую кору, и перемещающихся горизонтально по слою верхней мантии – астеносфере. Современная глобальная тектоника изучает зоны разломов тектонических плит, связанную с их смещением сейсмическую активность и ее влияние на жизнь биосферы (и жизнь человечества в том числе). С большой степенью уверенности можно утверждать, что вторжение в периферийные зоны литосферы и контроль над передвижением (либо управление передвижением) тектонических плит позволит (в совокупности с космическими проектами) установить и полный диктат над Землей. Перефразируя С. Хантингтона, скажем: «Линии разлома между литосферными плитами – это и есть линии будущих фронтов». Однако специфика литосферного римленда в недоступности (самая глубокая в мире скважина на Кольском полуострове – 12262 м, а в данном случае речь идет о контроле над территорией на глубине от 10000 до 80000 м). Борьба за литосферу или геополитический проект под названием «литократия» (власть над литосферой) практически неосуществим на данном этапе технического развития. Не говоря уже о власти над ядром Земли и внутренним субъядром (хартлендом в наиболее полном смысле слова)...

Однако помимо географических (в широком смысле слова), экономических и политических факторов, определяющих статус маргинальных территорий, огромную роль играют факторы, связанные с культурной и духовной идентичностью народов.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Дугин, А. Основы геополитики [Электронный ресурс] / А. Дугин. – Режим доступа: <http://www.geopolitika.ru>
2. Моро-Дефарж, Ф. Введение в геополитику / Ф. Моро-Дефарж. – М.: Конкорд, 1996.
3. Маккиндер, Х. Географическая ось истории [Электронный ресурс] / Х. Маккиндер. – Режим доступа: <http://www.geopolitikcs.nm.ru/mackinder.html>
4. Мэхэн, А. Т. Влияние морской силы на историю, 1660–1783 / А. Т. Мэхэн. – М.: ООО "Издательство АСТ"; СПб.: Terra Fantastica, 2002. – 634 с.
5. Хантингтон, С. Столкновение цивилизаций / С. Хантингтон // Полис. – 1994. – № 1. – С. 33–48.

ББК 87 Д 46

*Р. А. Смородинов***НЕПРЕОДОЛЕННЫЙ ЮМИЗМ****Волгоградский государственный технический университет**

В данной статье рассмотрены скептические аргументы шотландского философа Дэвида Юма (1711–1776), касающиеся основных онтологических вопросов. В частности, показано, каким образом Д. Юм пошатнул все основы метафизики и подверг сомнению возможность какого бы то ни было формального доказательства или обоснования, а также бытие как внешней реальности, так и человеческой души.

Ключевые слова: агностицизм, индетерминизм, метафизика, разум, сомнение, скептицизм.

*R. A. Smorodinov***TRIUMPHAL HUMISM****Volgograd State Technical University**

Critical arguments of philosophy of David Hume are reviewed in this paper. It is shown that now too Hume's skepticism have vital force, which none could refute and none could accept.

Keywords: agnosticism, indeterminism, metaphysics, mind, skepticism, subjectivism, temporology.

Дэвид Юм создал сдержанную философию, чуждую как материализму, так и объективному идеализму. По словам Бертрانا Рассела, он «развил до логического конца эмпирическую философию Локка и Беркли и, придав ей внутреннюю последовательность, сделал ее неправдоподобной (made it incredible)» [3, с. 685].

Вслед за скептиками-пирронистами и даже более, нежели они, Дэвид Юм подверг сомнению каузальные связи вещей. По мнению шотландского философа, в опыте наблюдается только одновременность событий или их следование друг за другом, но никакой связи между ними не наблюдается. Заключение автора о причинной связи, выводимое из повторения фактов, в каждом из которых такой связи нет, противно разуму: отсутствие причинной связи, сколько раз его ни повторяй, не может такую связь породить. Поэтому все заключения людей о причинной связи «не основываются на рассуждении или на каком-либо процессе мышления» [2, с. 41].

Д. Юм поставил под сомнение любое индуктивное умозаключение, причем понимал проблему индукции шире, нежели сторонники вероятностных выводов. Как некогда античный скептик Секст Эмпирик подверг критике так называемых академиков за их учение о вероятности, так и Д. Юм полагал, что вероятность не имеет смысла, ибо при помощи размышления, рассуждения, умозаключения ни к какому выводу, даже к выводу о вероятной причинной связи прийти нельзя, поскольку «случайность есть не что иное, как отрицание причины (the negation of a cause)» [1, с. 172].

Действительно, как справедливо отмечает Курт Хьюбнер [10, с. 31–32], из регулярно повторяющегося следования одних событий за другими никак нельзя заключить, что одни из этих событий неизбежно, с необходимостью вызывают другие, что одни из них причины, а другие – их следствия. Это относится даже к таким, казалось бы, универсальным положениям, как законы природы. И никакой опыт здесь помочь не сможет. Ибо опыт, лежащий в основании этих законов и постоянно подтверждающий их успех, относится к прошлому. Поэтому всегда можно сказать лишь то, что наши ожидания, основанные на законах, до сих пор постоянно оправдывались. Но, в таком случае, какое имеем мы право делать заключение от прошлого к будущему и утверждать, что эти законы вообще являются действительными? Наш практический опыт совершенно не дает нам права делать такой вывод.

Легко понять, что, апеллируя к опыту, мы обречены двигаться по кругу. Аргументация могла бы идти иначе (а фактически именно так это обычно и происходит): до сих пор наши умозаключения от прошлого к будущему подтверждались практическим успехом, поэтому и в будущем такое же рассуждение приведет нас к успеху, что будет служить доказательством обоснованности данного способа рассуждения. Однако это обоснование опирается на то, что еще только должно быть обосновано – на заключение от прошлого к будущему, которое сводится к простому переносу на будущее практического успеха в прошлом.

Апелляция к логике помогает в данном случае не больше, нежели отсылка к опыту, ибо в логике отсутствует такое понятие, как постоянство законов природы, из которого исходят все умозаключения указанного здесь типа. Логика в ее пустой и формальной всеобщности не говорит ничего о конкретных характеристиках природы, а потому и об их постоянстве. Логика есть правила делать умозаключения, но сама ничего не говорит о мире.

По словам Бертрانا Рассела, современная наука убедительно свидетельствует о правоте Д. Юма в вопросе о причинности: «Наиболее сильный аргумент в пользу Д. Юма можно вывести из характера причинных законов физики... Насколько это касается физических наук, Д. Юм полностью прав: такие пропозиции, как “А является причиной В” никогда нельзя принять, и нашу склонность принимать их можно объяснить законами привычки и ассоциации (by the laws of habit and association)» [3, с. 695].

Б. Рассел убежден, что выдвинутые Д. Юмом аргументы успешно опровергают взгляды всех философов XVIII–XIX вв., в учении которых содержится рационализм [3, с. 698–699].

Юм утверждал, что «все события совершенно отделены и изолированы (entirely loose and separate) друг от друга и что они никогда не бывают *связаны (connected)* друг с другом» [2, с. 87]. «Между объектами нет доступной нашему наблюдению связи; и только при помощи действующей на воображение привычки, а не какого-то иного принципа мы можем вывести из явления одного объекта заключение о существовании другого» [1, с. 142].

По мнению ученого, общепринятое представление людей о том, что все вещи как-то друг с другом связаны, имеет своим источником привычку, внушаемую нам мысль о взаимосвязанности вещей, между которыми в реальности никакой связи нет: «Когда мы говорим, что один объект связан (connected) с другим, мы при этом подразумеваем только, что они приобрели связь в наших мыслях (they have acquired a connexion in our thought)» [2, с. 89].

Поскольку любой объективизм (будь то объективный идеализм, будь то материализм) всегда догматичен, скептицизму присущи те тенденции, которые принято называть субъективистскими. К сожалению, советские учебные заведения давали одностороннее и предвзятое представление о субъективизме, порой отождествляя его с солипсизмом и панелевтерией

(панελευθερία). Субъективизм не обязательно отрицает внешний мир и даже в рамках солипсизма не обязательно утверждает полную свободу субъекта.

Секст Эмпирик называл *явление (φαινόμενον)* внутренним *представлением (φαντασία)* (*Sextus Empiricus. Pyrrhoniae hypotyposes*, I, 22). В этом, конечно, есть элемент субъективизма, ибо явление, как правило, признается объективным, тогда как представление – принадлежащим субъекту. Однако не следует понимать этот субъективистский элемент в смысле солипсизма, ведь для солипсизма необходимо было бы отрицать существование самой *вещи в себе*, а этого скептики не отрицают уже потому, что они вообще ничего не отрицают. Просто-напросто скептицизм, исходя из *принципа экономии* или *принципа Оккама*, не рассматривает явление как нечто самостное, что можно было бы противопоставить представлению или восприятию. Допущение, что есть вещь сама в себе и есть также явление этой вещи, которое столь же реально, как и вещь (хотя и отлично от нее), и не зависит от субъекта, равносильно утверждению объективного идеализма об абсолютных явлениях. Утверждение, что явление материального тоже материально, приводит к непреодолимым трудностям, ибо такое явление аподиктично предполагает свое собственное явление, которое, в свою очередь, предполагает свое, и т. д. С другой стороны, при более строгом рассмотрении явлением обычно называется не что иное, как представление (восприятие), хотя и не все готовы признать это. Не случайно уже в самом понимании явление негласно подразумевает субъект, которому предоставляется это явление (который воспринимает явление). Причем одна и та же вещь может являться разным субъектам по-разному, в зависимости от познавательной способности субъекта. Как уверяют зоологи, рак видит мир плоскостно, лягушка видит только то, что движется, а значит, возможно, что гуманоиды высшего развития видят мир совсем по-иному, чем люди. Да и сами люди если, не дай Бог, вдруг все как один лишатся трехмерного восприятия, то под «объективными явлениями» будут разумеать совершенно иное, нежели сейчас. А потому явление, будучи не чем иным, как образом вещи, либо тождественно вещи в себе (монический идеализм), либо тождественно представлению вещи субъектом. Во втором случае явление существует

в сознании познающего субъекта, а не является некоторой субстанцией между вещью и субъектом, то есть это явление есть не что иное, как представление (восприятие).

Одним из главных ниспровергателей материализма является Джордж Беркли, давший, по словам Д. Юма, «лучшие уроки скептицизма (the best lessons of scepticism) из всех тех, которые можно найти у древних или новых философов» [2, с. 180–181]. Д. Беркли в своей атаке на материализм прежде всего опирался на сенсуализм Джона Локка. Однако клойнский епископ не стал поддерживать разделение качеств на первичные (присущие внешней вещи) и вторичные (зависящие от познавательной способности субъекта), а свел первые ко вторым: все качества не только идеальны, но и субъективны. Конечно, критика Д. Беркли несколько односторонняя и даже не нова для его времени, однако выводы, последующие из нее, трудно переоценить. Он, вооружившись основными принципами номинализма и *бритвой Оккама* (Occam's Razor, или Ockham's Razor), не оставил материи места для существования: «Ввиду того, что догмат (tenet) о существовании материи пустил, видимо, столь глубокий корень в умах философов и влечет за собой столь многочисленные вредные выводы, я предпочитаю показаться скучным и утомительным, лишь бы не опустить ничего для полного разоблачения и искоренения этого предрассудка (prejudice)» [4, с. 90]. Единственная вещь, существование которой отрицается, есть то, что философы называют материей или телесной субстанцией (corporeal substance). Отрицание ее не приносит никакого ущерба остальному роду человеческому, который никогда не заметит ее отсутствия (will never miss it) [4, с. 99]. Схоласты и Дж. Локк утверждали, что Бог сначала сотворил материю, а затем использовал ее для построения Вселенной, которую мы населяем. Д. Беркли, вооруженный бритвой Оккама, отсекает лишнюю сущность (материю) и говорит, что за нашим представлением о мире стоит непосредственно Бог, которому, дабы дать нам представление, отнюдь не обязательно творить материю.

Дэвид Юм во многом следует за Д. Беркли, которого называет «great philosopher» [1, с. 34]. Вообще, в философии Д. Юма субъективизм господствует: «Мы в действительности никогда ни на шаг не выходим за пределы самих себя и не можем представить себе какое-нибудь суще-

ствование, кроме тех восприятий, которые появились в рамках этого узкого кругозора (but those perceptions, which have appeared in that narrow compass). [Кругозор же] этот – универсум, [созданный] воображением» [1, с. 97]. Д. Юм, как и Д. Беркли, а также античные скептики, исходил из того феноменалистского тезиса, что люди не имеют дела ни с чем, кроме своих впечатлений и идей. Следуя за Д. Беркли, он утверждал, что те же аргументы, которые доказывают, что вторичные качества (запах, вкус, цвет и т. п.) не присущи материальным объектам вне нашего сознания, а существуют лишь в сознании людей, действительны и в отношении первичных качеств (протяженность, непроницаемость): ни одно из них не существует вне нашего сознания. А если все приписываемые материи качества, все доступные нам ее характеристики не существуют реально, то, очевидно, нет вне нашего сознания и той совокупности этих качеств или характеристик, которую называют материей [2, с. 181]. Но если из того, что возникновение ощущений и их характер не зависят от нашей воли, от нашего сознания, Д. Беркли сделал вывод, что вне нашего сознания и независимо от него существует реальный источник наших ощущений – Бог, то Д. Юм не принял этот взгляд. По его мнению, «прибегать к правдивости Верховного Существа (Supreme Being) для доказательства правдивости наших чувств – значит обходить вопрос совершенно неожиданным образом» [2, с. 179]. Что же касается существования вне нашего сознания чего-то нематериального, некоего бестелесного духа, вызывающего, по мнению Д. Беркли, у нас ощущения, то опыт, заявляет Д. Юм, ни о каких качествах такого духа ничего нам не сообщает, и если мы отвергнем существование чего бы то ни было вне нашего сознания, то «потеряем все аргументы, которыми можно было бы доказать существование такого Существа или любых из его атрибутов» [2, с. 179].

Д. Юм справедливо полагал, что отрицание внешнего мира есть суждение догматическое, причем шотландский философ неоднократно подчеркивал, что занимает не догматическую, а скептическую позицию, и считал, что вопрос о том, «происходят ли эти впечатления непосредственно от объекта, порождаются ли они творческой силой ума (produced by the creative power of the mind) или же обязаны своим происхождением творцу нашего бытия (derived

from the Author of our present purpose)», а следовательно, и вопрос о том, существует ли внешний мир, «всегда останется невозможным в плане разрешения его с достоверностью (always be impossible to decide with certainty)» [1, с. 117]. В последнем тезисе явственно видны уже не скептические, а агностические тенденции: «Ум никогда не имеет перед собой никаких вещей, кроме восприятий (perceptions), и он никоим образом не в состоянии произвести какой бы то ни было опыт относительно соотношения между восприятиями и объектами. Поэтому предположение о таком соотношении (connexion) лишено всякого доказательного фундамента» [2, с. 179]. И здесь, вопреки мнению Ф. Энгельса, не может помочь ни верификация, ни вообще практическая деятельность, ибо любая проверка имманентно связана с субъектом, с сознанием, и неизвестно, как разорвать этот порочный круг [7, с. 284; 8, с. 303]. Ф. Энгельс «диалектично» мог считать «вещь в себе» «вещью для нас». Совершенно игнорируя или, скорее всего, не понимая учение Э. Канта, он полагал, что если мы сделаем стул, то в реальности появится одной «вещью в себе» больше!.. При этом Ф. Энгельс честно признает: мы не знаем, что такое материя и движение, «ибо материю как таковую и движение как таковое никто еще не видел и не испытал каким-нибудь иным чувственным образом» [9, с. 570]. Причем ученый определял материю как абстракцию: «NB, – пишет он. – Материя как таковая, это – чистое создание мысли и абстракция» [9, с. 550]. В рамках такого определения совершенно непонятно, как сам Ф. Энгельс умудрился сформулировать *die Grundfrage der Philosophie*: неужели абстракция может быть первичной по отношению к сознанию?

И наконец, Д. Юм не принимал тезис о субстанциональности *Я* и считал, что то, что называют индивидуальной душой-субстанцией, есть только «кучка или пучок различных восприятий (heap or collection of different perceptions)...» [1, с. 268] или «связка или пучок различных перцепций (bundle or collection of different perceptions), следующих друг за другом с непостижимой быстротой и находящихся в постоянном течении» [1, с. 321]. То есть он изгнал из психологии понятие субстанции, так же как Д. Беркли изгнал ее ранее из физики. По мнению шотландского философа, не существуют впечатления самого себя, а значит, нет и идеи о самом себе.

Этого же мнения в конце концов стал придерживаться Иммануил Кант, рассматривая феномен *Я* исключительно в качестве единства мышления, а не предмета. (Впрочем, он, вопреки Д. Юму, полагал, что за феноменальным *Я* стоит ноумен, однако так и не сформулировал четко свое понимание единства апперцепции.)

Д. Юм рассмотрел все основные вопросы, касающиеся онтологии. Единственно, чему он уделил недостаточно внимания, это время. Хотя еще Д. Беркли утверждал, что «время есть ничто (being nothing), если абстрагировать от него последовательность идей в нашем уме» [4, с. 123]. Впрочем, этот вопрос доведет до логического конца Иммануил Кант, чью «догматическую дремоту», по собственному же признанию родоначальника немецкой классической философии [6, с. 74], прервал именно скептицизм Д. Юма. Именно феноменистское истолкование материи позволило И. Канту справиться с антиномиями пространства и времени: «Если мы возьмем предметы так, как они могут существовать сами по себе, то время есть ничто» [5, с. 139].

Б. Рассел, впрочем, считает, что «немецкие философы, от Канта до Гегеля, не восприняли аргументов Юма. Я говорю это умышленно, вопреки мнению, которое вместе с Кантом разделяют многие философы, что его «Критика чистого разума» была ответом Юму. Фактически эти философы, по крайней мере Кант и Гегель, представляют собой доюмовский тип рационализма (pre-Humian type of rationalism), и их можно опровергнуть аргументами Юма» [3, с. 698–699]. Однако с этим нельзя согласиться. Действительно, если Д. Юм само сознание определял «пучком различных перцепций, следующих друг за другом с непостижимой быстротой и находящихся в постоянном течении», то он должен был положить чему-либо, например, сознанию или материи, время. Не сделав этого, Д. Юм, по сути, превратил время в те же самые перцепции, представив его тем же самым пучком, текущим то ли по себе самому, то ли вообще неведь по чему. Другими словами, говоря о текучести, ученый аподиктично полагал время, однако так и не сформулировал четко свое понимание времени, что само по себе подточило все юмовские положительные утверждения.

Тем не менее Д. Юм пошатнул все основы метафизики, существовавшие как до него, так и существующие после вплоть до сегодняшнего дня. Он подверг сомнению:

а) возможность какого бы то ни было формального доказательства или обоснования;

б) бытие внешней реальности – как материи, так и Верховного Существа;

в) бытие нашей души, то есть единства апперцепции.

Единственно, что Д. Юм считал легитимным, это некий неопределенный феномен восприятий, эмпирический поток вне каких-либо формально-рациональных обобщений, вне какого-либо умозрения и метафизики.

Увы, от критических положений Д. Юма непросто отмахнуться, и все их опровержения не могут считаться убедительными. Поэтому Б. Рассел справедливо отмечает, что в учении Д. Юма «эмпирическая философия получила свое высшее развитие в скептицизме, которое никто не может опровергнуть и никто не может

принять (none could refute and none could accept)» [3, с. 513–514].

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. The Philosophical Works of David Hume. 4 vols. V. 1. – Edinburgh: Black and Tait, 1826.
2. The Philosophical Works of David Hume. 4 vols. V. 4. – Edinburgh: Black and Tait, 1826.
3. *Russell, B.* History of Western Philosophy / B. Russell. – London: Allen and Unwin, 1946.
4. The Works of George Berkeley. 2 vols. V. 1. – London: Tegg, 1843.
5. *Кант, И.* Соч. в 6 т. / И. Кант. – М.: Мысль, 1964. – Т. 3.
6. *Кант И.* Соч. в 6 т. / И. Кант. – М.: Мысль, 1965. – Т. 4. Ч. 1.
7. *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. – Т. 21. – 2-е изд.
8. *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. – Т. 22. – 2-е изд.
9. *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. – Т. 20. – 2-е изд.
10. *Хюбнер, К.* Критика научного разума / К. Хюбнер. – М.: ИФ РАН, 1994.

УДК 101.1:316

ББК 87.6

А. А. Соловьев

ПОСТНЕКЛАССИЧЕСКИЙ ТИП РАЦИОНАЛЬНОСТИ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ОБРАЗОВАНИЯ

Волгоградский государственный технический университет

В статье рассматриваются общие перспективы развития образования в свете перехода от неклассического типа рациональности к постнеклассическому. Исследуется влияние рациональности на содержание образования и принципы социализации.

Ключевые слова: образование; образовательная деятельность; наука; рациональность; постнеклассический тип рациональности.

А. А. Soloviev

POSTUNCLASSICAL RATIONALITY TYPE AND PROSPECTS OF EDUCATION DEVELOPMENT

Volgograd State Technical University

In paper the general prospects of education development in a view of transition from unclassical rationality type to postnonclassical are considered. Influence of rationality on the maintenance of education and principles of socialization is investigated.

Keywords: education; educational activity; a science; rationality; postunclassical rationality type.

Философский ракурс анализа проблемы содержания образования направлен на выявление предельных смыслов культуры, их воплощения в этом содержании, общих закономерностей ценностного отбора и трансформации совокупного опыта в содержание образования.

В последнее время переход от постиндустриального общества к обществу знаний исследуется прежде всего в аспекте социологии и экономики. Сами же знания начинают играть все большую роль наряду с материальными ценностями [1, с. 65].

Действительно ли мы переходим к обществу знания? И что есть «знание» – обладание субъекта определенной информацией или возможность получить необходимую информацию в нужный момент? Что необходимо делать в данном контексте системе образования – обучать новым знаниям или способам их получения?

Правомерен в данном случае вопрос о возможности овладения объемами информации, заложенными в образовательные программы. Научно-техническое развитие, с одной сторо-

ны, способствует более эффективному образованию масс. С другой стороны, новые технологии становятся самостоятельной силой, оторванной от человека, способной исказить процесс реального образования.

Попытаемся представить всю совокупность общественных отношений как большую систему массовых коммуникаций. Тогда социальное развитие отдельно взятого индивида может быть реализовано всего лишь как встраивание его в эту коммуникацию через обучение правилам пользования разнообразными знаковыми системами.

Напрашивается вопрос о возможности альтернативных вариантов встраивания индивида в общество. На современном этапе можно говорить о двух основных подходах к определению смысла и целей такого встраивания: а) социоцентрическом, при котором основное внимание в процессе образования уделяется социализации, освоению профессии, а второстепенное – развитию творческого потенциала личности будущего специалиста; б) личностно-центрическом, при котором в качестве главной задачи формулируется развитие творческого потенциала личности будущего специалиста, после чего предпочтение отдается освоению профессии, а социализация фактически завершает этот ряд предпочтений [2, с. 100].

Многие ученые и политики отмечают, что на данном этапе развития общества образование должно обеспечить прежде всего соответствующую социализацию индивида. Причем это относится не только к общему образованию, но и к профессиональному. Социализация, по мнению многих работодателей, более важна для выпускника учебного заведения, претендующего на определенную должность, нежели профессионализация. Попытаемся определиться с основной терминологией. Под социализацией понимается прежде всего процесс освоения прошлого опыта данного социума, а также формирования у молодого человека социально-значимых качеств, позволяющих ему успешно осуществлять свою жизнедеятельность.

Если цель современного образования – социализация, то правомерен вопрос: является ли содержание образования соответствующим такой цели. Действительно ли нынешний образовательный стандарт соответствует задаче подготовки человека к жизни в определенном обществе и эффективной профессиональной деятельности?

Развитие технической рациональности в широком смысле слова (включая технику ведения экономических, административных, политических дел) не только не привело к росту человеческой свободы, а, напротив, выразилось в создании системы механизмов (в том числе и образовательных), имеющих свою логику функционирования и отчужденных от человека. Внедрение рационального начала в общественную жизнь на определенном этапе своего развития обнаружило явные пределы, в то же время рационализация техносферы и ряда областей экономики сопровождается в современном обществе эрозией культурных смыслов и потерей идентичности, в результате чего человек начинает ощущать себя в ситуации, ускользающей из-под его контроля. Сами представления о рациональности знания вообще и научного знания в частности начинают постепенно пересматриваться. Является ли рациональность средством упрощения общественной жизни и выравниванием основных типов потребностей и способов их удовлетворения различными индивидами или все-таки на первый план начинают выходить индивидуальные характеристики субъектов социокультурной деятельности?

Субъект образования предстает как человек, непрерывно расшифровывающий глубинные смыслы, стоящие за смыслами поверхностными. Деятельность мышления в процессе образования оказывается не менее значимой, чем обычная кумуляция знаний, которую она существенно дополняет. Внутренний духовный мир субъекта – это целый мир представлений и образов, находящихся в определенных бессознательных структурах. Они не могут быть исключены из смыслополагающей и смыслопостигающей деятельности субъекта в ходе образования. Но до сих пор в парадигмах образования все формы дологического считаются неправильными. Это, безусловно, связано с господствующей традицией в европейской культуре – трактовать субъект познания как «сознание вообще», а субъект образования представлять как сознание, очищаемое от всех искажающих, иллюзорных представлений, вообще от свойств и предпосылок реального эмпирического субъекта [4, с. 47].

Чтобы определиться с тем, как правильно интерпретировать понятие «субъект познающий», необходимо отдельно рассмотреть вопрос о таком явлении, как субъектность. Социальный субъект и его субъектные качества

формируются в процессе определенной деятельности, включая познавательную и предметно-практическую. Причем в числе приоритетных субъектных характеристик такого социального субъекта выступают не только активная деятельность по преобразованию самого себя и внешнего мира, но и его интересы, для реализации которых осуществляется эта деятельность, а также нравственность и осознание самого себя как социального субъекта, то есть самосознание.

На личностном уровне у молодежи формирование субъектности обеспечивает устойчивость в среде, что проявляется в жизнеспособности, развитии гражданской активности и конкурентоспособности молодых людей во всех сферах социальной жизнедеятельности. Все это имеет вполне определенные социальные последствия.

Рассматривая становление субъектности личности обучающегося как процесс, П. И. Бабочкин выделяет в нем два аспекта: внутриличностную экзистенциальную субъектность и внешнюю деятельностную субъектность. По его мнению, первая направлена на развитие внутреннего мира человека, его внутренней активности и психологических качеств, которые позволят ему стать жизнеспособным и реализовать себя как самостоятельного социального субъекта собственной жизни. Проблема здесь заключается в том, возможен ли внутренний мир, независимый полностью от общества, то есть возможна ли даже «относительная субъектность» [2, с. 103–104].

Второй аспект – внешняя деятельностная субъектность – связан с проявлением жизнеспособности субъекта во внешней социальной среде. Возникает вопрос: что такое деятельность субъекта – его собственная активность или активность, полностью детерминированная социальной средой, то есть внешнее управление индивидом?

Если принять ту точку зрения, согласно которой человек во всех формах своего бытия выступает как субъект, то важную роль выполняет такое понятие, как «жизненная субъектность человека», которое определяется как «способность к удовлетворению его потребностей посредством активной деятельности в основных сферах общества». [5, с. 6].

Но за счет чего возможно определиться с приоритетами в социализации и формировании субъектности? Ведь современное общество

представляется обществом неопределенности. Именно на этом и строится современная постнеклассическая рациональность. Поэтому и выпускники учебных заведений должны быть готовы к социально-профессиональной деятельности в новых, пока еще не известных социальных условиях, то есть в поле неопределенного образа социально-личностных действий.

В таком случае система образования должна соответствующим образом подготовить подрастающее поколение к подобным ситуациям. Образование как научение информации либо образование как научение способам получения информации в конечном счете сводится к умению правильно проанализировать конкретную ситуацию на основе уже имеющихся у субъекта знаний, только что приобретенной из внешнего источника (раздражителя) информации и наличествующих способов анализа и обработки соотношения первого и второго. Из всего этого получается новое знание, на основании которого субъект действует, то есть определенным образом изменяет самого себя и (или) внешнюю среду. В связи с этим в последнее время все более важную роль начинает играть опережающее инновационное обучение. Но и здесь важное место занимает оптимальное соотношение традиционного и инновационного знания в содержании образования.

Уяснение приоритетов при формировании направлений опережающего обучения усложняется тем, что крайне сложно спрогнозировать те качества выпускника того или иного учебного заведения, которые будут необходимы через определенный промежуток времени. То, что необходимо на данный момент, вполне может оказаться совершенно невостребованным, когда пройдет какой-то исторический период, особенно при постоянных научно-технических и социально-экономических изменениях.

Прогнозирование будущего состояния общества – процесс достаточно сложный, но он необходим для уяснения приоритетов опережающего обучения, поскольку неточность здесь может привести к пагубным последствиям. Поэтому, кроме учета строгих законов общественного развития, при определении стандартов инновационного образования необходимо искать такие «лакуны» в нем, которые в будущем позволят безболезненно заглянуть возможные просчеты в прогнозах относительно будущего состояния общества, которые были сделаны в прошлом.

Постнеклассическая рациональность предполагает учет всех сторон жизнедеятельности личности и преобразование информации о последних в образовательный стандарт. В этом ключе мы указываем на тот факт, что современная общественная наука должна снова обращаться к глубинным основаниям человеческого бытия, исходя из того, что конечная цель всего общественного развития – сам человек.

Необходимо отметить также, что у образования специфический объект: это потенциальный вариант социализированного индивида, который еще только предстоит сформировать. Выйти из такого «абстрактного круга» возможно, если посмотреть на образование, как на совокупность содержательных факторов, которые могут стать непосредственными объектами потребностей, в отличие от образования в целом [6, с. 47].

Образование – процесс, хотя и ориентированный на целеполагание, но в тоже время имеющий собственные закономерности развития. Сама форма образования может быть представлена как некоторая стабильная структура учебных занятий, причем чаще всего поддерживаемая посредством институционализации тех или иных организационных структур, придающих устойчивость ситуаций в проведении занятий [7, с. 73].

Глубокие изменения в характеристиках личности, требуемые гражданским обществом, диктуют необходимость соответствующих изменений в характере социализации человека. Это изменения не просто в содержании и объеме, но прежде всего в направленности и целях – в пересубординации социоцентричных и персонцентричных целей, в выдвижении на пер-

вый план задачи формирования суверенной субъектности индивида.

Отдельный человек перестает быть просто винтиком государственной машины. Его жизнь, потребности, личные цели становятся приоритетными. Образование, нацеленное на обеспечение выполнения социального заказа, с необходимостью должно ориентироваться в первую очередь на задачи социального и культурного развития личности. Цели образования, форма и содержание образовательного процесса должны пересматриваться в соответствии не с запросами внешней по отношению к отдельно взятому человеку политической ситуации, а с ментальными, духовными, культурными изменениями внутри социального организма.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Горохов, В. Г. Научно-техническая политика в обществе не-знания / В. Г. Горохов // *Философия и наука.* – 2007. – № 4.
2. Бабочкин, П. И. Студент как социальный субъект образовательной деятельности / П. И. Бабочкин // *Философские науки.* – 2007. – № 12.
3. Ницше, Ф. Человеческое, слишком человеческое / Ф. Ницше // По ту сторону добра и зла. Казус Вагнер. Антихрист. Эссе Номо. Человеческое, слишком человеческое. Злая мудрость. – Минск, 2005.
4. Микешина, Л. А. Философия познания: полемические главы / Л. А. Микешина. – М., 2002.
5. Григорьев, С. И. Социология жизненных сил и социальной субъектности в контексте поиска новой парадигмы социального мышления / С. И. Григорьев // *Теоретические основы подготовки социальных работников.* – М., 1992.
6. Кусжанова, А. Ж. Проблема интереса в сфере образования (философско-методологический анализ) / А. Ж. Кусжанова // *CREDO.* – 2000. – № 2.
7. Нечаев, В. Я. Социология образования / В. Я. Нечаев. – М., 1992.

УДК 101.1:316
ББК 87.6

А. В. Григорьев

ОНТОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ПОНЯТИЯ «РИСК»

Волгоградский государственный технический университет

В статье понятие «риск» рассматривается как возможность наступления непредвиденных последствий в процессе человеческой деятельности, при этом имеющее онтологическую основу. Работа раскрывает связь феномена риска со спецификой человеческого сознания и познания.

Ключевые слова: риск, онтология, эпистемология, ситуация риска, модернизация.

A. V. Grigoriev

ONTOLOGICAL ASPECT OF RISK

Volgograd State Technical University

Abstract: The article deals with the "risk" as a possibility of unintended consequences in the process of human activity. The author gives analysis of the connection of risk with the particular qualities of social reality, human consciousness and cognition.

Keywords: risk, ontology, epistemology, situation of risk, modernization.

Понятие "риск" в теоретических исследованиях относится к ситуациям, в которых имеется возможность наступления некоторых нежелательных событий. В технических и прикладных исследованиях, термин имеет много применений и специализированных значений:

риск – это нежелательный случай, который может произойти или не произойти;

риск – это причина нежелательного события, которое может произойти или не произойти;

риск – это вероятность нежелательного события, которое может произойти или не произойти;

риск – это статистический показатель вероятности наступления нежелательных событий.

риск – понятие, обозначающее факт того, что решение принято при условиях известных вероятностей ("решение при риске").

Четвертое является стандартным значением "риска" в профессиональном анализе риска. В этой дисциплине термин "риск" часто обозначает числовой показатель опасности, который получен умножением вероятности нежелательного события на меру его ущерба.

Во всех смыслах понятия "риск", упомянутого выше, его использование основано на тонкой комбинации знания и неуверенности. Риск возможен только тогда, когда есть неуверенность, то есть что-то является неизвестным или имеет неизвестный результат. Ситуация риска означает, что мы должны знать об этой неуверенности. Это сочетание знания и его нехватки делает очень трудным решение практических технологических проблем, связанных с рисками, и порождает новые проблемы для теории познания.

Только в очень редких случаях вероятности полностью известны. Достигать познавательно управляемого представления мира и таким образом увеличить нашу компетентность и эффективность как лиц, принимающих решения, можно, редуцируя преобладающую познавательную неуверенность к вероятностям или даже к полной уверенности. Другой возможный подход к неуверенности обеспечивается в соответствии с теорией принятия решений. Все утверждения о мире должны иметь определенную меру вероятности. Нелогичным суждениям нельзя полностью верить, но только наделенным высокой степенью вероятности. Следовательно, познавательная неуверенность всегда сводится к вероятностям, но никогда до уверенности.

Наши познавательные ограничения настолько серьезны, что сведение к полным уверенностям является обязательными, если мы желаем быть способным к тому, чтобы делать выводы и принимать решения. Но полностью устранить неопределенность нельзя. Риск является проявлением неопределенности в сознании субъекта и выражается в действиях по преодолению этой неопределенности. Природа риска коренится во внешней среде, которая имеет вероятностную структуру.

Осведомленность о риске является очень важным моментом в построении взаимосвязи между рискованной ситуацией и деятельностью. Чем больше осведомленность о возможных альтернативах, тем больше шансов выйти победителем [1, с. 65]. Но количество ситуаций, в которых человек обладает достоверными знаниями о степени риска, ограничено. Эти ситуации характеризуются двумя реакциями индивидуума, осведомленного о рисках: возможного выбора – тогда они могут пойти на мотивированный риск; но если варианты не ясны, и сложно предположить исход, тогда индивидуумы идут на немотивированный риск. Следовательно, риск можно определить через ситуативные характеристики деятельности, которые состоят из неопределенности исхода и вероятности неблагоприятного исхода в случае неудачи. Но неопределенность исхода их результата не обязательно обозначает такую неясность в ситуации принятия решений. Напротив, это указывает на возможность того, что успех будет зависеть от степени ясности вариантов. Другими словами, неопределенность исхода является следствием недостаточной осведомленности индивида о других возможных вариантах.

Из этого можно сделать вывод, что ситуация риска может возникнуть как нечто основанное на существующем запасе наличного знания, с которой мы соотносим все наши восприятия и переживания, но мы можем предположить, что ситуация риска может представлять собой и «живое настоящее», вызов [2]. Ситуация риска всегда имеет основанием определенное знание о каком-либо неблагоприятном следствии или событии.

Риск всегда объективирован в рефлексии, что приводит к формированию значения рискованного действия. Значения возможных рискованных ситуаций входят в наличествующий запас социального знания, проявляясь в сфере

непосредственно данного, очевидного мира повседневности.

Согласно феноменологической модели понимания риска, ситуация риска является вызовом повседневному существованию общества. Однако если возможные действия или последствия данной ситуации определенным образом типизируются и понимаются, то есть знание о ситуации входит в наличествующий запас знаний, риск как действие социального субъекта обретает смысл в качестве социальной нормы («Когда случается это, я должен и реагирую так»). В ином контексте, когда понимание и знание ситуации риска затрудняется («Когда случается это, я не имею знаний о том, как реагировать»), социальные риски не могут быть минимизированы и ситуация может развиваться непредсказуемым образом. Процедура понимания риска связана с социальной структурой жизненного мира индивида, в которой происходит социальное распределение знаний о возможных опасностях и экстремальных ситуациях. Важную роль в этой системе может играть термин «доверие», широко используемый Э. Гидденсом. Доверие исходит из формирования близкой социальной общности «Мы», в которой идет интересубъективное взаимодействие и познание «Другого» в его уникальной биографической ситуации и принятие его наличествующего запаса знаний. Удаленной для индивида является принятие социальной позиции общности «Они», в которой знание основано не столько на доверии, сколько на процедурах идеации и типизации.

Риск в данной ситуации предстает как разновидность опыта, так он может быть обнаружен как часть конструкции мира повседневности. Мы соотносим наш первый опыт, конечно, не с бесчисленными другими опытами, а только с совершенно определенным. Сопоставление одного опыта с другим кристаллизуется в качестве определенного порядка. А. Шютц отмечает, что не все переживания осознаются, сопоставляются лишь вполне определенные переживания и в связи с совершенно определенным другим опытом [2]. Опыты направлены не на прошлое, а на будущее, порождая типичное ожидание из типичного опыта. Исходя из этого, мы утверждаем, что риски как феномены социальной жизни так же типизируются. Человек ограждает себя от возможного риска созданием типичных образцов поведения. Типизация есть создание смысловой взаимосвязи. Типизации

упорядочивают новую реальность и превращают ее в доверяемую действительность. Следовательно, обладая типическим знанием о рисках, человек может спокойно существовать внутри своего жизненного мира, полагаясь на то, что он может/должен делать в ситуации опасности. Это показывает очевидную связь рисков с существующим в обществе знанием.

В гносеологическом плане знание предстает как содержание, а в плане социальном оно определяется как форма, обеспечивающая воспроизводство совместно-разделенного бытия людей. Особый интерес в этом отношении представляет исследование В. Крона «Риск (не) знания о смене функций науки в обществе знания» [3]. В данной работе автор анализирует роль знания в становлении процессов модернизации в современном социуме. «Для модернизации общества нового времени механизм, стоящий за этой связью информации и знания, является основополагающей связью риска и регуляции». Здесь имеет значение прямая связь существующего в обществе знания, преимущественно рационального, в форме информации с проблемой производства новых рисков. В данной работе риски рассматриваются скорее как технологические. По мнению автора, само возникновение рисков связано с недостатком знания о новых технологиях. Новые риски возникают вследствие инноваций. «Инновации, ускоряющие процесс модернизации, всегда рискованны, идет ли речь об экономических инвестициях, новом законодательстве, педагогических реформах или научных исследованиях». В. Крон предлагает выделить три характеристики, позволяющие преодолеть неопределенность наступления риска: открытое моделирование, прагматическая экспертиза, фиксирование знания в процессе изменения. Данный концепт в полной мере может быть ориентирован в основном только на научный комплекс знания, в связи с тем, что само общество и общественные процессы невозможно воспроизвести в качестве модели. Хотя в основном автор данной работы апеллирует к научному знанию, на наш взгляд, данный концепт можно отнести к процессам общественного развития и постижения такого феномена, как риск. Выделяемые характеристики могут служить главной цели, снижению рискогенности нового знания. И здесь имеет значение постулат о том, что существующее в обществе знание отображает стабильность и порядок, а привнесение нового

знания ведет к перестраиванию всей системы знания, что ведет к эскалации рисков.

Как форма социальной динамики знание реализует прямые и косвенные связи между людьми, их отношение к предметности, их саморефлексию. В процессе социального воспроизводства знание не только отображает бытие людей, но и является выражением того, что непосредственно отобразить невозможно. Оно фиксирует социально-пространственные контакты и деятельности людей и служит способом связи субъектов и актов, распределенных в социальном времени. Оно оказывается элементом, своеобразной скрепой социальности, обеспечивающей связность человеческого бытия за пределами физически представленных взаимодействий. Поскольку знание – элемент социального процесса, оно не только отражение и переживание людьми их бытия, но и форма их воли и побуждения, взаимодействия и самоидентификации. В социальном плане оно определяется как форма, обеспечивающая воспроизводство совместно-разделенного бытия людей. Поскольку знание связывает различные интервалы, фрагменты, аспекты социального бытия, оно при ближайшем рассмотрении оказывается формой выявления (а порой и сокрытия) многомерности этого бытия, и среди этой многомерности закономерно скрываются риски.

В контексте объективированного запаса знания, общего для коллектива действующих лиц, социально одобренные типизации выступают как роли. Конституирование ролевых ти-

пов в социальной системе знания с необходимостью связано с институционализацией поведения. Институты воплощаются в индивидуальном опыте посредством ролей. Играя роль, индивид участвует в институционализации социальной жизни. Социальный запас знания содержит стандарты исполнения ролей. Символический универсум понимается как матрица всех социально объективированных и субъективно реальных значений. Целое историческое общество и целая индивидуальная биография рассматриваются как явления, происходящие в рамках этого универсума, и взаимосвязь между ними устанавливается диалектическая.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. *Альгин, Л.* Риск и его роль в общественной жизни / Л. Альгин. – М., 1989. – 342 с.
2. *Шютц, А.* Структура повседневного мышления / А. Шютц // Социологические исследования. – 1988. – № 2. – С. 129–137.
3. *Крон, В.* Риск (не) знания: о смене функций науки в обществе знания / В. Крон // Журнал социологии и социальной антропологии. – 2003. – Т. 6. – № 3. – С. 69–89.
4. *Молчанов, А. В.* Социальная феноменология риска: концептуальный анализ: дисс. ... канд. филос. наук / А. В. Молчанов. – Саратов, 2008.
5. *Найт, Ф.* Понятие риска и неопределенность / Ф. Найт // TESIS: Теория и история экономических и социальных институтов и систем. – 1994. – С. 12–28. (Вып. 5. Риск, неопределенность, случайность).
6. *Зубков, В. И.* Проблемное поле социологической теории риска / В. И. Зубков // Социологические исследования. – 2001. – № 6. – С. 124–127.

УДК 321.7
ББК Ф 031.1

Н. И. Першин

ПОД ФЛАГОМ ДЕМОКРАТИИ

Волгоградский государственный технический университет

В статье анализируются проблемы перехода РФ от общественной собственности к частной, от плановой экономики к рынку. К числу этих проблем относятся: сложность перехода в связи с отсутствием соответствующего опыта, необходимых кадров, негативным отношением значительной части общества к изменению общественного строя. Объективная необходимость вертикали власти как средства использования административного ресурса в целях сохранения стабильного состояния общества.

Ключевые слова: вертикаль власти, стабильность, Конституция, реформаторы, приватизация, перестройка, суверенитет, демократия, политическая партия.

N. I. Pershin

UNDER THE FLAG OF DEMOCRACY

The Volgograd state technical university

This article are analyzed the problems of transition of the Russian Federation from a public property to private, from a planned economy to the market. Number of these problems concern: complexity of transition in connection with lack of the corresponding experience, necessary staff, an uncooperative altitude of a considerable part of a society to social order change. Objective necessity of "a power vertical line» as means of use of an administrative resource with a view of preservation of a stable condition of a society.

Keywords: a power vertical line, stability, the Constitution, reformers, privatization, reorganization, the sovereignty, democracy, political party.

Жизненно важной частью обязанностей каждого государства является укрепление единства и сплоченности живущих в нем граждан.

С тех далеких времен, когда человечество только зарождалось, когда влияние и власть в семье, племени сосредоточивалась в руках самых сильных, смелых, быстрее других приспосабливающихся к опасной, полной лишений жизни в лесных дебрях, знойных пустынях, горах складывались первые системные отношения между людьми, которые позже получили название – государство.

Шли годы и тысячелетия. На смену племенам, связанным кровнородственными узами, приходили державы кочевников-завоевателей. Они так же быстро распадались, как и возникали. Часть из них сумела выдержать набегии воинственных соседей и в кровавых битвах отстоять право на самостоятельное существование. Это были первые рабовладельческие империи. История самой могучей из них – Римской и сегодня продолжает оставаться на-

дежным источником знаний о том, как формировались и утверждались основные правила государственного управления. Они развивались и совершенствовались в соответствии с изменениями, которые происходили в экономическом строе, характере социальных отношений, организации управления обществом, развитием образования и культуры всех стран современного мира.

Знание проблем и трудностей, с которыми приходится сталкиваться властям в дни мира и в дни войны, с помощью каких средств решаются задачи процветания государства и неуклонного роста благосостояния народа, всегда имели первостепенное значение для поддержания мира и спокойствия в государстве, успешного развития промышленности и сельского хозяйства, роста благосостояния народа, укрепления безопасности страны.

Не случайно, уже будучи президентом, В. Путин не уставал повторять тезис о значении стабильности общественных отношений в раз-

витии постсоветской России. При этом он не забывал подчеркивать, что в результате ельцинских реформ и «плодотворной» деятельности на посту главы Правительства М. Касьянова страна успешно преодолела трудность перехода к рыночной экономике, «поднялась с колен» и уверенно смотрит в будущее.

С этой оценкой вряд ли можно согласиться – слишком сложны и противоречивы российские события последних десятилетий. Распад великой страны, победившей в тяжелейшей войне фашизм. Переход в руки «эффективных собственников» созданных народом и ему принадлежащих заводов, фабрик, железных дорог, природных ресурсов, имущества колхозов и совхозов, земли и т. д. Все это слишком серьезно, чтобы можно было согласиться с бесконечными панегириками ельцинским реформам и молчать о резком ухудшении жизни простых тружеников.

Анализ событий, происходивших в России в последние тридцать лет, долго будет ждать своего исследователя. Ведь живы многие участники этих событий, но несмотря на субъективный характер их рассказов, воспоминаний, невозможно создать правдивую картину российских событий последних десятилетий. Слишком велики различия в оценках исторического значения Октябрьской революции, победы рабочих и крестьян в гражданской войне с защитниками самодержавия и буржуазии, превращения отсталой крестьянской России в могучую процветающую социалистическую державу. Это требует не только глубоко научного подхода к источникам, но и их критической оценки.

Последнее особенно важно потому, что после избрания Генсеком КПСС М. Горбачева началась ревизия истории советского государства, пересмотр действительной роли его руководителей. Под лживые призывы о необходимости повышения роли человеческого фактора началась борьба за «демократические преобразования» и переход к рыночной экономике.

Грубейшие просчеты М. Горбачева в оценке экономического положения страны, бессодержательная «программа перестройки», заигрывание, а, по существу, пресмыкательство перед лидерами США, Англии, Германии, клятвенные заверения общества в стремлении вести СССР по пути демократии и процветания с недоверием были восприняты большинством народа и частью партий. Последними был образо-

ван Государственный Комитет по чрезвычайному положению, но было уже поздно. Реальная власть в Москве, большинстве союзных республик перешла в руки председателя Верховного Совета, бывшего секретаря Свердловского ОК КПСС Б. Ельцина и его сторонников. Это фактически означало прекращение существования СССР как единого государства. Его место в соответствии с договором представителей трех республик – Российской Федерации, Украины и Белоруссии занял СНГ – Союз Независимых государств.

В считанные недели была подготовлена и 12 декабря 1993 года принята всенародным голосованием Конституция Российской Федерации.

В предваряющем текст Конституции вступлении говорится:

«Мы, многонациональный народ Российской Федерации, соединенный общей судьбой на своей земле, утверждая права и свободы человека, гражданский мир и согласие, сохраняя исторически сложившееся государственное единство, исходя из общепризнанных принципов равноправия самоопределения народов, что память предков, передавших нам любовь и уважение к Отечеству, веру в добро и справедливость, возрождая суверенную государственность России и утверждая незыблемость ее демократической основы, стремясь обеспечить благополучие и процветание России, исходя из ответственности за свою Родину перед нынешним и будущим поколениями, сознавая себя частью мирового сообщества, принимаем Конституцию Российской Федерации».

С принятием Конституции РФ полным ходом развернулся процесс формирования новых политических, экономических и социальных отношений по образу и подобию Запада. Главное содержание этого процесса определяли следующие мероприятия:

- приватизация общественной собственности;
- отказ от системы государственного планирования развития экономики, установление права частной собственности на землю;
- признание идеологического многообразия: никакая идеология не может устанавливаться в качестве обязательной;
- провозглашение РФ социальным государством, политика которого направлена на создание условий достойной жизни и свободного развития человека;

– высшим представительным и законодательным органом Российской Федерации провозглашалось Федеральное Собрание, состоящее из двух палат – Совета Федерации и Государственной Думы.

Реализация Конституции РФ, по существу началась еще до ее одобрения в ходе всенародного голосования. Главное внимание инициаторы перемен уделяли решению следующих задач: формированию аппарата управления новой системой общественных отношений; утверждению в качестве экономической основы государства частной собственности; организации масштабной пропаганды принципов либеральной идеологии.

Распад СССР, превращение бывших советских республик в независимые государства, приход во власть людей, не имеющих опыта управления обществом с рыночной экономикой, потребовали резкого увеличения численности сотрудников государственного аппарата. Если в 1990 году в СССР насчитывалось 663 тысячи чиновников, то в России на конец 2003 года трудились 1 миллион 259 тысяч государственных служащих, не считая военной, милицейской бюрократии, а также сотрудников специализированных ведомств.

Столь серьезное увеличение численности чиновников превратило их в самостоятельную силу, политическую, экономическую, идеологическую. Чиновники всех рангов – от управленцев районного масштаба до руководителей отделов и управлений регионов, сотрудников министерств и ведомств – получили возможность влиять на все стороны жизни.

Превосходящее все разумные пределы разбухание государственного аппарата происходило за счет не самых компетентных, имеющих серьезный опыт работы специалистов в соответствующих областях управления. Большинство постов в министерствах и ведомствах заняли люди, готовые за высокое положение, внушительное вознаграждение и привилегии служить хоть самому черту. В статье «Россия в XXI в. Процветание или прозябание» мэра Москвы Ю. Лужков писал: «к власти пришли люди, не знавшие и не ценившие своего народа» [1].

Ближайшее окружение Б. Ельцина мало беспокоила некомпетентность новых руководителей. Главная забота пришедших во власть демократов заключалась в ускорении перехода общественной собственности в частные руки.

В марте 1996 года глава РАО ЕС А. Чубайс выступал перед депутатами Государственной Думы. Разъясняя «непонятливым» провинциалам ход послеваучерной приватизации, то есть после окончания так называемой чековой приватизации, он заявил: «Структуры, которые имеют власть, обменивают эту власть на собственность». Смысл разъяснения А. Чубайса заключался в том, что советское государство распоряжалось собственностью, но не владело ею, а народ владел, но не распоряжался. Родившиеся после распада СССР Российская Федерация и другие ставшие независимыми государствами советские республики, не разгосударствили, а огосударствили бывшую общенародную собственность.

Чиновники распределили общенародную собственность среди узкого круга доверенных лиц, которых, по словам главного идеолога новой власти В. Суркова, «назначили миллиардерами». Большинство из них составили те, кто сумел на распродаже общенародного достояния нажать большие деньги и доказать свою преданность власти.

С благословения «реформаторов» в частные руки перешли сотни тысяч государственных предприятий, нефтяных и газовых промыслов, шахты и рудники, транспорт и связь, строительные организации и т. д. Специальным указом президента были распущены колхозы, приватизированы совхозы, свернута деятельность государственных опытных станций, развернута широкая пропагандистская кампания за фермеризацию деревни.

В указах Б. Ельцина, выступлениях лидеров ведущей в первые годы реформ либеральной партии «Выбор России» приоритетными целями приватизации назывались формирование класса собственников, повышение эффективности работы предприятий, содействие процессу стабилизации финансового положения страны, привлечение инвестиций для оживления экономики. Но на деле оказалось, что формулировки целей приватизации в соответствующих указах представляют собой не что иное, как фигурные листочки, прикрывающие бесстыдство грабежа.

К концу президентства Б. Ельцина стало очевидно, что широкообещательные обещания демократов в течение двух-трех лет оздоровить экономику, обеспечить процветание России, повысить жизненный уровень народа, невыполнимы. Шоковая терапия похоронила надеж-

ды на быстрое преодоление обнаружившихся в ходе перестройки серьезных проблем в развитии экономики, удовлетворении платежеспособного спроса населения, решении накопившихся к этому времени весьма сложных вопросов в сфере национальных отношений.

О реальных результатах приватизации свидетельствуют данные децильного коэффициента: отношения совокупного дохода 10 % самых богатых граждан к совокупному доходу 10 % самых бедных. По данным статистики, к концу 2005 года в России он составлял 15,3 : 1 (в 1991 году было 4,5 : 1). По меркам стран «восьмерки», это очень много. В Европе нормальным считается 6 : 1, в США – 10 : 1.

Дефолт 1998 года, неудачи антитеррористической операции на Северном Кавказе, всплески националистических настроений в Татарстане, Башкирии, ксенофобия, высокий уровень преступности, наркомания, безработица и другие проблемы осложнили решение задач стратегического характера.

Чтобы не допустить фактического обособления республик, краев и областей, их превращали в замкнутые квази-государства со своими полновластными князьками и собственными олигархами. Избранный в марте 2000 года президентом России В. Путин разделил страну на семь федеральных округов и в каждый округ назначил своих полпредов с четко определенными задачами. В первую очередь они должны были координировать деятельность всех федеральных министерств и ведомств в своих округах, а также привести все региональное законодательство в соответствие с федеральным.

Решение президента о создании федеральных округов, положившее начало формированию вертикали власти, многими рассматривается как реальное средство укрепления Российской Федерации, сплочения населения в борьбе за достойное место среди народов мира. Сам В. Путин считал создание вертикали власти наиболее действенным результатом поисков эффективной системы управления обществом.

Создание вертикали власти происходило постепенно. Оно включало следующие законодательные решения: замену выборности губернаторов назначением на этот пост решением президента; отмену в избирательных бюллетенях графы «против всех»; ликвидацию одномандатных округов; переход от 5-процентного барьера к 7-процентному (только в этом случае

политические партии могли рассчитывать на получение депутатских мандатов). Разработка программы вертикали власти и соответствующего законодательного обеспечения не являлись случайным изобретением руководителей избирательных комиссий. Это была блестящая пиар-акция кремлевской администрации, имеющая целью укрепление авторитета власти.

Вертикаль власти и обеспечивающая ее действия коррекция ряда статей Конституции РФ, а также указы президента и в отдельных случаях постановления региональных законодательных органов довольно часто существенно изменяют содержание некоторых статей. Примером в этом отношении может служить история, связанная с реализацией ст. 3 Конституции РФ о месте и роли народа в системе власти. В ст. 3 (п. 1, 2, 3) говорится:

«1. Носителем суверенитета и единственным источником власти в Российской Федерации является ее многонациональный народ.

2. Народ осуществляет свою власть непосредственно, а также через органы государственной власти и органы местного самоуправления.

3. Высшим непосредственным выражением власти народа являются референдум и свободные выборы».

Судя по букве и смыслу этой статьи, исполнительная власть России обязана проводить только всеобщие выборы (п. 1), их критерий тоже один (п. 1, 3): на референдуме и выборах решение может быть принято большинством из числа всех избирателей – граждан страны, области, района, участка и т. д.

Часто повторяющееся утверждение, что 12 декабря 1993 года Конституция была принята всенародным голосованием, не соответствует действительности. Расчеты показывают, что Конституция РФ была одобрена менее чем третью всех граждан, а 68 % не приняли участие в голосовании, что означает только одно: две трети избирателей были так или иначе против.

Ни разу после принятия действующей в настоящее время Конституции РФ сторонники демократии перехода к рыночной экономике не получили настоящего большинства (более 50 % от числа имеющих право голоса), предусмотренного прямой нормой статьи. Даже В. Путин на пике своей популярности не получил на выборах 2004 г. простого большинства голосов избирателей. Явка была 64,39 %, а «За» проголосовали 71,31 %. Итого В. Путин получил

45,916 % от общего числа российских граждан, имеющих право голоса.

Роль созданной В. Путиным вертикали власти в укреплении стабильности общества не ограничивается утверждением положений, противоречащих смыслу ст. 3 Конституции РФ, она значительно шире.

С помощью административного ресурса, на выборах в Государственную Думу без каких-либо затруднений решается задача получения нужного власти числа мандатов. Голосами квалифицированного большинства «Единой России» и ЛДПР без промедления принимаются угодные правящей верхушке проекты законов.

В процессе формирования органов власти вопреки Конституции народу навязываются неизвестные большинству избирателей выдвиженцы. Не все они даже в случае успеха становятся депутатами. Так, после выборов 1 марта 2009 г. по решению руководства «Единой России» четвертая часть выдвиженцев по различным причинам была заменена другими людьми.

Создание вертикали власти не предотвратило множества просчетов в решении вопросов, относящихся к управлению страной в условиях становления рыночной экономики. Это и проведение давно назревшей военной реформы, и укрепление дружественных отношений внутри СНГ, перестройка системы среднего и высшего образования, разработка соответствующим образом изменившегося подхода к воспитанию молодежи, поддержка нормальных связей и развитие экономического сотрудничества с Евросоюзом в интересах мира и прогресса.

Ни на одном из направлений внутренней и внешней политики пришедшим к власти демократам от Б. Ельцина до назначенного им преемника В. Путина не удалось добиться сколько-нибудь заметных успехов.

Еще в конце 90-х годов прошлого века в армии впервые заговорили о необходимости формирования нового облика Вооруженных Сил. Первоначально за пределы генеральских кабинетов эти разговоры не выходили. Где-то в НИИ МО кто-то что-то сделал, но дальше этого реформа не продвинулась ни на шаг. Лишь к концу второго срока президентства В. Путина в печати появились короткие сообщения о новой структуре Вооруженных Сил, а 11 ноября 2008 г. начальник генштаба генерал армии Макаров подписал директиву «О недопущении разглашения сведений о реформе Вооруженных Сил РФ». Сколько-нибудь внят-

ных объяснений представители Министерства обороны, не дали. Лишь совсем недавно на заседании коллегии Министерства обороны солдаты Кремлевского полка продемонстрировали образцы новой формы – от простой солдатской до генеральской парадной. В условиях продолжающегося кризиса она стоит совсем недорого. Весь комплект для рядового – всего 24 тысячи рублей. Для генералов, правда, подороже. На них кожа пойдет на пальто и куртки.

В связи с более чем туманными заявлениями генералов МО РФ о содержании военной реформы в сети Интернета то и дело появляются связанные с ней домыслы. Один из пользователей процитировал слова Квачкова – командира бригады спецназа ГРУ, обвиненного в покушении на А. Чубайса. Накануне защиты докторской диссертации по теории специальных операций Вооруженных Сил Российской Федерации в современных условиях, Квачкову был задан вопрос: «Как Вы оцениваете положение Российской Армии и моральный дух офицеров?». Ответ: «Нынешнее положение Вооруженных Сил России хуже и трагичнее положения русской армии летом-осенью 1917 года». Этот вывод сделан на основании документов, поступивших в Центр военно-стратегических исследований генерального штаба. По существу, у России армии уже нет. Существуют отдельные, тающие на глазах, глыбы ракетных войск стратегического назначения, воздушно-десантных войск. Держатся на личном мужестве и верности своему долгу соединения и части спецназа, некоторые другие соединения и части ВС. Все остальное уже давно утратило боеготовность и боеспособность...» [2].

Создание вертикали власти негативно сказалось не только на развитии экономики, положении Вооруженных Сил, международных позициях России, внутривластной обстановке в стране и т. д. Большинство целей, провозглашенных Б. Ельциным и его сторонниками, не были выполнены.

Положение главных производителей рукотворных богатств России, подлинных хозяев государства – тружеников промышленности, колхозников и рабочих совхозов, рядовых служащих государственных учреждений с каждым днем становилось все хуже. Крайне тяжелым было положение пенсионеров и инвалидов.

В связи с падением мировых цен на нефть (главный источник поступления иностранной валюты, необходимой для импорта продоволь-

ствия за рубежом) в России выросли внутренние цены на продукты питания. Это было связано с тем, что в условиях неопределенности колхозы и совхозы сократили производство зерна, овощей, мяса, молока и не могли удовлетворить спрос городского населения в сельскохозяйственной продукции в прежнем количестве.

Заявление А. Чубайса о том, что ваучер позволит чуть ли не каждому владельцу приобрести две «Волги», было всего лишь не очень веселой шуткой. Но за ней (этого главный приватизатор не предусмотрел) последовало разочарование все большей части общества в действиях власти и сожаление о прошлом.

Разрушение привычных условий жизни и труда рано или поздно не могло не сказаться на настроении людей, на развитии политической обстановки в стране, на оценке всех последующих действий власти.

Было бы серьезной ошибкой считать, что советское прошлое – это бесконечная череда преступлений, насилия, попрания свобод и прав личности, ГУЛАГ и всевластие бюрократии. Что бы ни говорили, как бы не старались ультралиберальные политики и журналисты представить исключительно в черном свете действия большевиков после Октябрьской революции, преобразования тридцатых годов, руководство страной в годы Великой Отечественной войны, замолчать реальные достижения советской эпохи невозможно. Знаменитое высказывание одного из самых непримиримых противников СССР английского премьера Уинстона Черчилля о том, что в годы правления большевиков Россия прошла путь от сохи до атомной бомбы, не в состоянии опровергнуть даже такие фальсификаторы истории, как З. Бжезинский, В. Жириновский, Н. Сванидзе и др.

Сложность и новизна проблем, связанных с преобразованием РСФСР в Российскую Федерацию, потребовали от центральной и региональных властей решения целого ряда вопросов, с которыми им не приходилось сталкиваться в предыдущей деятельности. Занявшие ответственные посты бывшие партийные чиновники, ответственные сотрудники муниципалитетов по существу впервые должны были заботиться о проведении чековых аукционов, развитии малого и среднего бизнеса, об укреплении отделов и служб лояльными новой власти работниками.

В целях овладения организацией управления экономикой в условиях перехода к рынку

ряд министерств и ведомств приглашали специалистов из-за рубежа. В период приватизации государственной собственности в России в качестве консультантов трудились тысячи специалистов из США, Англии, Германии и ряда других стран. Их гонорары в большинстве случаев исчислялись астрономическими цифрами. Однако зачастую рекомендации иностранных специалистов не использовались, ибо большинство из них попросту не были готовы к работе в совершенно непривычных для них условиях, не владели русским языком и больше заботились о размерах вознаграждения, а не о достижении результатов, а также долго не задерживались ни в офисах, ни на предприятиях.

Крайне отрицательно сказывалась на положении дел в экономике низкая исполнительская дисциплина. В этом направлении созданная Кремлем вертикаль власти практически не работала. Большая часть указаний руководителей самого высокого ранга, включая президента, не выполнялась. Вот лишь некоторые примеры.

27 марта 2006 года на выездном заседании правительства, посвященном вопросам ограничения экспорта необработанной древесины, В. Путин устроил разнос чиновникам: «Сопли жуем годами, сколько говорим на эту тему, а все это шуруют туда, не переставая, в огромных количествах, и ничего не делается для того, чтобы стимулировать переработку на территории Российской Федерации». Эффект разноса был нулевым.

Или другой пример. На заседании правительства, посвященном вопросам энергосбережения в сфере экономики, президент сказал: «Окончательной реализации нет ни по одному пункту, принимаемых мер недостаточно».

Фактов откровенного игнорирования президентских поручений и распоряжений на исполнительном уровне множество. Если в 2002 году из 4300 таких поручений невыполненными оказались 27 %, то на 1 декабря 2006 года этот показатель поднялся до 40 %. Это означает, что чиновники не выполняют половину даже таких заданий, которые по определению считаются приоритетными [3].

Значительно точнее и в срок выполнялись указания руководителей всех рангов по вопросам, в той или иной мере способствующим утверждению рыночной идеологии. Эта сфера деятельности включала:

1) обоснование эффективности рыночной экономики, ее неоспоримое превосходство над

плановой экономикой СССР, базирующейся на общественной собственности;

2) конкретизацию и утверждение в общественном сознании принципов морали, соответствующей частному предпринимательству как экономической основы государства;

3) коренной пересмотр истории Российского государства как неотъемлемой составной части становления единого мирового сообщества в связи с критическим отношением социалистической идеологии, материалистическому учению Маркса, Энгельса, Ленина, признанием неоспоримого превосходства частной собственности над общественной, капиталистической системы над социализмом.

Поскольку критическое отношение значительной части россиян к «демократическим» преобразованиям последних лет приобретает все более острый характер, одной из важнейших задач Министерства науки и образования, высших и средних учебных заведений, средств массовой информации, руководства региональных органов управления и СМИ является обеспечение точного соответствия содержания и форм идеологической работы провозглашенной властью программы создания новой России по образу и подобию Запада.

Острейшими проблемами современной российской действительности является разделение общества на богатых и бедных, низкий уровень социального обеспечения населения, борьба с преступностью, коррупцией, наркоманией, бюрократией и т. д. Справиться с решением этих проблем в рамках существующей в стране системы управления трудно, если вообще возможно. Поэтому обращение к образам управляемой или суверенной демократии наряду с убеждением россиян в том, что реальное воплощение воли и желаний народа требует длительного времени, признается правящей элитой одной из главных задач вертикали власти.

Одним из направлений утверждения новой системы общественных отношений в России является пересмотр утвердившихся за годы советской власти взглядов на событие отечественной истории XX столетия.

Подробно освещаются поражения русской армии в русско-японской войне 1904–1905 гг., реформы «выдающегося» государственного деятеля Петра Столыпина. Зато почти ничего не говорится о расстреле на Дворцовой площади в Санкт-Петербурге рабочей манифестации,

которая направлялась к царю с петицией о помощи в борьбе с нищетой и голодом.

При освещении событий гражданской войны ни разу не упоминается о позиции народа, поддержавшего в своем большинстве лозунги РСДРП «Мир народам!», «Землю крестьянам!», «Заводы и фабрики рабочим!».

Грубой фальсификацией истории являются приводимые в сочинениях либерал-демократов свидетельства о зверствах и грабежах большевиков. В то же время ни слова осуждения не произносится в адрес инициаторов установления памятника Колчаку в Иркутске, торжественного перезахоронения останков правителя Юга России генерала-карателя Каппеля и т. п.

Не вызывает сколько-нибудь серьезной критики со стороны Министерства культуры, творческих союзов и других общественных объединений, имеющих отношение к искусству, все чаще появляющиеся на экранах кинотеатров сомнительные фильмы о Великой Отечественной войне («Штрафная рота», «Последний бронепоезд» и т. п.).

Цель всего этого одна: бросить тень на события и дела советского периода и тем поддержать «демократические преобразования» последних лет.

В последние годы существования СССР по мере реализации заявленного М. Горбачевым курса на возрождение демократии все большее влияние на формирование взглядов части населения оказывала православная церковь. Это выразилось в увеличении числа прихожан, обрядов крещения младенцев, превращении в моду ранее весьма редких венчаний, вступающих в брак молодых людей, обязательных отпеваний усопших и т. п.

С приходом к власти Б. Ельцина, распадом СССР, приватизацией, началом войны в Чечне, обстановка в стране обострилась. Это побудило власть к поиску средств ослабления напряженности. Одним из таких средств, по мнению администрации президента, могла стать православная церковь. За словом последовало дело.

С каждым годом растет число религиозных учреждений. С начала последнего десятилетия XX века в РФ построено больше новых церквей, чем за предыдущие сто лет. В средствах массовой информации, на совещаниях в органах народного образования все чаще раздаются предложения о включении в школьные программы специального предмета «Основы духовной нравственности». Его содержание должно включать догматы мировых религий.

Для превращения религии в одну из основ идеологии общества с рыночной экономикой широко используется телевидение. По государственным каналам этого едва ли не главного в настоящее время «агитатора и пропагандиста» регулярно транслируются церемонии, посвященные главным религиозным праздникам, по большинству региональных каналов ежене-

дельно идут воскресные проповеди священнослужителей.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Вопросы экономики. – 1998. – № 12. – С. 7.
2. Деловой вторник. – 2008. – № 14. – 21 апреля.
3. Диагностика российской коррупции. – М., 2007. – С. 39.

УДК 316.354:351/354
ББК 55.37

*Н. В. Дулина**, *В. В. Мойсов***, *В. В. Токарев****

СТРАТЕГИИ АНТИКРИЗИСНОГО ПОВЕДЕНИЯ РОССИЯН

*Волгоградский государственный технический университет

**Объединенное маркетинговое агентство «Маркетдейта» (Москва)

***Центр социологических и маркетинговых исследований «Аналитик» (Волгоград)

В статье анализируются данные, полученные в ходе прикладного социологического исследования «Межрегиональный индекс кризисного сознания», выполненного под руководством и при участии авторов. Приводятся эмпирические данные, описываются модели поведения жителей страны в условиях экономического кризиса.

Ключевые слова: кризис, население, модель поведения, экономика.

*N. V. Dulina**, *V. V. Moysov***, *V. V. Tokarev****

STRATEGIES OF BEHAVIOR MODELS OF RESIDENTS IN CRISIS

The article is devoted to the analysis of the findings of the sociological research «Interregional index of crisis consciousness». Authors took part and led the survey. In the article they adduce empirical data, describe the behavior patterns of residents in economical crisis.

Keywords: crisis, population, behavior patterns, economy.

Мировой экономический кризис, перешедший в острую фазу в середине сентября 2008 года, по многочисленным заверениям экономистов (см., напр., [1, 5, 10 и др.]), ожидался давно. Конкретными цифрами, схемами, графиками [2, 4, 5] они убедительно демонстрируют, что кризис вряд ли стал неожиданным для большинства специалистов, но «вызвал шок у мировой экономической и политической элиты. Никто не ожидал ни подобной его глубины, ни столь быстрого развертывания» [4, с. 12]. Если элита оказалась в состоянии шока, то о простых жителях нашей страны, на которых кризис свалился как-то неожиданно (как снег на голову!), говорить и не приходится.

Нет, теоретически все понятно: кризис – неотъемлемая часть живых систем. Но эта теория воспринимается крайне болезненно, когда с кризисом мы сталкиваемся на практике. Понятно, что кризис нельзя избежать, но к нему нельзя и подготовиться. Именно несоразмерность наших личных возможностей масштабам текущего экономического кризиса во многом объ-

ясняет ту степень тревоги, которая охватила сегодня российское общество. Но что важно. Любые события, меняющие привычный ход вещей, делают поступки людей, их интересы, принципы, устремления более выпуклыми. Иначе говоря, мировой экономический кризис – уникальная (практически экспериментальная) ситуация для исследователей, когда можно лучше понять реальность (в первую очередь социальную), лучше понять действие социальных механизмов, характер взаимодействия общества с социальными институтами и т. д.

В данной статье авторы, не вдаваясь в глубокие теоретические рассуждения об исторических истоках и последствиях кризиса, представляют данные, полученные в ходе прикладного социологического исследования «Межрегиональный индекс кризисного сознания» («МИКС–2009»), организованного и проведенного Ассоциацией региональных социологических центров «Группа 7/89». Проект этот инициативный, он не имеет заказчика, а выполняется социологами регионов именно для того,

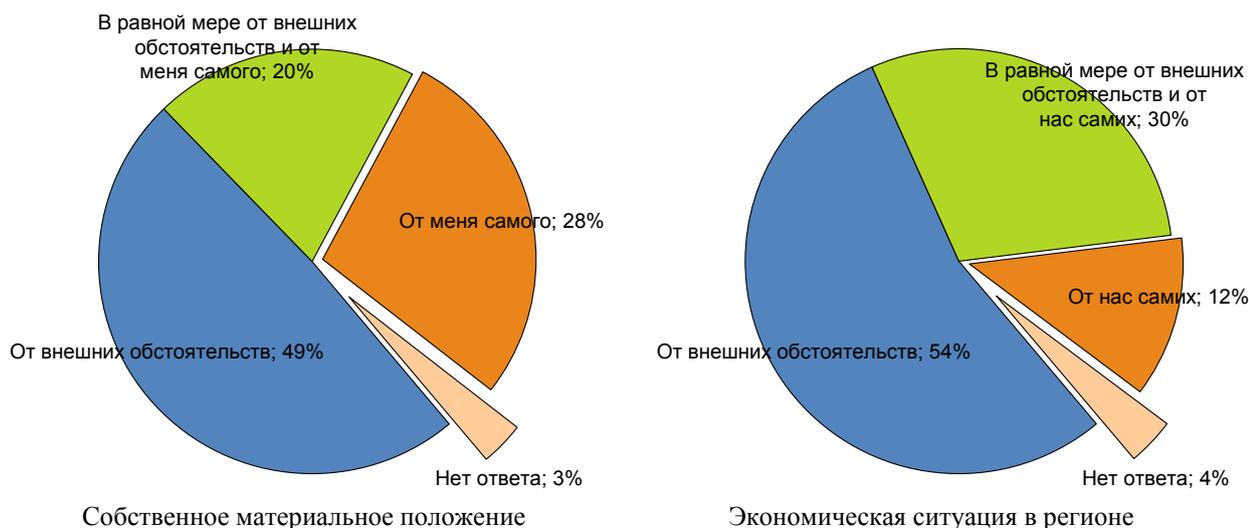

Рис. 1. Атрибуция ответственности за материальное положение (экономическую ситуацию) [общие распределения]

чтобы успеть зафиксировать, измерить быстро ускользящую (изменяющуюся) натуру. Авторы полагают, что это исследование чрезвычайно актуально с точки зрения формирования объективной оценки социально-экономических последствий кризиса «на местах» и выработки адекватных мер оздоровления ситуации в этой сфере. Время проведения второй волны исследования «МИКС–2009» – март 2009 года, число отдельных территорий исследования – 21. Общий объем выборки 12400 респондентов (не менее 500 респондентов в каждом отдельном регионе), в том числе в Волгоградской области было получено 710 интервью. Первая волна прошла в ноябре 2008 года, общий объем выборки – 9700 респондентов, число отдельных территорий исследования – 17. В рамках первой волны исследования на территории Волгоградской области опрашивались жители только Волгограда, было получено 702 интервью. Исследование во всех регионах проводится по сопоставимым методикам. Выборка репрезентативна по полу, возрасту, территории проживания. По Волгоградской области величина максимальной статистической погрешности при доверительном уровне 0,95 составляет 3,7 %.

По состоянию на март 2009 года, ничего не знали о кризисе 3 % населения территорий исследования, и 18 % знали о кризисе «в деталях и подробностях», причем разница с соответствующими показателями, зафиксированными в ноябре прошлого года, составила не более одного процентного пункта. Фактическое отсутствие изменений можно трактовать следующим образом: к моменту проведения первой волны

исследования информированность уже достигла максимума, и события, произошедшие в экономике за период между двумя волнами, уже не добавили населению ясности в понимании механизмов экономических проблем. Изменения кризисных ожиданий более заметны. Доля респондентов, считающих, что кризис будет усиливаться, выросла с 39 до 47 %.

На кого жители российских регионов склонны возложить ответственность за улучшение личного материального положения и экономической ситуации в регионе? В вопросе о личном положении 28 % населения полагаются на себя; внешняя же атрибуция ответственности характерна почти для каждого второго респондента. В вопросе об экономической ситуации в регионе смещение в сторону внешней атрибуции еще более заметно – 12 % респондентов выбрали ответ «Ситуация зависит от нас самих» и 54 % – «Ситуация зависит от внешних обстоятельств (общей ситуации в стране, мире, президента, правительства, случайностей и пр.)» (рис. 1).

Интересно обратить внимание, что на представлении об ответственности за собственное положение наибольшее влияние оказывает возраст (табл. 1); молодые респонденты чаще говорят о внутреннем локусе ответственности (рис. 2). А вот представления об ответственности за ситуацию в регионе в большей степени зависят от пола респондента (табл. 2); мужчины чаще, чем женщины, выбирали вариант ответа «Ситуация зависит от нас самих» (рис. 3). Хотя, справедливости ради, следует заметить, что в любой из демографических категорий большинство все равно имеет внешний локус ответственности.

Таблица 1

Значения F-критерия при анализе взаимосвязи социально-демографических факторов и признака «Атрибуция ответственности за собственное материальное положение»

Социально-демографические факторы	Значения F-критерия
Возраст	46,19
Доход	38,28
Пол	23,33
Территория опроса	11,29
Занятость	8,83
Вид занятости	4,49
Образование	1,32
Урбанизация	0,94

Таблица 2

Результаты анализа влияния социально-демографических факторов на значения признака «Атрибуция ответственности за экономическую ситуацию в регионе»

Социально-демографические факторы	Значения F-критерия
Пол	19,95
Территория опроса	7,27
Доход	4,19
Вид занятости	2,24
Возраст	1,03
Образование	0,37
Занятость	0,14

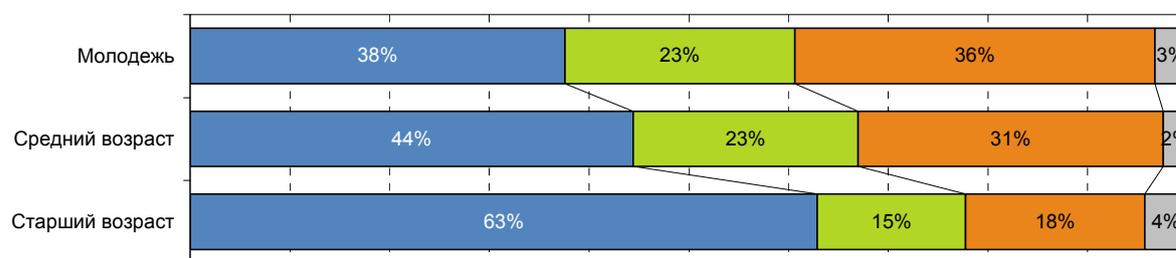

Рис. 2. Взаимосвязь возраста и атрибуции ответственности за собственное материальное положение:

- — от внешних обстоятельств;
- — в равной мере от внешних обстоятельств и от меня самого;
- — от меня самого;
- — нет ответа

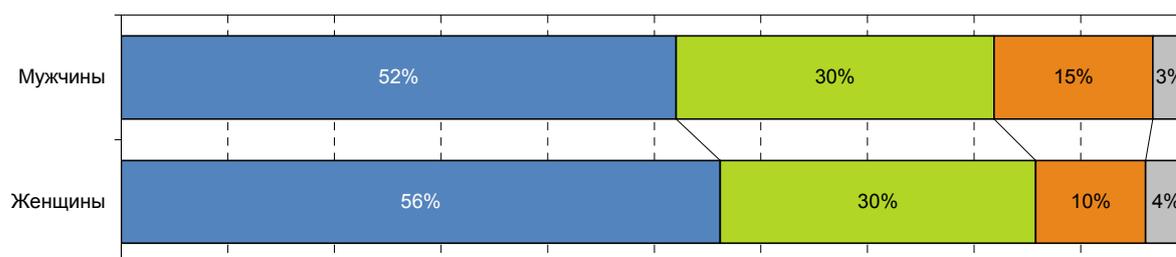

Рис. 3. Взаимосвязь пола и атрибуции ответственности за экономическую ситуацию в регионе:

- — от внешних обстоятельств;
- — в равной мере от внешних обстоятельств и от нас самих;
- — от нас самих;
- — нет ответа

В предполагаемом антикризисном поведении населения преобладают две стратегии – пассивная («резко сокращу расходы, буду экономить на всем») и активная («постараюсь найти дополнительные источники дохода») (рис. 4). Очевидно, что стратегии поведения в условиях кризиса должны быть взаимосвязаны с описанным выше показателем «Атрибуция

ответственности». Данные, подтверждающие этот тезис, приведены на рис. 5. В группе сторонников активной стратегии индекс интернальности (отношение численности принимающих ответственность за свое материальное положение на себя (интерналов) к количеству тех, кто возлагает ответственность на внешние обстоятельства (экстерналов)), заметно выше.

Рис. 4. «Если Ваше (Вашей семьи) финансовое положение вследствие каких-либо причин неожиданно ухудшится, что Вы прежде всего предпримете?» [общее распределение]

Рис. 5. Индекс интернальности при склонности к различным антикризисным стратегиям

Экономисты предупреждают, что «кризис опасен социально-политической дестабилизацией, и именно данному вопросу нужно уделять первостепенное значение» [4, с. 21]. Как в случае нарушения трудовых прав со стороны работодателя готовы повести себя россияне? Борются за свои права предполагают менее трети работающих (рис. 6). Соотношение позиций в данном случае далеко не в пользу активной группы трудящихся – пассивные варианты «Буду терпеть и ждать улучшения ситуации», «Уволюсь и постараюсь получить пособие» и «Буду искать другое место работы» в сумме составляют больше половины всех ответов.

Важно отметить, что процентные соотношения ответов за период между двумя волнами

исследования практически не изменились. Из этого можно сделать вывод, что представления либеральной оппозиции о том, что российский общественный договор сводится к формуле «нефтедоллары в обмен на права», вероятно, довольно далеки от истины. По мере усиления кризиса и увеличения масштаба его последствий (то есть по мере снижения числа нефтедолларов) правосознание населения изменений не претерпевает, активность граждан не растет.

Результаты применения процедуры дисперсионного анализа к данным о готовности защищать свои трудовые права приведены в табл. 3. Как можно видеть, определяющим фактором в данном случае является возраст респондентов.

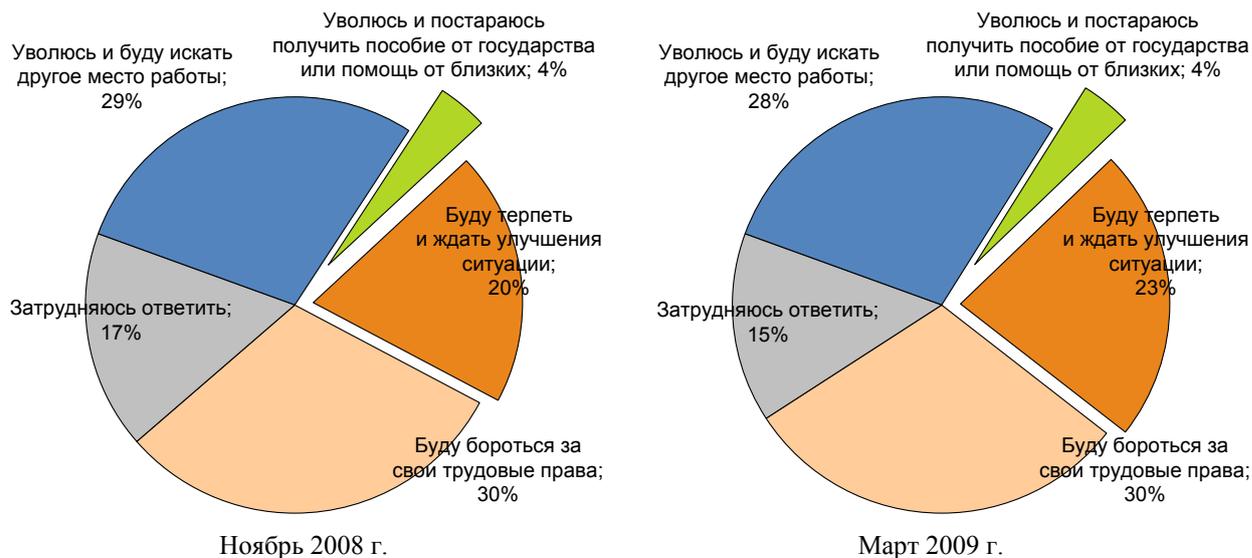

Рис. 6. «Как Вы скорее всего поступите в случае грубого или постоянного нарушения Ваших трудовых прав?» [от числа работающих]

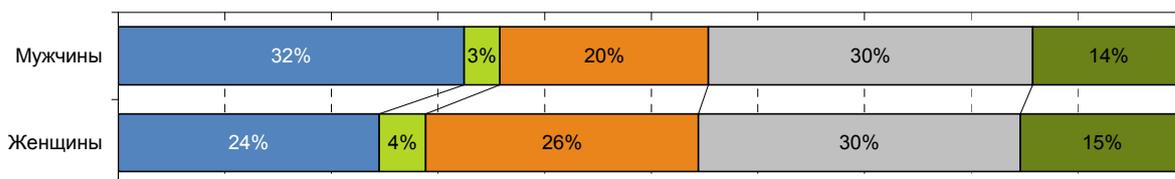

Рис. 7. Взаимосвязь пола и готовности отстаивать трудовые права:

- – увольюсь и буду искать другое место работы;
- – увольюсь и постараюсь получить пособия или помощь от родственников и друзей;
- – буду терпеть и ждать улучшения ситуации;
- – буду бороться за свои трудовые права, отстаивать свои интересы и интересы коллектива;
- – затрудняюсь ответить

Впрочем, гендерные различия не затрагивают позицию «Буду бороться за свои права». Но мужчины чаще женщин склоняются к увольнению и поиску новой работы, а женщины чаще демонстрируют готовность терпеть и ждать улучшения (рис. 7).

Таблица 3

Результаты анализа влияния социально-демографических факторов на значения признака «Действия в случае нарушения трудовых прав»

Социально-демографические факторы	Значения F-критерия
Пол	23,37
Территория опроса	12,90
Возраст	3,59
Доход	3,28
Образование	3,05
Урбанизация	1,72
Вид занятости	1,52

Понятно, что в условиях текущего кризиса, нельзя надеяться на сохранение сложившейся модели развития экономики, как нельзя надеяться и на сохранение сложившейся модели экономического и/или социального поведения населения. Пока же ясно одно – и властям, и экономике, и населению следует готовиться к серьезным испытаниям.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. *Алексащенко, С.* Кризис–2008: пора ставить диагноз / С. Алексащенко // Вопросы экономики. – 2008. – № 11. – С. 25–37.
2. *Гурова, Т.* Без L-образного хвоста / Т. Гурова // Эксперт. – 2009. – № 2. – С. 14–20.
3. *Игнатовский, П.* Экономика и ее человечность / П. Игнатовский // Экономист. – 2009. – № 2. – С. 3–14.
4. *Мау, В.* Драма 2008 года: от экономического чуда к экономическому кризису / В. Мау // Вопросы экономики. – 2009. – № 2. – С. 4–23.
5. *Навой, А.* Российские кризисы образца 1998 и 2008 годов: найди 10 отличий / А. Навой // Вопросы экономики. – 2009. – № 2. – С. 24–38.

6. Нецадин, А. Игры с государством / А. Нецадин // Деловые люди. – 2009. – № 209–210. – С. 10–12.

7. Пахомов, Ю. Мировой финансовый кризис: цивилизационные истоки / Ю. Пахомов, С. Пахомов // Экономист. – 2009. – № 2. – С. 37–42.

8. Старостенкова, Е. Бремя открытой экономики /

Е. Старостенкова // Деловые люди. – 2009. – № 209–210. – С. 4–9.

9. Фадеев, В. Затмение пройдет / В. Фадеев // Эксперт. – 2009. – № 2(641). – С. 8–12.

10. Юсим, В. Первопричина мировых кризисов / В. Юсим // Вопросы экономики. – 2009. – № 1. – С. 28–39.

ББК С55.6

Н. А. Овчар

ВЛИЯНИЕ ЭЛЕМЕНТОВ ИНФОРМАЦИОННОГО ПРОСТРАНСТВА НА СОЦИАЛЬНОЕ САМОЧУВСТВИЕ НАСЕЛЕНИЯ

Волгоградский государственный технический университет

В статье предпринят анализ категории «социальное самочувствие» как показателя, индикатора социальных трансформаций в регионе. Позитивное социальное самочувствие формируется при создании информационной среды региона. Такая деятельность обеспечивается посредством института общественного мнения, где активную роль играют средства массовой информации, которые влияют на социальные чувства идентичности, обеспечивают приобщение к определенной системе символических значений, ценностей. Кроме того, значимыми в своем влиянии на социальное самочувствие населения представляются институты гражданского общества, которые обеспечивают связь между населением и властью.

Ключевые слова: социальное самочувствие, регион, общественное мнение, институты гражданского общества, информационное пространство, население.

N. A. Ovchar

THE INFLUENCE OF ELEMENTS OF INFORMATIONAL SPACE TO SOCIAL WELL-BEING OF PEOPLE

The Volgograd state technical university

The article is devoted to the analysis the term “social well-being” as an indicator of social transformation in region. Positive social well-being is formed by informational medium of region. It provides by mass-media which influences on social identity, provides social inclusion in system of symbols and values. Besides the institutes of civil society provide the connection between citizens and authorities.

Keywords: social well-being, region, public opinion, institutes of civil society, information space, citizens.

Социальные явления, структуры, их элементы находятся в постоянном движении, характер социальных взаимосвязей и отношений между ними меняется, что, в свою очередь, можно охарактеризовать как социальное изменение. Социальные изменения проявляются в возникновении или исчезновении определенных элементов, трансформации внешних (или внутренних) связей. Факторами, определяющими социальные изменения, являются их объективные предпосылки и условия (экономические, географические, идеологические), особые жизненные обстоятельства, формирующие сознание и влияющие на поведение каждого определенного индивида, активность личности в данной ситуации, изменения социально-психологического настроения, преобладающего в обществе.

Качественным показателем социальных изменений в регионе является социальное самочувствие населения, которое проявляется с по-

мощью индикаторов с экономической ситуацией в регионе, политической и т.д. Социальное самочувствие определяется через отношение индивидов к своему месту в системе социальных связей, степень адаптированности к изменениям, отношение к перспективам и факторам изменения своего социального статуса, ощущение комфортности, социальное настроение, ощущение себя в качестве выигравшего-проигравшего, общая эмоциональная реакция на социальные изменения.

Если обратиться к системе индикаторов, мониторинг которых позволил бы диагностировать социальное самочувствие конкретной социальной общности, то необходимо отметить, что понятие «социальное самочувствие» всегда имеет субъективное содержание. Этот термин отражает как общую качественную характеристику типа социального самочувствия личности, так и частные переживания, различно локализованные (дискомфорт, затруднения

при выполнении действий, трудности понимания) [1]. Характеризуя типологические группы социального самочувствия людей по их поведению в трудовой и семейной сферах, О. Л. Барская выделяет различную степень влияния факторов ориентации на достижения (образование, доход, положение на рынке труда, социальная страта и прочее), аскрипции (пол, среда выхода), жизненный цикл (семейный статус, наличие детей, тип населенного пункта), а также ресурсы (активность субъекта) [2].

В сущности, как отмечают исследователи, социальное самочувствие – это индикатор тех реальных процессов, которые происходят в обществе. Так, в концепции Ж. Т. Тощенко и С. Харченко социальное самочувствие выступает в качестве некой основы, исходного структурного элемента для формирования социального настроения личности, ее направленности. Самочувствие является эмоциональным фоном, влияющим на настрой личности, ее направленность [3]. Многими учеными социальное самочувствие рассматривается как интегральный показатель адаптированности личности к новым условиям жизни, как некий результат, индикатор успешности/неуспешности протекания адаптации) [4].

В качестве параметров социального самочувствия в научной литературе рассматриваются различные параметры. Например, Б. А. Грушин выделяет такие индикаторы, как:

- уровень притязаний – жизненная ориентация: ценностные ориентации трудовой деятельности; ценности учебной деятельности; ценности семьи; ценности общения и досуговой деятельности;

- характеристики активности субъекта – субъективная оценка характеристик успеха: трудоспособность, адаптивная деятельность;

- конкретные шаги по реализации жизненной программы «Идентификационная стратегия»: характеристика референтной группы; характеристика возможностей в сравнении с представителями своей возрастной когорты; степень доверия социальным институтам; институт помощи;

- удовлетворенность реализацией жизненной стратегии: удовлетворенность работой; удовлетворенность семейной карьерой; удовлетворенность вещной средой;

- временные характеристики – отношения к изменениям: планирование важнейших событий; объективные детерминирующие факторы; среда выхода [5].

По мнению Я. Н. Крупец, для анализа социального самочувствия следует выделять более широкий набор:

- уровень жизни – доход; материальное положение, обеспеченность (жилье, товары длительного пользования, первой необходимости); занятость и безработица (уровень заработной платы, сферы занятости, условия труда соотносительно потенциалу и представлениям о будущем); гарантированность социальной защиты (пенсионное обеспечение, социальные услуги, льготы); свободное время, отдых; воспитание детей (отдых, здоровье, будущее образование, возможности самоопределения);

- состояние здоровья – заболеваемость; возможность получения медицинских услуг, оздоровление; питание; экология; профилактика заболеваний; здоровый образ жизни;

- эмоционально-психологическое состояние – радости, депрессии, оптимизм, причины всех эмоциональных состояний;

- социальные самоощущения – идентификация, состояние комфортности, социальные ценности (какой направленности);

- уровень беспокойства и надежды на помощь – проблемы, которые беспокоят, от кого зависит решение проблем, где находят поддержку, социальная ответственность;

- уровень гражданской активности;

- жизненные стратегии – выживание (подработки); развитие, самореализация (социальное образование, информированность, активность, карьера, планирование жизни); благополучие (дом, дача, свободное время); интеграция отношения к чужим (интерес к чужой культуре или отвержение, отношение к слабым); самооценка потенциала – профессионального, социального опыта, личностных качеств [6].

М. Н. Руткевич выделяет несколько характеристик, дающих возможность выявить социальное самочувствие населения:

- удовлетворенность своей жизнью в целом;

- оценку человеком своего сегодняшнего положения в новых условиях;

- представление личностью своего будущего [7].

По мнению автора, одним из важнейших факторов, обуславливающих формирование позитивного социального самочувствия, характеризующегося стабильно позитивным восприятием действительности, устойчивой совокупностью ценностных ориентаций, чувством общности, удовлетворенностью своим соци-

альным статусом, уровнем дохода и т. п. – это информационная среда. Наличие информации о жизни региона, ее доступность, информированность населения позволяет формировать чувство принадлежности человека к определенному территориальному сообществу, его самоидентификации с регионом. Многочисленные каналы информации способствуют формированию восприятия региона как сплоченной (с помощью каналов) социальной общности. Установление каналов обратной связи с властью, а также институтов прямой демократии обеспечивает возможность реализации функций целеполагания и жизнеобеспечения через социальные ресурсы общества, возможность подстраивания общества под интересы, цели, потребности конкретного человека. Кроме того, информация выступает полем, связывающим разрозненные локальные территориальные социумы, а также различные поля, которые существуют не автономно, и воздействие одного поля на другое осуществляется посредством отдельных элементов информационного пространства.

Как отмечает ряд исследователей, важнейшим компонентом информационного пространства являются средства массовой информации, которые отражают, формируют общественное мнение, обеспечивают реализацию важных функций информационного пространства. Общественное мнение, по определению – это состояние массового сознания, заключающее в себе отношение (скрытое или явное) различных групп людей к событиям и фактам социальной действительности [8, с. 174].

Мнение как оценочное суждение затрагивает различные аспекты окружающего мира. Оценка придает суждению-мнению некую содержательную определенность, а объекту мнения – своеобразный знак качества, имеющий позитивный или негативный смысл. Высказать мнение – это значит, так или иначе оценить что-либо или кого-либо.

Общение выступает источником, первопричиной общественного мнения. Поэтому увеличение информационных связей, большое разнообразие форм духовного общения, интенсификация межличностных интеллектуально-эмоциональных контактов, информационных каналов (СМИ), объема информации, увеличение объема взаимодействий людей может выступать как фактором формирования позитивного, так и негативного социального самочувствия.

Информация выступает средством формирования общественного мнения населения о власти, поэтому значимым механизмом является информирование населения, а также обратная связь «органы государственной власти – население».

Власть может способствовать формированию социального чувства (исторически формируемого, соответствующего определенным этапам развития общества и переживаемым им ситуациям (патриотизм, любовь к своему народу, чувство готовности защищать родину)), интенсивности переживания чувств, степени распространенности, активности воздействия на сознание и поведение людей. Но, в свою очередь, «властные структуры воспроизводят и конструируют ту систему отношений, которая возникает и развивается в их собственной среде» [9, с. 199].

СМИ как «механизм формирования стереотипов поведения и установок, утверждения соответствующих ценностей» [10, с. 170] выступает одним из самых значимых источников информации, формирования социальных чувств идентичности, принадлежности. Кроме этого, результатом действия СМИ является эффект принудительной социализации, приобщения к определенному коду и через него к определенной системе символических значений, ценностей, к соответствующему способу видения общества и положения человека в нем.

Формирование информационной среды происходит в ходе реализации таких функций СМИ, как виртуализация, которая обеспечивает переживание образов (Ж. Бодрийяр в качестве характеристики современного общества выделяет такую, как насыщенность образами), нематериальность воздействия (изображаемое производит эффект, характерный для вещественного), условность параметров (объекты искусственны и изменяемы), эфемерность (свобода входа/выхода обеспечивает возможность прерывания и возобновления существования) [11, с. 30], мифологизация (коммуникативные технологии, которые опираются на наиболее архаические, примитивные и тем самым очень устойчивые модели понимания мира) [10, с. 189].

Позитивное социальное самочувствие в период социальной трансформации можно обеспечить за счет установления систем обратной связи между населением и властью. Обращение к мнению горожан об их социальном самочувствии, которое рассматривается автором как

комплексный показатель, включающий значительный перечень индикаторов, необходимо осуществлять с помощью социального мониторинга, то есть регулярно, что позволит оперативно вносить необходимые коррективы. Наряду с этими элементами информационного пространства, социальное самочувствие определяется с помощью средств массовой информации, которые влияют на социальные чувства идентичности, обеспечивают приобщение к определенной системе символических значений, ценностей, к соответствующему способу видения общества и положения человека в нем.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. *Алиев, Х. М.* Ключ к себе: этюды о саморегуляции / Х. М. Алиев. – М.: Центр саморегуляции человека "Homo futurus" Тантра, 1990. – С. 34–49.
2. *Барская, О. Л.* Социальное самочувствие: методологические и методические проблемы исследования: автореф. дис. ... канд. философ. наук / О. Л. Барская. – М., 1989. – С. 16–28.

3. *Тощенко, Ж. Т.* Социальное настроение / Ж. Т. Тощенко, С. В. Харченко. – М.: Academia, 1996. – С. 97–123.
4. *Тощенко, Ж. Т.* Социальное настроение – феномен современной социологической теории и практики / Ж. Т. Тощенко // Социс. – 1998. – № 1. – С. 12–21.
5. *Абульханова-Славская, К. А.* Стратегия жизни / К. А. Абульханова-Славская. – М.: Мысль, 1999. – 299 с.
6. *Крупец, Я. Н.* Социальное самочувствие как интегральный показатель адаптированности / Я. Н. Крупец // Социс. – 2004. – № 3. – С. 5–10.
7. *Бодалев, А. А.* Восприятие и понимание человека человеком / А. А. Бодалев. – М.: Изд-во МГУ, 1992. – 199 с.
8. *Горшков, М. К.* Общественное мнение: История и современность / М. К. Горшков. – М.: Политиздат, 1988. – 383 с.
9. *Байдалова, О. В.* Развитие региона как социальной системы: социальные показатели и индикаторы / О. В. Байдалова. – Волгоград: Изд-во ВАГС, 2002. – 277 с.
10. *Астафьев, Я. У.* Катастрофическое сознание и массовые коммуникации: к постановке проблемы / Я. У. Астафьев // Страхи и тревоги россиян. – СПб.: Изд-во РГХИ, 2004. – С. 170–209.
11. *Иванов, Д. В.* Виртуализация общества. Версия 2.0 / Д. В. Иванов. – СПб.: Петербургское Востоковедение, 2002. – 224 с.

ББК С 524

Н. В. Дулина, Н. А. Овчар

СОЦИОКУЛЬТУРНОЕ ПОЛЕ РЕГИОНА: МЕТОДОЛОГИЯ И МЕТОДИКА ИССЛЕДОВАНИЯ*

Волгоградский государственный технический университет

Авторы рассматривают сущность и природу такой теоретической категории, как социокультурное поле, историю изучения социального пространства и подходы в трактовке этого понятия, сложившиеся в науке до сегодняшнего дня. Обратившись к опыту естественных наук в применении терминов «пространство» и «поле», авторы обосновывают перспективность развития соответствующих категорий в социальных науках и разработки не только методологических, но и методических основ исследований с применением нового для социологии подхода.

Ключевые слова: социокультурное поле, социальное пространство, социокультурное пространство, физическое поле.

N. V. Dulina, N. A. Ovchar

SOCIOCULTURAL FIELD OF REGION: METHODOLOGY AND METHODS OF RESEARCHES

The Volgograd state technical university

In the article authors explore nature of sociocultural field, history of social space's observations and approaches for researches. They use natural sciences in application of terms "space", "field" and prove the prospectively of development the terms in social sciences, drawing-up methodology and methods for researches based on new sociological approach.

Keywords: sociocultural field, social space, sociocultural space, physical field.

Объяснение законов и принципов упорядочения жизнедеятельности общества и человека, в связи с высокой динамикой развития общественных наук, выходят на новый уровень. Результатом чего является появление новых исследовательских программ, «например, связанных с совместным описанием сущностей, лежащих на разных уровнях организации (мо-

ральных норм и экономических агентов, поведенческих стратегий и динамики сообществ и т. д.), и созданием наук на стыке двух далеких дисциплин...» [8, с. 27]. В этой связи интересно обратить внимание, что основатель социологии О. Конт задолго до нашего исторического «сейчас» обращал внимание на те же факторы, выделяя экономический, духовный и моральный векторы для обоснования положения о трехмерности социального пространства.

* Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ (проект № 09–03–20308 а/В)

Социологическая традиция исследования социального пространства обозначилась уже в конце XIX в., что свидетельствует о важности данной категории в развитии социологической науки. Понятие пространства интуитивно понятное, при попытках формализации теряет свои четко очерченные контуры и не дает возможности поймать ускользающую картину мира. Дело здесь, как представляется, в сложности самой категории «социальное пространство». Известно, что в основе наиболее важных образов лежат какие-то пространственно-временные формы мира, в котором мы живем. Отношение между этими формами и научными категориями является очень сложным. В любой науке есть первоначальные (или неопределяемые) понятия, которые в нашем сознании связаны с теми или иными физическими образами. Некоторые основные свойства этих понятий формулируются в виде постулатов и аксиом, то есть предположений, которые не требуют определений и доказательств, а принимаются в качестве исходных истин. Сами формулировки аксиом отражают интуитивно очевидные свойства этих понятий, соответствующие очевидным свойствам их физических прообразов. Все это в полном объеме можно отнести и к таким категориям, как «пространство» и «поле».

Пространство, как фактор, участвующий в общественных процессах и влияющий на них, всегда было и остается предметом повышенного интереса исследователей. В теориях о роли географической среды (Геродот, Гиппократ, Страбон), в концепциях географического детерминизма (Ш. Л. Монтескье, А. Р. Ж. Тюрго, И. Г. Гердер и др.) пространство определяется как существенный фактор общественного развития, причем пространство в данном случае уже постулировано, оно уже есть данность. Исследователи свой повышенный интерес как к реальному, так и идеальному пространству переносили и на создаваемые искусственные схемы и объекты. В математике под пространством понимается множество объектов, между которыми установлены отношения, сходные по своей структуре с обычными пространственными отношениями типа окрестности, расстояния [12, с. 1071]. В математике задать пространство можно только через расстояние [15, с. 16]. При этом расстояние понимается гораздо сложнее, чем обычное расстояние в трехмерном пространстве, выражаемое длиной отрезка. Исследователи в области естествознания ис-

пользуют дефиницию пространства для определения чаще употребляемого ими понятия поля. «Поле – пространство, в пределах которого проявляется действие каких-либо сил» [9, с. 448], иначе говоря, поле – вещественная функция нескольких переменных. Поля физические определяются в «Политехническом словаре» как формы материи, связывающие вещества в единые системы и передающие с конечной скоростью действие одних частиц на другие [10, с. 397]. Интересно отметить, что в последнее время отечественными учеными-социологами довольно активно стала использоваться категория «поле», которое понимается именно как место столкновения каких-либо сил [5, 14].

Термин «социальное пространство» появился в понятийно-категориальном аппарате социологии и ряда других наук в начале 1970-х гг. [11, с. 423–425]. Хотя, справедливости ради, следует заметить, что в научных источниках встречается и иная точка зрения. Так, в энциклопедии по социологии появление термина «социальное пространство» связывается с именем П. Бурдьё и датируется 1990 г. – годом выхода его работы «Физическое и социальное пространство» (см., напр., [13, с. 974]). Степень разработанности проблемы социального пространства и сопряженных с ней вопросов в научной литературе оценивается как сравнительно невысокая. В обществоведении отсутствует однозначность в терминологическом обозначении социально-пространственных характеристик. В качестве синонимов используются такие интуитивно очевидные понятия, как «общественное пространство», «пространство общества», «пространство жизни человека», «пространственный фактор общества», «пространственная сторона социальных явлений», «пространство социальной деятельности» и т. п. [11, с. 423–424].

Значительный разнобой в методологических подходах к пониманию социального пространства и как реальности, и как научной категории может служить косвенным доказательством сложности и многоаспектности данного феномена: «нет ничего более сложного, чем выйти из овеществленного социального пространства, чтобы осмысливать его именно в отличии от социального пространства. И это тем более верно, что социальное пространство как таковое предрасположено к тому, чтобы позволять видеть себя в форме пространствен-

ных схем. А повсеместно используемый для разговоров о социальном пространстве язык изобилует метафорами, заимствованными из физического пространства» [1, с. 39]. Сказано очень хорошо. И весьма обобщенно – как и принято в гуманитарных науках. Но чтобы формулировать, нужна большая конкретность. Вот и складывается парадоксальная ситуация, когда наличие феномена большинством исследователей признается, но сложность выделения критериев его формализации делает предметное поле неоднозначным, расплывчатым. И, что самое парадоксальное, сделать его более конкретным в рамках социальных наук практически не представляется возможным в силу того, что «пространственность-временность социальной реальности нельзя свести к предметности или эмпирической фактуальности, поскольку она не может быть ни воспроизведена, ни присвоена агентами. Иначе говоря, она есть нечто, и нераспредмеченное и неопредмеченное социологическими практиками, однако получающее смысл лишь в перспективе опредмечивание / распредмечивание» [6, с. 63–64]. Социальный мир представляет собой все то, что имеет место, чему случается быть [2, с. 5], поэтому смысл социальной реальности представляет собой изменчивость-упорядоченность событий. То, что философия называет упорядоченностью-изменчивостью, соответствует социальным отношениям социологии, поскольку порядок и изменения даны лишь в отношениях / опосредованиях и через них. Социальные отношения аксиоматически задаются как причинные отношения. Иначе говоря, чтобы объяснить те или иные события, необходимо конструировать причинно-следственные ряды, отличающиеся от прежних. Быть может, этим и объясняется потребность исследователей сделать невозможное: поймать время и зафиксировать социальное пространство через позиции и структуры, привязать его не только ко времени, но и месту. Представление о социологии как «социальной топологии» обосновал П. Бурдьё [1, с. 55–59].

Тяготение к конкретному месту в пространстве вполне оправдано. В социальном пространстве взаимодействия носят упорядоченный характер, что определяется позициями социальных агентов, степенью глубины социальных дистанций. Социальное пространство конструируется в процессе обмена социальными практиками, социально значимыми ресурсами и, следовательно, уже выступает «место-

свершением» подобных обменов, в процессе которых объективируются социальные дистанции, подтверждаются либо изменяются позиции социальных акторов.

Поймать время и привязать социальное пространство к месту, как представляется авторам, позволяет понятие поля, практически неразделимое с понятием пространства. Но возможность представить социальное пространство как совокупность полей, взаимопересекающихся и переходящих одно в другое, дает возможность лучше понять такое пространство. Каждый человек одновременно принадлежит нескольким полям социального пространства. В узком смысле, «точка стяжения» этих полей – сам человек, система его ценностей и ценностных ориентаций. Но каждая такая точка – это еще и место столкновения социальных статусов и ролей, принадлежащих разным социальным полям.

Поля, фиксируемые учеными-естественниками, можно зафиксировать, измерить с помощью специальных приборов. Но, к сожалению, пока никак не удастся однозначно измерить поле социально-ментальное, психологическое или какое-либо иное, имеющее социальную природу, поскольку, задавая то или иное социальное поле как систему практик, «мы не можем сформулировать точно, что это значит» [5, с. 27]. Но невозможность измерить напряжение социального поля – это уступка нашей слабости и неумение измерить, но никак не отрицание объективного напряжения этого поля. По аналогии с полями физическими можно предположить, что поле социальное – это вещественная функция нескольких каких-либо социальных переменных и место столкновения различных сил.

Встает вполне закономерный вопрос: в точках стяжения конструкция всего социального пространства усиливается или, напротив, ослабевает? Однозначного ответа на этот вопрос дать не представляется возможным, но это уже другая тема для другого разговора.

В рамках же заданной темы важно дать ответ на вопрос: а как можно измерить состояние социального поля и что, собственно говоря, мерить-то? Следует признать, что измерение это довольно сложное, поскольку «попытавшись исчерпывающим образом задать психологическое настроение человека в фиксированный момент времени; это невозможно в принципе, хотя бы потому, что, подвергая человека психологическим измерениям, мы тем самым уже изменяем само это его настроение» [5, с. 23].

Тем не менее, как представляется, инструментов измерения переменной, определяющей состояние наиболее значимых полей (среди которых в первую очередь следует назвать ментальное, поскольку, как утверждают исследователи, «спусковой крючок» всех кризисов находится в головах, думах и душах людей) в структуре социального пространства, все-таки много. Это в первую очередь мониторинг, который позволит описать, классифицировать, прогнозировать и предупреждать, в случае необходимости, негативное развитие социальных явлений и процессов. Но не менее эффективно, по мнению авторов, могут сработать панельные (повторяются через определенный промежуток времени на одной и той же «когорте респондентов» с использованием одной и той же методики) и лонгитюдные исследования.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Бурдые, П. Социология политики / П. Бурдые; пер. с фр. – М.: Socio-Logos, 1993. – 336 с.
2. Витгенштейн, Л. Logisch-philosophische Abhandlung = Логико-философский трактат // Философские работы: Ч. 1. / Л. Витгенштейн; пер. с нем. М. С. Козловой и Ю. А. Асеева; сост., вступ. ст., примеч. М. С. Козловой. – М.: Гнозис, 1994.
3. Гидденс, Э. Социология / Э. Гидденс; науч. ред. В. А. Ядов; общ. ред. Л. С. Гурьевой и Л. Н. Иосилевича. – М.: Эдиториал УРСС, 1999. – 704 с.
4. Гидденс, Э. Устроение общества: Очерк теории структуризации / Э. Гидденс; пер. с англ. И. Тюриной. – М.: Академический Проект, 2003.

5. Качанов, Ю. Л. Опыты о поле политики / Ю. Л. Качанов. – М.: Институт экспериментальной социологии, 1994. – 159 с.
6. Качанов, Ю. Л. Социальная реальность и пространство-время социального мира / Ю. Л. Качанов // Россия реформирующаяся: ежегодник-2003 / под ред. Л. М. Дробижевой. – М.: Институт социологии РАН, 2003. – С. 57–74.
7. Кимелев, Ю. А. Теория общества Энтони Гидденса / Ю. А. Кимелев, Н. Л. Полякова // Современные социологические теории общества / сост. и науч. ред. Н. Л. Поляковой / РАН ИНИОН. – М.: ИНИОН, 1996. – С. 33–57.
8. Малинецкий, Г. Выбор стратегии / Г. Малинецкий // Компьютерра. – 2003. – № 38 (513). – С. 25–31.
9. Ожегов, С. И. Словарь русского языка / С. И. Ожегов; под ред. Н. Ю. Шведовой. – М.: Русский язык, 1988. – 750 с.
10. Политехнический словарь / редкол.: А. Ю. Ишлинский (гл. ред.) [и др.]. – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: Советская энциклопедия, 1989. – 656 с.
11. Российская социологическая энциклопедия / под общ. ред. Г. В. Осипова. – М.: Издательская группа «НОРМА–ИНФРА–М», 1999. – 672 с.
12. Советский энциклопедический словарь / гл. ред. А. М. Прохоров. – 4-е изд. – М.: Советская энциклопедия, 1988. – 1699 с.
13. Социология: Энциклопедия / сост. А. А. Грицанов, В. Л. Абушенко, Г. М. Евелькин, Г. Н. Соколова, О. В. Терещенко. – Мн.: Книжный Дом, 2003. – 1312 с.
14. Шматко, Н. Введение в социализм Пьера Бурдые / Н. Шматко // Бурдые П. Социология политики. – М.: Socio-Logos, 1993. – С. 5–26.
15. Шрейдер, Ю. А. Что такое расстояние? / Ю. А. Шрейдер – М.: Государственное издательство физико-математической литературы, 1963. – 76 с.
16. Штомпка, П. Социология социальных изменений / П. Штомпка; пер. с англ. под ред. В. А. Ядова. – М.: Аспект Пресс, 1996. – 416 с.

ББК Т3(2Р)-283
УДК 947

С. Е. Прошечкин

УСЛОВИЯ ТРУДА И БЫТА СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННЫХ РАБОЧИХ САРАТОВСКОЙ ГУБЕРНИИ НА РУБЕЖЕ XIX–XX ВВ.

Волгоградский государственный технический университет

Работа посвящена исследованию положения и заработной платы земледельческих рабочих Саратовского Поволжья в дореволюционный период. Автор рассматривает характер производства, условия труда и быта сельскохозяйственных рабочих, их национальный и половозрастной состав, прослеживает динамику номинальной и реальной заработной платы в различные периоды полевых работ. Методика подсчета уровня номинальной и реальной заработной платы работников может иметь практическое применение и в современных условиях.

Ключевые слова: сельскохозяйственные рабочие, характер производства, условия труда, быт, национальный и половозрастной состав, заработная плата, Саратовская губерния.

S. E. Proshechkin

THE CONDITIONS OF LABOUR AND THE MODE OF LIFE OF THE AGRICULTURAL WORKERS OF SARATOVSKAYA PROVINCE AT THE BOUNDARY OF XIX – XX CENTURIES

The Volgograd state technical university

This work is devoted to the investigation of condition and wages of agricultural workers of Saratovskoye Povolzhya in the pre – revolution period. The author examines the character of production, the conditions of labour and the mode of life of agricultural workers, their national and sex-age structure, and observes the dynamics of nominal and real wages in different periods of the field works. The calculation methods of the nominal and real workers wages level may be widely adopted in the modern conditions.

Keywords: agricultural workers, character of production, conditions of labour, mode of life, national and sex-age structure, wage, Saratovskaya province.

В условиях постепенного ускорения темпов развития капитализма в сельском хозяйстве к концу XIX в. в основных аграрных регионах страны формируется (и этот процесс был еще далеко не закончен) значительная масса наемных сельскохозяйственных рабочих. В Саратовской губернии, по подсчетам автора, общая численность сельскохозяйственных рабочих, занятых в предпринимательских хозяйствах, составляла 245 тыс. [1, 2, с. 16].

Сельскохозяйственный найм регулировался законом от 12 июня 1886 г., который был крайне несовершенен. Регулируя некоторые стороны взаимоотношений между рабочими и предпринимателями в процессе производства и быта, закон не имел статей, регламентирующих продолжительность рабочего времени, использование детского труда, страхования от несчастных случаев.

Большинство местных рабочих непосредственно предлагали свои услуги в местных экономиках и крестьянских предпринимательских хозяйствах, а пришлые из других уездов и губерний в основном нанимались в специальных, большей частью стихийно возникших в городах и крупных селах, пунктах найма, где в воскресные и праздничные дни скапливались сотни, а иногда и тысячи рабочих. Такими пунктами в губернии были города Саратов, Царицын, Камышин, Петровск, Хвалынский и села Аркадак, Баланда, Борки, Елань, Павловка и др. О положении рабочих на рынках найма свидетельствуют периодически издававшиеся «Врачебно-санитарные хроники Саратовской губернии» и издававшиеся местными земскими организациями отчеты о деятельности санитарных врачей на врачебно-продовольственных пунктах, организованных для помощи рабочим. Питание рабочих было крайне скудным. Истратив последние накопленные на дорогу деньги, рабочие, несмотря на сравнительную дешевизну обеда на земских пунктах (борщ, мясо и хлеб – 7 коп., борщ и мясо – 5 коп., один борщ – 3 коп.), за редким исключением (9 % всех опрошенных) ими не пользовались. «Рабочие большей частью пробавляются одним чаем» [3].

Нередко, не имея средств к существованию, рабочие закладывали свои паспорта харчевникам, отпускавшим им в счет будущей заработной платы продукты питания по произвольно установленным ценам. На рынках найма широко процветали пьянство, азартные игры и проституция. В отдельных случаях местное зажи-

точное население обогащалось путем спаивания рабочих. Так, по свидетельству заведующего врачебно-продовольственным пунктом на хуторе Таловом, местное население сделало «тощий кошелек пришлому рабочему» главным источником своего существования» [4].

Только на хуторе Таловом в конце века существовало 15 домов терпимости, не считая тайных проституток, число которых доходило до 50. Все это способствовало широкому распространению венерических и других инфекционных болезней. Вообще заболеваемость среди рабочих была очень высокой. Трудная дорога к местам найма часто вызывала истощение организма рабочего, а тяжелый пищевой режим приводил к росту количества желудочно-кишечных заболеваний. Особенно распространены среди них были такие болезни, как малярия, возвратный тиф, дизентерия, венерические, кожные и глазные заболевания.

Кроме тяжелых внешних условий, рабочим приходилось испытывать к себе крайне пренебрежительное отношение со стороны местного зажиточного населения. На местах найма часто можно было услышать выражения: «Я ведь не бурлак (местное название сельского рабочего), не бурлачу, а живу на постоянном месте»; «Хороший человек не бросит дома и не пойдет босячиться» [5, с. 49].

Уровень цен на рабочие руки зависел прежде всего от видов на урожай основных полевых культур и степени наплыва рабочих, а также соотношения этих двух факторов. Нередко цены на рабочие руки менялись даже в течение одного дня. «Приливается лишняя тысяча рабочих – цены сразу дают уклон в сторону понижения, наоборот – отливает волна – и рабочие делают господами положения в конъюнктуре цен» [6].

В Саратовской губернии наем производился в основном по словесному соглашению и обычно заканчивался постановкой магарыча (угощения с водкой) за счет предпринимателя, а в ряде случаев – конфискацией у рабочих обоего пола «... не только паспортов и сельскохозяйственных орудий, но даже и всего верхнего платья» [2, с. 21].

Сельскохозяйственные рабочие из местных крестьян не сталкивались с такими трудностями при найме на работу (продолжительная трудная дорога к месту найма, необходимость раннего выхода их дома для ее поисков и т. д.), как пришлые, но положение многих из них

нельзя назвать лучшим. Представляя собой наиболее неимущую часть деревни, они, как правило, были не в состоянии свести концы с концами и вынуждены были ради получения задатка наниматься на работу будущего года заблаговременно. Время такого найма обычно совпадало с периодом взыскания податей и уплаты различных косвенных налогов. В силу этого единственным выходом из положения являлся заблаговременный найм на работы следующего года с получением задатков, которые шли на уплату податей и долгов. Сами крестьяне называли такой вид найма «надеть хомут с осени». Землевладельцы в дни, назначенные для продажи имущества за долги и пользуясь их безвыходным положением, посылали своих приказчиков в села с предложением недоимщикам задатков «под стук аукционного молотка». Вынуждая крестьянина подписать письменный договор, помещик обеспечивал себя дешевой рабочей силой заранее. В фондах волостных правлений местного архива сохранились оригиналы таких договоров, их немного. Рабочие старались избегать документального оформления договоров ввиду их кабального характера и в силу своей малограмотности. Некоторые рабочие, зная поденную цену, не могли сосчитать причитающуюся им заработную плату за шесть дней. Землевладельцы включали в договоры условия, запрещавшие нанимающимся проявлять недовольство пищей, ограничивавшие право рабочих пользоваться судебной защитой, позволявшие произвольно штрафовать их за допущенные просчеты. Нередко в текст договора вносились условия, обязывавшие рабочего в случае допущенного им прогула или самовольного ухода с работы возмещать за его счет стоимость найма других работников и компенсировать все понесенные по его вине хозяйством убытки.

Отдельные экономии практиковали предварительный найм рабочих из других губерний путем командирования туда своих доверенных лиц. 20 февраля 1901 г. в донесении на имя главноуправляющего всеми именьями В. А. Нарышкина управляющий степной части саратовского именья В. И. Фрауэн отмечал: «Для найма летних рабочих и пастухов к овцам мною командированы два приказчика в соседние губернии; наемка ожидается дешевле прошлогодней на 5–8 рублей на весь срок» [7]. В губернии существовал также подрядный найм земледельческих рабочих. Подрядчики, в своем

большинстве зажиточные крестьяне, «являются в экономии со своими машинами, со «своими» рабочими и выполняют ту или иную работу, обусловленную в подряде. В случае гибели хлеба от перемены погоды подрядчики берут убытки на себя. Несмотря на это, они с успехом выдерживают конкуренцию крупных имений». Нередко подрядчики нанимали рабочих на рынках найма, а потом перепродавали их не без выгоды для себя сельским хозяевам». Существование такого вида найма свидетельствует о значительном проникновении капиталистических отношений в саратовскую деревню.

После завершения операции найма рабочие развозились по хозяйствам предпринимателей, где строгой регламентации подвергался не только их труд, но и сами условия жизни. Жили сельские рабочие обычно в любую погоду в поле, часто не имея элементарных приспособлений для ночлега. «Нет ни одного владельца, который бы позволил рабочим переночевать в хуторе даже в ненастное и, следовательно, не рабочее время. Поэтому ночевка, завтрак, обед, ужин – все это происходит в поле» [8]. Но и в том случае, если рабочим предоставлялось помещение, положение их ненамного бывало лучше. Дореволюционный исследователь отмечал, что «контраст между положением лошадей и батраков выступает сам собою. Для лошадей устроены прекрасные теплые помещения с деревянными полами, с вентиляцией и т. д., жилища же батраков холодны, сыры, грязны и душны до последней степени. Для лошадей имеется ветеринарный врач или, по крайней мере, фельдшер, и, таким образом, лошади пользуются постоянной медицинской помощью, рабочие, напротив, лишены всякой помощи» [9].

Питание рабочих было плохо организовано. Обычно завтрак состоял из пирога (белого хлеба) и чая, обед – из каши с черным хлебом, полдник – из белого хлеба с водой, а на ужин опять приходилась каша. В Сердобском уезде рабочие получали в пищу «непробоченный хлеб из полежалой муки с приправами из птичьих экскрементов, женскими волосами, запеченными тараканами, клопами и даже целыми мышами и прочей снедью», отмечал заведующий лечебно-продовольственным пунктом [5, с. 88]. Широко известен факт, что зимой 1891 г. в имени княгини Гагариной в результате употребления в пищу чины (полусъедобного травяного гороха) произошло массовое

отравление рабочих, повлекшее за собой у многих из них паралич спинного мозга.

В отличие от промышленности, продолжительность рабочего времени в сельском хозяйстве не регламентировалась. Нередко в экономиях и кулацких хозяйствах рабочий день длился 14–16, а в период страды и более часов в сутки. Безусловно, продолжительность рабочего времени в сельском хозяйстве определялась спецификой полевых работ, когда от своевременной уборки урожая зависела его судьба. В летнее время сельскохозяйственные работы осуществлялись с восхода и до заката солнца, то есть с 3,5–4 часов утра и до 8–10 часов вечера. При сдельном найме во время молотбы хлебов работа велась даже ночью при свете фонарей или факелов.

Тяжелый труд в предпринимательских хозяйствах быстро приводил и без того ослабленный организм рабочего к полному истощению. По данным Н. И. Тезякова, процент заболеваемости у сельскохозяйственных рабочих был самым высоким среди остальных групп населения Саратовской губернии. Он почти в три раза превышал уровень заболеваемости промышленных рабочих. Общая переутомляемость вела к высокому уровню травматизма, особенно при работах на машинах. Охрана труда земледельческих рабочих отсутствовала, а большинство сельскохозяйственных машин не имели необходимых предохранительных устройств. Земледельческие машины требовали постоянных работников, обладавших определенными навыками, которых трудно было найти среди постоянно меняющихся сельских рабочих. Особенно опасна была работа на жатках и молотилках. При обращении с жатками из-за непродуманной конструкции рабочие часто срывались с сидений и попадали под ножи машины, что приводило к ампутации конечностей и гибели человека. Для обслуживания паровых молотилок требовалось 50–60 человек, в основном женщин и детей, труд которых оплачивался дешевле взрослых рабочих мужчин. Страшный шум, удушливая пыль, постоянная опасность получения травмы сопутствовали работавшим на этих машинах. Увечья, полученные сельскохозяйственными машинами, почти всегда носили тяжелый характер. По свидетельству земских врачей, в 25 % случаев пострадавшие теряли трудоспособность. Наибольший риск получить травму был у барабанщиков – рабочих, подававших снопы в барабаны молотильных

машин. 28 июля 1903 г. на Кирилловском хуторе Нарышкина молодому рабочему-барабанщику Филимонову оторвало обе руки по плечи и, несмотря на госпитализацию, на следующий день он умер [10].

И без того низкая заработная плата рабочим не всегда выплачивалась полностью. В ряде имений практиковалась ее выдача не деньгами, а натурой – продуктами по произвольно назначаемым предпринимателями ценам. В ряде мест рабочие вместо денег получали так называемые квитки или ярлыки, то есть расписки на предъявителя с обозначением причитающейся суммы денег. Выплата денег по таким «документам» проводилась с большой задержкой и неаккуратно, что заставляло рабочих продавать ярлыки с большой скидкой, достигавшей 50 %.

В дореволюционной России на сельскохозяйственного рабочего смотрели «как на члена общества, обладающего меньшими гражданскими правами, чем наниматель». Особенно наглядно это нашло свое выражение в системе штрафов. Закон 1886 г. предоставлял предпринимателям право делать вычеты из заработной платы рабочего даже по таким поводам, которые не имели ничего общего с областью имущественных отношений. Штрафовали за любую провинность в отношении хозяина или его администрации, критику существовавших в имении порядков, потерю или порчу сельскохозяйственных орудий, «плохую пахоту», прогулы, самовольную отлучку с работ, неосторожное обращение с огнем. Газета «Северный Курьер» отмечала, что в 1899 г. в одной из экономий Саратовской губернии из 452 рабочих оштрафован был 401 человек: 88 человек были оштрафованы в размере менее 1/4 части своей заработной платы, 122 – более 1/4, 69 – более 1/2, 85 рабочих потеряли в результате штрафов почти весь свой заработок, а остальные 37 человек оказались даже должны экономии [11]. В данном случае мы сталкиваемся с фактом нарушения ст. 51 закона от 12 июня 1886 г., которая ограничивала максимальный размер штрафа величиной двойной поденной платы.

Наиболее насущным являлся вопрос о заработной плате сельскохозяйственных рабочих. Еще К. Маркс отмечал, что величина стоимости рабочей силы постоянно меняется, так как она определяется количеством общественно необходимого труда, воплощенного в стоимости суммы жизненных средств, необходимых для производства и воспроизводства рабочей силы.

Предприниматели постоянно стремятся понизить заработную плату до минимума, необходимого лишь для поддержания элементарных потребностей рабочих. В настоящее время справедливость этого утверждения полностью оправдывается, в частности, в нашей стране, когда государственная власть, выражающая интересы господствующей элиты, целенаправленно сводит положение большей части населения лишь к удовлетворению лишь минимальных потребностей подавляющей части населения страны.

При сельскохозяйственном производстве предприниматель имеет дело с постоянно меняющимся контингентом рабочих, необходимых ему лишь в непродолжительный период разгара полевых работ. Поэтому он нередко не заботился даже о поддержании их элементарных потребностей, стремясь путем интенсификации труда выжать из нанятой на непродолжительное время рабочей силы как можно больше, а заработную плату установить как можно меньше.

Уровень заработной платы сельскохозяйственных рабочих зависел от культурных и исторических традиций страны, а также региона, климатических и прочих условий (наличия и количества промышленных предприятий, степени развития неземледельческих промыслов). В значительной степени величина заработной платы в сельском хозяйстве была связана с размером урожая, причем не только в данной местности, но и в соседних районах, откуда приходили рабочие на заработки. В годы, когда урожай в районах выхода был высоким, приток оттуда рабочих замедлялся. В условиях низкого урожая там, и особенно при обильном урожае в традиционных районах отхода, количество пришлых рабочих обычно бывало значительным. Плохой урожай при избытке рабочих рук приводил к резкому падению заработной платы. И наоборот, хороший урожай при недостатке рабочей силы способствовал поддержанию высоких цен на нее. На величину заработной платы большое влияние оказывала равномерность созревания хлебов и трав. Быстрый и одновременный рост и созревание сельскохозяйственных культур и необходимость их быстрой уборки требовали значительного количества рабочих, что приводило к поддержанию высоких цен на земледельческий труд. Ненастная, дождливая погода также требовала проведения уборки в сжатые сроки, что при нехватке рабо-

чих рук приводило к росту цен на них. Размер заработной платы был неодинаков в помещичьих и крестьянских хозяйствах. В последних в целом он был выше, что объясняется меньшими непроизводительными расходами кулацких хозяйств. Однако и условия труда здесь были тяжелее – личный пример и постоянный контроль хозяина вынуждали рабочего трудиться, не покладая рук.

Таблица 1

Средняя заработная плата сельскохозяйственных рабочих за период с 1891 по 1900 гг.

Губернии	Заработная плата (в руб.)					
	Поденная, на своем содержании		Срочная, летом	Годовая	Поддесятинная	
	весной	летом			хлебов	трав
Саратовская	0,44	0,60	40	61,7	5,0	4,20
Средняя по 50 губерниям Европейской России	0,40	0,53	40	61,5	4,97	2,24

Источник: сост. автором по [12].

Величина заработной платы сельскохозяйственных рабочих в Саратовской губернии примерно соответствовала средним показателям по Европейской России (табл. 1), однако была выше заработной платы в тех губерниях, из которых в основном осуществлялся выход сельских рабочих на земледельческие работы в Саратовскую губернию.

Сдельная форма оплаты труда в Саратовской губернии преобладала во время сева, в сенокос преобладал поденный найм, а в жатву соотношение этих двух видов найма более или менее уравнивалось. На сдельные работы нанимались в основном сельские рабочие из местных крестьян, еще не полностью порвавших с собственным наделом и надевавшихся с помощью земледельческих заработков восстановить свое хозяйство. Единицей измерения при сдельном найме служили казенная или хозяйственная десятины, а также распространенный в Саратовской губернии сотенник, равнявшийся 10 тыс. квадратных саженьей. В период молотбы счет шел с пуда обмолоченного зерна или с копны. В 1899–1903 гг. в Царицынском уезде сдельная плата за обработку одной казенной десятины распределялась по видам работ следующим образом: пахота плугом с бороновкой под пшеницу – 4 руб., пахота наво-

локом – 1 руб. 23 коп., уборка озимых хлебов вручную – 2 руб., то же яровых – 2 руб. 35 коп., косьба трав на заливных лугах с полной уборкой десятины – 3 руб. 60 коп., то же на степных покосах – 2 руб. 70 коп. [13].

Как свидетельствуют эти данные, сдельная плата не всегда была выше в период уборки урожая, что, в частности, объясняется лучшим урожаем трав, чем зерновых в уезде в эти годы.

Наиболее распространен был в губернии поденный найм, что определялось самой спецификой сельскохозяйственных работ. Предприниматель был не в состоянии заранее определить точное число необходимых ему рабочих. Много зависело от урожая. Кроме того, большинство предпринимателей составляли мелкие хозяева, нуждавшиеся в рабочих только в период сенокоса и жатвы, а в остальное время года они обходились силами собственной семьи. Опрос корреспондентов, произведенный Саратовским губернским земством в 1905 г., показал следующую картину распределения найма по формам: поденный – 35 %, срочный – 29,2 %, месячный – 20,3 %, сдельный – 15,5 % [14]. В видах найма местных и пришлых рабочих существовала разница. Поденно в основном нанимались местные рабочие, особенно те, кто еще не полностью порвал с собственным наделом и рассчитывал по возможности успеть обработать и собственный участок. Пришлые рабочие обычно нанимались на срок. Большинство сельскохозяйственных рабочих, особенно пришлые, предпочитали наниматься на хозяйском продовольствии. В 1905 г. в губернии 60,9 % поденщиков и 68,1 % срочных рабочих были наняты на хозяйских харчах. Это объясняется тем, что, несмотря на плохое питание в хозяйствах предпринимателей, у рабочих часто не было возможности и времени приготовить себе пищу.

Заработная плата распределялась неравномерно по отдельным уездам и была выше там, где сильнее были развиты капиталистические отношения, слабее ощущалось влияние сохранявшихся феодальных пережитков. Так, в южных Камышинском и Царицынском уездах поденная плата была на 10–15 % выше, чем в северных и центральных уездах губернии и составляла в начале XX в. в среднем конному рабочему 170 коп., пешему – 95 коп., работнице – 60 коп. [15]. Как видим, заработная плата женщины была ниже, чем мужчины и составляла в среднем 67 % от ее уровня. Рост заработной

платы поденщицы осуществлялся более медленными темпами. За 1901–1906 гг. заработная плата поденщицы увеличилась на 5 коп., против 9 коп. у мужчин и составляла уже только 65,8 % от ее уровня. Увеличение заработной платы сельскохозяйственных рабочих в первое десятилетие XX в. по сравнению с последним десятилетием XIX в. в среднем на 12–15 % объясняется не только общей тенденцией к росту номинальной заработной платы, наблюдаемой почти повсеместно в Европейской России, но и упорной борьбой сельских рабочих за свои права в годы революции.

Поденная заработная плата была подвержена наибольшим колебаниям и зависела от времени производства тех или иных сельскохозяйственных работ, условий найма, половозрастного состава рабочих. Она была выше во время сенокоса и жатвы и составляла в среднем 50–70 коп. пешему рабочему, против 44 коп. в период сева. Заработная плата зависела от условий найма: конный или пеший рабочий, на продовольствии хозяина или своем и т. д. Быстрее росла заработная плата конных рабочих, увеличившаяся за первое десятилетие XX в. на 11 %. Данные о номинальной заработной плате свидетельствуют о ее росте в первые годы XX в. по сравнению с периодом 1895–1900 гг. Но, как известно, для верного определения материального уровня жизни рабочих недостаточно одних сведений о заработной плате, необходимы данные о ценах на предметы первой необходимости и прежде всего продукты питания (табл. 2).

Таблица 2

Изменение реальной заработной платы поденных сельскохозяйственных рабочих в Саратовской губернии (в %)

Показатели	Годы	
	1895–1900	1901–1906
Конному рабочему на своем продовольствии	100	95,5
Пешему рабочему на своем продовольствии	100	94,5
Работнице на своем продовольствии	100	88,6

Примечание. Индекс реальной заработной платы вычислен делением индекса номинальной заработной платы на индекс цен на основные продукты питания: рожь, пшеницу, овес, говядину.

Источники: сост. автором по данным: Сборник статистико-экономических сведений по сельскому хозяйству России и иностранных государств. Год первый. – СПб., 1907. – С. 2–13; Сборник сведений по Саратовской губернии за 1901 г. – Саратов, 1903. – С. 73–74; Свод статистических сведений по сельскому хозяйству России к концу XIX в. – СПб, 1903. – Вып. 2. – С. 12–13.

Данные таблицы показывают, что реальная заработная плата всех категорий сельскохозяйственных рабочих в начале XX в. понизилась. Особенно заметное понижение реальной заработной платы произошло у женщин, что связано с тем, что у них и уровень номинальной заработной платы вырос незначительно. Скорее всего, на понижение уровня реальной заработной платы повлияли неурожаи 1901, 1905–1906 гг., вызвавшие рост цен на основные продукты питания.

Таким образом, положение сельскохозяйственных рабочих в Саратовской губернии продолжало оставаться крайне тяжелым. Интенсификация труда вела к росту эксплуатации. Существовавшее законодательство о найме сельскохозяйственных рабочих было крайне несовершенно и не отвечало их интересам. Большинство сельских рабочих было лишено элементарной медицинской помощи. При росте номинальной заработной платы ее реальное содержание в начале XX в. снизилось.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. РГИА. Ф.573. Оп.20. Д.4307. Л.67; Оп. 25. Д.1031. Л.15; Д.1032. Л.70; Д. 1033. Л.49; Д.1034. Л.81; Д.1036. Л.92.

2. Маслов, П. П. Сельскохозяйственные рабочие в Саратовской губернии / П. П. Маслов // Саратовская земская неделя. – 1903. – № 2.

3. Саратовский листок. – 1905. – № 107.

4. Варб, Е. Наемные сельскохозяйственные рабочие в жизни и законодательстве / Е. Варб. – М., 1899. – С. 158.

5. Лечебно-продовольственные пункты на рынках найма сельскохозяйственных рабочих в Саратовской губернии. – Саратов, 1904.

6. Полферов, Я. Я. Сельскохозяйственные рабочие руки / Я. Я. Полферов. – СПб., 1913. – С. 29.

7. РГАДА. Ф.1272. Оп.3. Д.48. Л. 48.

8. Панов, А. В. Сельскохозяйственные рабочие Самарской губернии / А. В. Панов // Русское богатство. – СПб., 1899. – С. 69–70.

9. Абрамов, Я. В. Фабричные порядки в сельском быту / Я. В. Абрамов // Экономический журнал. – СПб., 1885. – № 2. – С. 13.

10. РГАДА. Ф. 1272. Оп.3. Д.48. Л.187.

11. Северный курьер. – 1899. – № 27.

12. Материалы Высочайше учрежденной 16 ноября 1901 г. комиссии. – Ч. 1. – С. 234–237.

13. ГАВО. Ф.3. Оп. 3. Д.14. Л.28–29; Сборник сведений по Саратовской губернии за 1902 г. – Саратов, 1904. – С. 6–7.

14. Сборник сведений по Саратовской губернии за 1905 г. – Саратов, 1906. – Вып. 3. – С. 73.

15. 1895–1906 гг. в сельскохозяйственном отношении по ответам, полученным от хозяев. – СПб., 1906. – С. 4–80.

УДК 316.624
ББК С77

М. Ю. Кравцов, А. В. Соловьева

НЕКОТОРЫЕ АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ СОЦИАЛЬНОГО КОНТРОЛЯ

Волгоградский государственный технический университет

В статье анализируются теоретические исследования проблемы социального контроля крупнейших представителей зарубежной социологии, а также общенаучные теоретико-методологические концепции, которые могут быть использованы для создания методики управления социальными процессами в современном российском обществе.

Ключевые слова: девиация, флуктуация, инновация, социальный контроль, ритуальные модели, вторичные институциональные модели.

M. Y. Kravtsov, A. V. Solovieva

SOME ACTUAL PROBLEMS IN THE THEORY OF SOCIAL CONTROL

The Volgograd state technical university

Abstract. The article is devoted to problem of social control. Authors analyze conceptions of the important representatives of foreign sociology. Their ideas should be used for creation some methods of management of social processes in modern Russian society.

Keywords: deviation, fluctuation, innovation, social control, ritual models, secondary institutional models.

Широкое распространение различных форм девиантного поведения, захватившее российское общество в последние десятилетия, определило злободневность проблемы социального контроля. Данная ситуация обуславливает интерес к теоретическим исследованиям зарубеж-

ных ученых, ставших результатом осмысления современных им социальных процессов. Изучение этих работ может позволить выделить некие универсальные теоретико-методологические принципы регулирования девиации, которые могут быть использованы в нашей стране.

Одним из первых к проблемам девиации и социального контроля обращается Э. Дюркгейм. В своих работах он высказал целый ряд идей, которые сохранили свою актуальность и были развиты в трудах известных социологов XX века. Во-первых, он объявляет преступность объективно неизбежным и поэтому нормальным социальным явлением. «Нет никакого другого феномена, – отмечает социолог, – который обладал бы столь бесспорно всеми признаками нормального явления, ибо преступность тесно связана с условиями жизни любого коллектива» [1, с. 39]. Однако для того, чтобы считаться нормой социальной жизни, преступность не должна превышать допустимого уровня. Во-вторых, преступность необходима и функциональна, поскольку открывает предпосылки для социальных инноваций. «Преступность не только предполагает наличие путей, открытых для необходимых перемен, – рассуждает Э. Дюркгейм, – но в некоторых случаях и прямо подготавливает эти изменения» [1, с. 43]. Данная мысль важна, поскольку демонстрирует диалектический подход к девиации, обладающей не только дисфункциональными, но и потенциально функциональными свойствами.

Каким образом можно сохранить функциональный характер различных форм девиации? Э. Дюркгейм не использует термин «социальный контроль», но обращается к проблемам регулирующей деятельности социальных структур. В одном из наиболее известных своих трудов он излагает основные принципы этой деятельности: «...Организованные общества не-возможны без развитой системы правил, определяющих наперед функционирование каждого органа. По мере разделения труда устанавливается масса прогрессивных систем нравственности и права. Но эта регламентация не уменьшает сферы действия индивида» [2, с. 242]. Приведенная цитата содержит идею ограниченного характера социального контроля, который не претендует на полное искоренение девиантного поведения, но держит его в определенных допустимых границах, необходимых для прогрессивных общественных трансформаций. Однако практика показывает, что качественные структурные преобразования происходят именно благодаря глубоким социально-экономическим и политическим кризисам, когда система социального контроля и другие регулирующие структуры не в состоянии справиться с массовыми девиантны-

ми тенденциями и они разрушают неэффективный социальный порядок.

Работы Э. Дюркгейма получили широкую известность не только в Европе, но и в США. Важное место среди социологических теорий социального контроля занимают разработки Т. Парсонса. Американский социолог характеризует теорию социального контроля как составную часть теории возникновения тенденции к девиантному поведению. Это означает, что теория социального контроля должна включать в себя анализ социальных процессов, которые должны противодействовать девиантным тенденциям и условиям их развития.

Развивая мысль о противодействии девиантным тенденциям, Т. Парсонс справедливо утверждает, что механизмы социального контроля не могут полностью ликвидировать факторы, которые порождают девиантное поведение. Эти факторы чрезвычайно живучи, их невозможно устранить из мотивационной системы акторов. Поэтому возможно только ограничение «последствий их действия и предотвращение распространения этих последствий за пределы отведенных им рамок» [4, с. 417]. Девиация неизбежна, но должна существовать в определенных границах.

Каковы механизмы социального контроля, минимизирующие последствия девиантного поведения? Т. Парсонс называет два основных. Первый – это ритуальные модели. Они необходимы для того, чтобы символически снимать эмоциональное напряжение, связанное со стрессовой ситуацией. Так происходит на похоронах, где ритуал позволяет чрезмерное проявление эмоций. Второй – это вторичные институциональные модели. «Они тесно связаны, – объясняет Т. Парсонс, – с ограниченным «разрешением» в различных видах поведения и типах выражения эмоций, которые запрещены в обычной ... жизни. Но это допустимость строго минимизирована...» [4, с. 426]. Таковой является молодежная субкультура, которая обладает чертами девиантности, но допускается в строго определенных ситуациях, например, на танцах.

Углубляясь в анализ вторичных институтов, Т. Парсонс излагает принципы технологии обращения с девиантным поведением, которые должна использовать система социального контроля. По мнению авторов, эти принципы актуальны для современной России. В качестве иллюстрации социолог рассматривает проблему существования азартных игр. С одной стороны,

азартные игры необходимы для представителей различных слоев как средство психологической разрядки: «...Поддержка азартных игр выполняет важные функции для широких слоев... как способ противодействия напряженности...» [4, с. 427]. В то же время чрезмерное распространение азартных игр может подорвать важные социальные ценности: «... Широкое допущение азарта могло бы поколебать поддержку данных ценностей также и в других значимых сферах» [4, с. 427]. Почему обществу не следует пытаться полностью ликвидировать некоторые формы девиантного поведения? Современник «сухого» закона, породившего опасные виды оргпреступности и коррупции, Т. Парсонс отчетливо представляет неэффективность жестких запретительных мер. «...Если эту отдушину совершенно закрыть, – справедливо отмечает он, – оно может дивергировать в другие более дисфункциональные каналы» [4, с. 427].

Чрезвычайная живучесть некоторых типов девиантного поведения, которые ограничивают «вторичные институты», объясняется их функциональностью для общества. Алкоголь, наркотики, азартные игры, проституция связаны с удовлетворением определенных психофизиологических потребностей представителей различных социальных слоев, а потому крайне устойчивы. Поэтому структурирование различных форм отклоняющегося поведения требует от системы социального контроля большой гибкости в выборе разрешительных и запретительных инструментов. «...Очевидно, – констатирует Т. Парсонс, – что поддерживается определенный баланс разрешений и ограничений» [4, с. 426].

Тем не менее далеко не всегда механизмы социального контроля в состоянии ограничивать чрезмерное распространение девиации. В подобных ситуациях, по мнению Т. Парсонса, создаются возможности для осуществления структурных преобразований социальных систем: «Тенденции структурированного девиантного поведения, с которыми не могут успешно справляться контрольные механизмы социальной системы, образуют один из основных источников изменений в структуре социальной системы» [4, с. 444]. Приведенная мысль перекликается с центральными положениями концепции самоорганизации, которая, как мы убедимся далее, демонстрирует похожую модель структурных преобразований системы.

Ряд важных идей, которые могут быть использованы для развития методик социального контроля, содержится в одной из современных социологических парадигм – социальной синергетике. Важной теоретической особенностью синергетики является обоснование позитивной роли хаоса в эволюции систем различной природы. Синергетическая теория хаоса включает в себя различные характеристики понятия «флуктуация». Можно выделить некоторые из них. Прежде всего отмечается огромное значение флуктуаций в образовании новых структур системы: «Возникновение макроструктур обусловлено рождением коллективных мод под воздействием флуктуаций, их конкуренции и, наконец, отбором наиболее приспособленной моды...» [6, с. 41]. Именно флуктуации являются источником возникновения более совершенной структуры системы. Особенно ощутимо влияние флуктуаций в переходные периоды развития системы, в точках бифуркации. «Именно в критических точках, то есть там, где система изменяет свое макроскопическое состояние, – отмечает Г. Хакен, – флуктуации играют решающую роль» [6, с. 73]. В такие периоды даже незначительные флуктуации могут приводить к непропорциональным последствиям. И. Пригожин писал: «Вместо того, чтобы оставаться малыми поправками к средним значениям, флуктуации существенно меняют средние значения» [5, с. 237]. В этом тезисе заключается одна из принципиальнейших особенностей концепции самоорганизации.

Теперь предлагается более подробно рассмотреть роль флуктуаций в процессах структурных преобразований. Первоначально флуктуация занимает какую-либо ограниченную область пространства системы и не может сразу изменить существующую структуру. При этом внешний по отношению к флуктуирующей области мир системы, еще не затронутый изменениями, стремится погасить флуктуацию. Исход этой борьбы может быть различным. И. Пригожин и И. Стенгерс утверждают: «В зависимости от того, лежат ли размеры начальной области флуктуации ниже или выше критического значения, флуктуация либо затухает, либо распространяется на всю систему» [5, с. 248]. Как видно из цитаты, устойчивость системы по отношению к флуктуациям зависит от жизнеспособности, эффективности ее структуры, в том числе системы социального контроля.

Если они не в состоянии противостоять флуктуациям, то их распространение приведет к закономерному и неизбежному качественному изменению системы.

Примерами социальных флуктуаций, по мнению авторов, могут выступать различные формы индивидуального и группового девиантного поведения. В самом общем виде и флуктуации, и девиации являются отклонениями от некоторого среднего состояния, нормы. Это различные виды уголовной преступности, в том числе правонарушения в экономической, управленческой, правовой и других сферах деятельности, а также алкоголизм, наркомания и др. Точнее, их можно назвать микрофлуктуациями. Если структура социальной системы оказывается не в состоянии поддерживать микроскопические флуктуации на допустимом для системы уровне, то они трансформируются в макроскопические. Примерами последних могут выступать: рост дисфункций социальных институтов, классовые конфликты, социально-экономические кризисы.

Здесь самое время вспомнить о специфике именно синергетического подхода к флуктуациям. Специфика состоит в том, что, в отличие от кибернетического подхода, синергетика основывается на принципе положительной обратной связи. В соответствии с ним флуктуации, возникающие в системе, не устраняются, а усиливаются, приводя к появлению новой структуры. Российские авторы, развивающие идеи социальной синергетики, утверждают, что данный принцип носит слишком абстрактный характер и не соответствует специфике социальных систем, в которых потенциально позитивные флуктуации нужно усиливать, а негативные – подавлять [3, с. 29]. Одни флуктуации (девиации) могут носить позитивный для функционирования общества характер и способствуют росту порядка. Это, например, появление более производительных экономических структур. Другие, наоборот, способствуют росту хаоса, как в случае распространения террористических организаций.

Однако прогрессивные инновации не возникают сами по себе. Структура системы, ее система социального контроля должны адекватно реагировать на флуктуации (девиации),

трансформируя их в функционально приемлемые для себя элементы. Следуя за И. Пригожиным и Г. Хакеном, можно согласиться, что способность зависит от информационного обмена как между флуктуирующей областью и внешним миром, так и между элементами системы.

Таким образом, авторам удалось выявить важную теоретико-методологическую преемственность между представителями известных общенаучных и социологических направлений XIX–XX веков в вопросах организации и функционирования системы социального контроля. Она выражается в ряде аналогичных выводов: 1) девиация неизбежна; 2) девиация неизбежна, поскольку функциональна; 3) некоторые формы девиации могут стать источниками функциональных инноваций; 4) для того, чтобы стать источником инноваций, определенные формы девиантного поведения должны ограничиваться, регулироваться, структурироваться системами социального контроля.

К сожалению, административные структуры современного российского общества, выполняющие функции социального контроля, работают неэффективно. Ситуации, связанные с широким распространением проституции, нелегальной эмиграции, наркомании, наглядно демонстрируют отсутствие современной, эффективной методологии организации принципов их деятельности. Поэтому применение вышеприведенных теоретических принципов на практике может, на взгляд авторов, существенно улучшить ситуацию с регуляцией некоторых форм девиации.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Дюркгейм, Э. Норма и патология / Э. Дюркгейм // Социология преступности. – М.: Прогресс, 1966. – 368 с.
2. Дюркгейм, Э. О разделении общественного труда / Э. Дюркгейм. – Одесса, 1900. – 330 с.
3. Ельчанинов, М. С. Российская трансформация с точки зрения социальной синергетики / М. С. Ельчанинов // Социс. – 2003. – № 8.
4. Парсонс, Т. О социальных системах / Т. Парсонс. – М.: Академический Проспект, 2002. – 832 с.
5. Пригожин, И. Порядок из хаоса / И. Пригожин, И. Стенгерс. – М.: Прогресс, 1986. – 431 с.
6. Хакен, Г. Информация и самоорганизация / Г. Хакен. – М.: Мир, 1991. – 245 с.

ББК Ч11

Э. Г. Баландина

НЕЗАКАТНОЕ СОЛНЦЕ ИМПЕРИИ, ИЛИ МИФ О ГОСУДАРЕ-ИМПЕРАТОРЕ

Волгоградская академия государственной службы

Мифологизация власти в России имеет основания в имперском стиле мышления, центральным понятием-символом которого является император.

Ключевые слова: империя, имперское мышление, экономическая и политическая глобализация, имперский миф, монарх.

E. G. Balandina

NON-SUNSET SUN OF EMPIRE OR MYTH ABOUT SOVEREIGN-EMPEROR

Volgograd academy of public administration

Mythologization of authority in Russia is based on empire style of thought the central idea-symbol of which is emperor.

Keywords: empire, empire style of thought, economical and political globalization, empire myth, monarch.

Политические моды время от времени меняются, но как во всякой моде в политике существует классический стиль, дающий практически вечные или, по крайней мере, долгоживущие образцы – эталоны идей и концептов. Содержание их базовых понятий составляет своего рода «маленькое черное платье» политики, которое предназначено для особо торжественных случаев, но может быть использовано и как повседневный идеологический наряд, прикрывающий обветшавшую плоть политической реальности.

Вряд ли император Август мог предполагать, что гордое слово «империя», означавшее некогда единое и единственное государство – Римскую империю, в наше время будет пониматься как «разветвленная сеть магазинов, ресторанов, гостиниц, предприятий, СМИ и т. п., управляющаяся из единого центра» [1]. Даже беглый просмотр названий сайтов в Интернете даст полное и разностороннее представление о современных империях окон, вкуса, керамики, пиццы, авто, холода, чистоты, развлечений, паркета, комфорта, дизайна, света, колес, музыки, дверей, фитнеса, догов, камня. В социальной и политической лексике это слово употребляется в двух случаях: либо по отношению к прошлому, когда речь идет об империях от Александра Македонского до Советского Сою-

за, либо в неопределенных мечтаниях о будущем – как выражение тоски по «сильному и державному». Вторая составляющая, как представляется, наиболее интересна для исследования. Она объединяет в себе эпохальные заявления власти на тему, которую она с определенной степенью невнятности задает, и еще более невнятные высказывания адептов «нового имперского мышления». Имперское мышление в современной России охватывает собой значительный спектр мнений от либеральных – о свободной процветающей Российской империи как едином поликультурном, поликонфессиональном, мультинациональном пространстве народной жизни – до военно-патриотических – о сильном могущественном государстве, способном диктовать свою волю народам и странам как внутри, так и вне страны.

И в перечисленных, и в других, не подвергнутых рассмотрению случаях, общим знаменателем имперского мышления было и остается понятие империи как некоей наднациональной целостности, тотальности, стоящей над землями, верами, преданиями разных народов. Особое значение имеет размер империи, империя должна иметь протяженные границы с сопредельными образованиями. В современном мире действительно существуют подобные гигантские экономические империи, называемые

транснациональными корпорациями. Такая, например, торговая империя, как «Wall Mart» имеет годовой оборот 500 млрд. долларов. Для сравнения: весь внешнеторговый оборот России в 2006 г. составил 370,75 млрд. долларов. Сами по себе эти цифры мало что говорят, они столь гигантски, что непредставимы. Ясно только, что это огромные цифры.

Политическое влияние экономических империй вполне сравнимо с политическим влиянием крупнейших государств мира, а в ряде случаев превосходит его; давление глобализованного капитала, финансов и торговли постоянно возрастает. Можно спорить о степени суверенности современных экономических империй, но факт, что они суверенны, в том числе часто политически. А вот политический суверенитет государств в условиях стремительно глобализующегося мира ставится под сомнение, он есть только тень экономической, политической, культурной автономии держав прошлого. Возросшая мощь международного капитала в экономике, массовидный и стандартный культурный продукт, более или менее одинаковые стандарты жизни и потребления – мы называем это глобализацией и пытаемся бороться с ней.

Пожалуй, существует лишь один радикальный и успешный способ противостоять экономической и культурной глобализации: искусственно прервать связи с внешним миром, отгородившись от него новым «железным занавесом», только гораздо более непроницаемым. Практические попытки такого рода начались еще в XX веке в Германии и СССР. Во второй половине XX – начале XXI вв. подобную политику автономизации демонстрируют оставшиеся в меньшинстве «антиглобалистски» настроенные бедные страны. Но сама по себе идея автономного существования государственных организаций, в том числе имперского типа, входит в обиход модных концепций. В большинстве случаев имеется дело со стилем «винтаж», скроенным из образцов великого исторического прошлого конкретной страны. При имеющемся в незначительных количествах стилевом разнообразии можно выделить некий сухой остаток привлекательности империй, не зависящий от конкретно-исторических условий и конкретно-исторических империй.

Как представляется, тайну привлекательности империи для сознания народов приоткрыл Фридрих Ницше, а в XX веке его теоретические

выводы были подкреплены идеологической практикой в ряде европейских государств. Здесь не говорится об империях, которые создавались путем присоединения новых земель или колониальных захватов, а говорится об империях, которые легендировались в национальном сознании, превращаясь в мифы, оказывающие непосредственное воздействие на публику. Речь идет о мифах, которые периодически воссоздаются, реанимируются, оказывают воздействие на сознание исторических субъектов, являются носителями эффектов политической перверсии.

Каким бы слабым ни выглядело государство в некоторые периоды своей жизни, если оно дает индивиду шанс на свободу и хотя бы минимально защищает законопослушного гражданина, имперские мифы находятся в анабиотическом забытии. Реанимация мифов прошлого имперского величия в народном сознании находится в прямой зависимости от чувства гражданской войны с государством, когда разрываются естественные связи между государством и обществом. Тогда приходится воссоздавать их искусственно, тогда востребованность исторической мифологии возрастает многократно, жажда мифа обнаруживается у многих, в том числе незаурядных умов.

Наше время вновь востребует мифы, среди которых едва ли не ведущими оказываются мифы могущества и силы былых империй: Российской империи и Советского Союза. Первая отождествляется с династией Романовых, по преимуществу с последним царем, вторая с Иосифом Сталиным. Апелляция к мифу рождается из жажды более целостного общества, чем то, в котором мы живем сегодня. Могущество и сила имперских обществ отождествляется с наличием сильной власти, которую получают не от избирателей, а навязывают ее подданным. Строго говоря, в империи нет и не может быть избирателей или граждан, могут быть подданные, колонизованные, завоеванные народы и люди. Власть в империи является личной и неделимой, царь не может делиться властью и обязан уничтожать всякого, кто обнаруживает хотя бы малейшие поползновения на ее узурпацию.

За право личной власти цари (короли, императоры) расплачиваются собственной личностью и жизнью, поэтому власть всегда трагична и трагична тем более, чем большей властью обладает суверен. Качество и характер личности суверена в его трагедии не играют особой роли,

поскольку, по выражению Роже Кайуа в изложении Ж. Батая, трагедия есть то, что ни при каких условиях нельзя себе подчинить [2]. Трагедия имперской единоличной власти заключается в ее сущности. С внешней стороны для людей власть выглядит одновременно угрожающей и привлекательной, а носитель власти должен представляться фигурой таинственной, обладающей неизмеримо большими силами и возможностями, способным казнить и миловать по своим, неведомым для большинства законам. Потому носители верховной власти в империи не воспринимаются как обыкновенные люди со своими слабостями, правом на ошибки, личными вкусами и привязанностями. Царствующий монарх должен казаться величественным, привлекательным, полным достоинства, которую придает власть, способным убивать.

Вторая сторона власти – опасность, которую она в себе таит, предчувствие потенциальной жертвы и возможности быть убитым, изгоняется из поля зрения массового сознания, а также из сознания монарха. В целом монарх представляет собой концентрацию всех желаний и интересов, которые движут его подданными. Желания и интересы просты и понятны. Всякое человеческое сообщество – империя не исключение – требует, чтобы в мире и природе поддерживался порядок, вовремя устранялись катастрофы, обеспечивались условия, благоприятные для жизни. Это требование выступает не просто как пожелание, но и как действенная сила, которой обязан обладать монарх, он ответствен за нее. Монарх является гарантом порядка вещей, и в случае нарушения порядка виновным должен быть признан монарх. Этот порядок существует во всех единовластных сообществах, он подробно описан в «Золотой ветви» Дж. Фрезера, посвященной описанию прерогатив и ритуальной смерти немийских царей-жрецов [3].

Обращение к истории магии и религии в теме империи, имперского мышления и имперских мифов не случайно. Сущность царской власти в отличие, скажем, от власти президента республики, сакрализована традиционно или должна быть сакрализована в процессе формирования монархии. Сакральные объекты одновременно отталкивают и притягивают – такова участь монарха, такова монархическая власть. Она есть соединение военной силы и религиозной идеологии как условие стабильной и регу-

лирующей власти. Власть, в свою очередь, является собой институциональное соединение сакральной силы и военной мощи в одной личности. В периоды расцвета империй император неизбежно становится богом или полубогом, центром религиозной и военной концентрации общества.

Если все существенное, что есть у человека, состоит в его принадлежности к группе, нации, народу или государству, империя может чувствовать себя в безопасности. Но с распространением индивидуального рационально-критического мышления, когда группа перестает быть предпосылкой его личного существования, напротив, личное существование есть предпосылка создания собственных идентификационных групп, опасность для империи, и для монарха становится актуальной. Народ принимает на себя решение умертвить своего монарха, военный и религиозный властелин превращается в жертву позорной казни. Понятно, что это не случается быстро, имперская власть истощает себя постепенно, поощряя рационализм из-за которого она сама умирает, утрачивая военный и религиозный облик, одновременно приобретая выморочные, комические или цинические формы.

Народ не просто убивает монарха, но глумится над всем, что составляло сакральную и военную мощь империи, лишая ее на время божественного содержания. Впоследствии появляется непреодолимая ностальгия по имперским временам, как желание власти, которая позволяет установить порядок, единый для природы и общества, тот порядок, который греки называли космосом. Трагедия империи и императора заключается не только в том, что они умирают, но в том, что они реанимируются и возрождаются, но уже не в облике трагедии, а рассыпаются на множество мелких и смешных ситуаций с потугами на величие былых времен.

Тогда возрождаются старые мифы, заново изобретается имперская символика, которой стараются придать значимость, из исторического наследия создается новая, зачастую виртуальная единая реальность. В XX веке классический пример возрождения квазиимперии на обломках мифов прошлого дан немецким Рейхом, идея которого избрета не Гитлером и не А. Розенбергом. Она была выдвинута в книге Меллера Ван дер Брука «III Рейх», написанной в начале 1920-х годов. Автор книги сформули-

ровал основополагающие принципы имперского мышления в XX веке: стремление к тотальному контролю на подвластной территории, стремление к экспансии на международной арене, торжество Империи, которая никогда не может и не должна быть осуществлена полностью, а должна оставаться великой мечтой, совершенством, обещанным в будущем, мессианское чувство избранничества. Эти черты можно найти в любой имперской идеологии. В 1923 году Меллер написал своему другу, что идея III Рейха выражает политическую концепцию, которая ставит своей целью «наступление немецкой эры, эры, когда немецкий народ сможет, наконец, выполнить свою миссию на земле» (если вместо «немецкой» можно поставить любой другой народ – суть концепции от этого не изменится [4]). Торжество и закат империй XX века, как представляется, в полной мере демонстрирует и пародийность, и опасность интеллектуальной игры в понятия.

Но круговорот модной игры в империю и государя-императора, независимо от того, выступает он в облики президента, царя, генерального секретаря и т. д., продолжается и будет продолжаться, пока массовое сознание находится в ожидании чуда, повседневно творимого медиакоммуникациями под названием «пришествие героев». В периоды предвыборных кампаний резко возрастает спрос на героев или квазигероев, демонстрирующих способность к эффективному и эффектному насилию

против граждан или к использованию в личных целях устоявшихся методов демократического общества.

Впоследствии это порождает неоправдающиеся ожидания людей, глубокое непонимание того, чего же на самом деле хочет власть, в результате политическую пассивность и безразличие. Так возникает тенденция к шарханью от маниакального управляемого оптимизма к растерянности, разочарованию и пессимизму, к попеременным лести и презрению по отношению к тем, кто властвует. Как утверждает Джон Р. Сол: «В отсутствие общего для всех понимания того, каким должно быть ясное, справедливое и успешное исполнение властных обязанностей, будет снова и снова возникать навязчивое и гипнотическое желание призвать к власти что-то мистическое» [5]. И добавим, когда граждане теряют уважение к себе, их ждут мифы о государях и пустые хлопоты об империях.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Новейший словарь иностранных слов и выражений. – Мн.: Современный литератор, 2005.
2. Кайуа, Р. Братства, ордена, тайные общества, церкви / Р. Кайуа // Коллеж социологии 1937–1939. – СПб., 2004. – С. 151.
3. Фрэнгер, Дж. Золотая ветвь. Исследование магии и религии / Дж. Фрэнгер. – М., 1980 г.
4. Майер, Г. Ритуалы политических объединений в Германии эпохи романтизма / Г. Майер // Коллеж социологии. – СПб., 2004. – С. 404.
5. Сол, Дж. Р. Ублюдки Вольтера / Дж. Р. Сол. – М., 2007. – С. 504.

ББК С 55-3

Н. А. Овчар

КУЛЬТУРА ОРГАНИЗАЦИИ: К ОПРЕДЕЛЕНИЮ ПОНЯТИЯ

Волгоградский государственный технический университет

Автор обращается к категории «культура организации», в ходе анализа которой предпринята попытка обозначить место культуры организации среди понятий «корпоративная культура», «организационная культура». Второй задачей, решаемой автором в статье, является выделение тех элементов культуры, которые выступают признаками культуры организации. Эта задача реализуется посредством обращения к материалам социологических исследований, проведенных отечественными и зарубежными учеными, которые работают в рамках различных научных подходов.

Ключевые слова: культура организации, организационная культура, корпоративная культура, элементы культуры.

N. A. Ovchar

CULTURE OF ORGANIZATION: APPROACHES TO DEFINITION

Volgograd academy of public administration

The author explores term “culture of organization” and tries to mark the place of this term among “corporate culture”, “organizational culture”. The second problem in the article is revelation of the elements of culture and features of culture of organization. The author uses findings of Russian and foreign social surveys of different science approaches.

Keywords: culture of organization, corporate culture, organizational culture, elements of culture.

Управленческая деятельность как одна из сфер, в которой осуществляются социальные действия, с необходимостью реализуется посредством социальных механизмов, где основой является культура, элементы которой (нормы и санкции, ценности, знаково-символическая система, а также образцы поведения) выступают регуляторами социального поведения индивидов, вступающих в управленческие отношения. Исходя из такой посылки, автор считает, что необходимо обратиться к категории «культура организации», чтобы актуализировать роль данной подсистемы в социальной системе организации.

Под культурой организации ряд авторов понимает «совокупность общих ценностей и норм поведения, признанных работниками данного предприятия» [1, с. 67]. В свою очередь, под организационной культурой – «совокупность ценностей и норм организационного поведения, принятых на данном предприятии» [1, с. 69]. При этом они указывают на то, что культура организации чаще всего ориентирована на внешнюю среду и проявляется, главным образом, в качестве и внешнем виде выпускаемой продукции, характере и содержании рекламы, а также в таких символах, как внешний вид и интерьер офиса...» [1, с. 69]. Организационная же культура, по их мнению, ориентирована на внутреннюю среду и проявляется прежде всего в организационном поведении сотрудников. Сюда следует отнести «устойчивость, эффективность и надежность внутрисистемных организационных связей; дисциплину и культуру их исполнения; динамизм и адаптивность к нововведениям в организации; общепринятый (на всех уровнях) стиль управления, основанный на сотрудничестве; активные процессы позитивной самоорганизации и многое другое, что проявляется в организационном поведении работников в соответствии с принятыми нормами и признанными ценностями, объединяющими интересы отдельных людей, групп и организации в целом» [1, с. 70].

Таким образом, существует тесная связь между культурой организации и организационной культурой. Организационная культура предприятия призвана обеспечить адаптивное поведение организации во внешней среде. Она помогает предприятию выжить, победить в конкурентной борьбе, завоевать новые рынки и успешно развиваться. Но при этом ее основой является внутренняя консолидация, взаимодей-

ствие и координация, основанные на четком разделении труда, ответственности и согласовании интересов. Как культура вообще базируется на общепризнанных ценностях и общепринятых нормах (правилах) поведения, так и организационная культура на предприятии формируется на основе признанных ценностей и принятых норм поведения именно в данном коллективе и данной организации.

Организационная культура, по определению, не может быть сконструирована и внедрена. Она не может быть даже заимствована. Заимствованы могут быть лишь некоторые структуры и механизмы связей, отражаемые в организационных проектах. Пересадка же с одной почвы на другую образа организационного поведения, как правило, бывает безуспешной. Каждый коллектив уникален: половозрастной состав, профессионально-квалификационная структура кадров, отраслевая, географическая специфика и тому подобное – все это накладывает свой отпечаток. Такой подход к организационной культуре, как правило, отрицает возможность целенаправленного прямого воздействия на формирование организационной культуры.

Другой подход заключается в рассмотрении организационной культуры как атрибута организации (предполагается возможность влиять на ее формирование). Этот подход можно условно назвать «рационально-прагматическим». Формирование культуры связывается по преимуществу с процессами, происходящими внутри организации, хотя последние могут побуждаться и изменениями состояния среды.

Организационная культура при таком подходе рассматривается, во-первых, как фактор, который может быть использован руководством для максимизации эффективности организации, укрепления ее целостности, улучшения механизмов социализации работников, повышения их производительности, и мотивации; во-вторых, как итог внутренних процессов, протекающих в организации, причем в той или иной степени управляемых.

В основе этого подхода лежат базовые положения, разработанные Э.Шейном. По его мнению, организационная культура представляет собой не набор частных представлений, позволяющих индивидам интерпретировать ситуацию и побуждающих их соответственно действовать. Поведение может быть лишь проявлением культуры, но не составляет ее содер-

жания. В центре внимания оказывается при этом процесс формирования организационных ценностей. Исходя из этого, Э. Шейн дает следующее определение культуры организации: «организационная культура есть интегрированный набор базовых представлений, которые данная группа изобрела, случайно раскрыла, позаимствовала или достигла каким-либо иным путем в результате попыток, решения проблем адаптации к внешней среде и внутренней интеграции, которые достаточно эффективно послужили организации, чтобы быть признанными, действенными и достойными закрепления и передачи новым поколениям членов организации».

В литературе наряду с понятиями «организационная культура», «культура организации» употребляется понятие «корпоративная культура». Важно подчеркнуть, что изначально термин «корпоративный» возник от латинского «*corrogiatio*» – объединение, сообщество, а не от «корпорации» как организационно-правового типа предприятия. Известно, что наличие в организации «корпоративного духа» обсуждалось еще в XIX веке, и А. Файоль назвал укрепление и поддержание корпоративного духа одним из базовых принципов управления предприятием [2, с. 288].

Иногда корпоративная культура рассматривается как корпоративная этика, то есть отождествляется с этическими принципами, которых должны придерживаться руководители и сотрудники организации во взаимодействии между собой, а также с клиентами и партнерами.

На Западе «корпоративная культура» обозначает то же самое что и «организационная» (западные авторы используют термины «*corporate culture*», «*organizational culture*», «*corporate identity*»), поэтому и некоторые отечественные исследователи придерживаются этого подхода [3].

Согласно другой точки зрения, организационная культура понимается как культура «материнской организации», а корпоративная культура – культура подразделений этой организации в других странах. В организационную культуру входит сама структура организации, она носит открыто императивный характер, выражающийся в документах, приказах, руководствах; в то время как главным аспектом культуры корпоративной, по мнению ученых, являются ценности, приобщение к которым не

может происходить столь прямо в силу специфики этого явления.

А. Максименко считает, что отличие «культуры организации» от «корпоративной культуры» заключается в размерах организации, предлагая в качестве «порога» тысячу работников и утверждая, что в крупных организациях отсутствует внутренняя неформальная структура и знакомства на уровне статусов [4, с. 18].

И. Грошев полагает, что понятие «организационная» применимо к локальной отраслевой организации, «корпоративная» – к многопрофильной международной корпорации, а «предпринимательская» – к культуре малых предприятий [5, с. 12].

Корпоративная культура призвана реализовать одну из базовых человеческих потребностей – потребность в принадлежности к какой-либо группе. Она формирует морально-этические ценности и установки, усиливающие реализацию потенциала интеллектуальной и духовной энергии сотрудников (ценность работника как личности, его самореализации, ценность хорошего коллектива, деятельности на пользу обществу), усиливает связи (социальное партнерство) работников с руководством организации, чувство общности (солидарности) всех уровней работников вокруг ценностей, норм, традиций (что повышает их ответственность за качество деятельности).

Корпоративная культура предполагает оценивание культуры в организации на предмет ее соответствия системе ценностей, целям, задачам предприятия в целом, тогда как организационная культура проявляется в любых формах взаимодействия в организации, независимо от того, соответствует ли она целям и задачам предприятия в целом или нет.

При определенных допущениях, по мнению автора, возможно использование понятий «организационная культура», «корпоративная культура» как синонимов. Во всех случаях речь идет о культуре организации, а конкретизация в отношении размера организации, сложности ее структуры, внутренних коммуникаций, форм проявления – это характеристика определенных групп организаций, исследование которых проводится социологами.

Таким образом, изучение культуры организации предполагает выделение тех критериев, которые выступают в качестве детерминирующих факторов, определяющих специфику социальных взаимодействий в каждой конкретной

организации в каждом конкретном случае. При этом ученые, типологизируя культуру организации, пытаются обозначить ключевые критерии, проявляя интерес к различным аспектам и элементам культуры.

В качестве элементов культуры, которые выступают признаками культуры организации, можно отнести внешний вид здания, офисов и других помещений, в которых находится организация, внешний вид сотрудников и их стиль одежды, наличие стиля организации: логотипа, символики, их применение в оформлении рабочих мест и в оформлении документов (например, висящие лозунги, плакаты, флажки, значки, эмблемы). Также учитываются и аспекты оформления, непрямо характеризующие организацию: например, фотографии старых помещений, цехов – это отсылка к истории организации, указание на ее социальную преемственность. Отдельного внимания заслуживает характеристика системы коммуникации – как осуществляется обмен информацией (устно, письменно), допустима ли неформальная коммуникация, какова скорость взаимодействия сотрудников друг с другом, какие технические средства при этом используются и т. д. История, мифы, легенды, ритуалы могут являться частью миссии, поддерживая декларируемые организацией ценности, но могут и вступать с миссией в противоречие – в интерпретации сотрудников предприятия, тех стереотипах поведения, которые складываются на самом деле, в тех способах работы, совместной (командной) работы, которые есть на самом деле.

Американский ученый Д. Мацумото заметил, что «является для нас конкретным и поддается наблюдению не культура как таковая, а различия в человеческом поведении: поступки, мысли, ритуалы, традиции и тому подобное. Мы видим манифестации культуры, но никогда не видим саму культуру» [6, с. 24].

В силу этих обстоятельств исследователи преимущественно изучают манифестации культуры, перечисленные Д. Мацумото, дополняя этот перечень мифами, легендами, лозунгами, миссией организации, формами проявления статусов и т. д. Но изучение этих проявлений культуры осуществляется разными методами.

Так, антропологию организаций интересуют следующие аспекты:

- культура организации, которую она рассматривает со стороны повседневной жизни,
- устойчивые, естественно сложившиеся стандарты или образцы поведения, объединенные общностью происхождения и объединяющие в свою очередь разрозненные поведенческие акты людей в единую схему социального взаимодействия,
- символическое выражение этих паттернов, их направленность в системе символов, то есть теневые, латентные аспекты паттернов, скрытые, как правило, от внешнего наблюдения и представленные в виде определенных символических значений, которые не поддаются традиционным методам эмпирического исследования [7, с. 178–179].

В последние годы антропология организаций развивается во многом благодаря применению этнографических методов в исследованиях. В фокус исследований российских ученых порой попадают такие нетрадиционные для отечественной социологии темы, как гендерные и властные отношения в организации, карьера женщин в индустрии (см., например, [8, 9]).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Смолкин, А. М. Менеджмент: основы организации / А. М. Смолкин. – М.: Высш. шк. приватизации и предпринимательства: ИНФРА-М, 2001. – 246 с.
2. Занковский, А. Н. Организационная психология / А. Н. Занковский. – М.: Флинта, 2000. – 647 с.
3. Спивак, В. А. Корпоративная культура / В. А. Спивак. – М., СПб. [и др.]: Питер, 2001. – 352 с.
4. Максименко, А. А. Организационная культура: системно-психологические описания / А. А. Максименко. – Кострома: КГУ им. Н. А. Некрасова, 2003. – 157 с.
5. Грошев, И. В. Организационная культура / И. В. Грошев, П. В. Емельянов, В. М. Юрьев. – М.: ЮНИТИ, 2004. – 288 с.
6. Психология и культура / под ред. Д. Мацумото; науч. ред. пер. на рус. яз. А. С. Кармин. – М. [и др.]: Питер, 2003. – 717 с.
7. Гириц, К. В поисках интерпретативной теории культуры / К. Гириц // Антология исследований культуры. Т. 1. Интерпретации культуры. – СПб., 1997. – С. 178–179.
8. Тартаковская, И. Н. Карьера женщины в индустрии / И. Н. Тартаковская // Человеческие ресурсы. – 1998. – № 2. – С. 12–15.
9. Овчар, Н. А. Специальные социологические теории (теории среднего уровня) / Н. А. Овчар, Н. В. Дулина. – Волгоград, 2006. – 80 с.

УДК 008 (470.45)
ББК Ч 114 (2Р-4Во)

Ю. И. Перцева

ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ КУЛЬТУРНОЙ ПОЛИТИКИ В ВОЛГОГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ

Волгоградский государственный технический университет

Данная статья посвящена проблемам сохранения культурного наследия народов России. В статье приводится анализ региональной политики в некоторых сферах культуры российского общества.

Ключевые слова: культура, культурная политика, культурное наследие, памятники истории и культуры.

Y. I. Pertseva

PROBLEMS AND PROSPECTS OF DEVELOPMENT OF A CULTURAL POLICY IN THE VOLGOGRAD AREA

The Volgograd state technical university

This article is devoted to problems of preservation of a cultural heritage of the people of Russia. The article is devoted the analysis of a regional policy in some fields of culture of the Russian society.

Keywords: culture, the cultural policy, a cultural heritage, history and culture monuments.

Смена политической ситуации, реформаторские процессы, произошедшие в России за последние почти два десятка лет, повлекли за собой не только экономические, социальные, политические трансформации, но и культурные изменения. Государство резко снизило ассигнования на культуру и отказалось от монополии в данной сфере. Значительная часть полномочий в области культуры была передана регионам. Однако региональный бюджет оказался не способным взять на себя обеспечение нормальной деятельности всех учреждений культуры, а те средства, которые выделяло правительство, покрывали преимущественно расходы на текущие нужды и заработную плату работникам культуры. Так, согласно зарубежным исследованиям, индекс квоты государственных расходов на культуру не должен опускаться ниже 6 %, чтобы не вызвать негативных последствий для общества. Однако «Основами законодательства Российской Федерации о культуре», представляющими собой правовую базу бюджетного финансирования культуры, минимальная доля бюджетных ассигнований на нужды культуры устанавливается в размере лишь 2 % от федерального и 6 % от областного бюджетов [1].

В 2007 г. на культуру в федеральном бюджете было выделено 70 миллиардов 772 миллиона рублей. Это 1,1 % от общего федерального бюджета. В следующем 2008 г. финансирование на культуру было незначительно увеличено и составило 88 миллиардов 758 миллионов рублей или 1,5 % от бюджета 2008 г. [2].

В российских регионах культура также финансируется по остаточному принципу. Так,

в Волгоградской области удельный вес расходов отрасли культуры в общих затратах областного бюджета в 2007 г. составил 1,13 %, в 2008 г. – 1 %, в 2009 г. по плану – 1,26 %, в 2010 г. – 1,42 % [3]. Для сравнения: в 1990 г. удельный вес культуры в Волгоградском областном бюджете составлял 3,4 % [4]. В соседних регионах Юга России этот показатель сегодня колеблется от 3 до 3,5 % [3]. Согласно же принятому в начале 1990-х годов федеральному закону о культуре, уровень расходов на эту сферу не должен опускаться ниже 6 %.

В трудном положении оказалось как материальное, так и духовное культурное наследие. Происходило постепенное разрушение памятников истории и культуры, музейные и архивные фонды находились в неудовлетворительном состоянии, особенно в муниципальных образованиях, рынок наводнила продукция агрессивной массовой культуры, система патриотического воспитания была предана забвению. Так, на вопрос: «Готовы ли Вы рисковать жизнью ради целостности страны» положительно ответили лишь 20 % опрошенных, не готовы – 43 %. Но если страна подвергнется опасности извне, то на борьбу с внешним врагом готовы вдвое больше россиян – 43 % [5].

Однако в последние годы число патриотов, готовых рисковать жизнью в случае угрозы как внешнего, так и внутреннего распада страны, сокращается. Поэтому в целях возрождения патриотизма была утверждена государственная программа «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2006–2010 гг.». Целью программы является совершенствование

системы патриотического воспитания, формирование у граждан Российской Федерации высокого патриотического сознания, верности Отечеству, готовности к выполнению конституционных обязанностей. Волгоградская область не стала исключением по реализации данной программы.

Среди наиболее значимых мероприятий, прошедших в 2008 г., необходимо отметить следующие: торжественное собрание и старт IV Всероссийского фестиваля «Салют Победы», Всероссийская художественная выставка «Победа», международная научно-практическая конференция «Сталинградская битва. Взгляд через 65 лет», фестиваль героико-патриотических спектаклей, областной фестиваль народного творчества ветеранов войны, труда, Вооруженных Сил и правоохранительных органов, молодежный краеведческий форум «Навеки в памяти народной», кинопроект «Победоносный Сталинград», кинофестиваль «Салют, Победа!» и др.

Другими формами развития системы патриотического воспитания являются региональные музеи, которые остаются, пожалуй, единственными учреждениями, которые ведут непрерывную культурно-образовательную и воспитательную деятельность. Также в последние годы ведется плодотворная патриотическая работа в вузах Волгограда и области, где усиливается качество изучения истории и культуры страны в рамках социально-гуманитарных дисциплин.

Сегодня очевидно, что сфера культуры нуждается в поддержке со стороны региональных и муниципальных органов власти. Материально-техническая база отрасли культуры находится в неудовлетворительном состоянии, новые учреждения культуры в городе и области не строятся. Из 996 клубных учреждений культуры Волгоградской области 212 требуют капитального ремонта, 232 находятся в неудовлетворительном состоянии, 20 – в аварийном, 105 клубных учреждений в течение многих лет в зимний период не отапливаются. Большинство библиотек не имеют компьютерной техники [6].

Многие годы фонды большинства библиотек Волгоградской области не обновляются. Так, в соответствии с рекомендациями ЮНЕСКО международный стандарт по комплектованию библиотечных фондов предполагает их ежегодное обновление в количестве 220–250 книг на одну тысячу жителей. В сред-

нем по России этот показатель равен 186 книгам на тысячу жителей, а в Волгоградской области – 49 книг на тысячу жителей, то есть почти в 5 раз меньше [6].

Одним из достижений нынешней региональной культурной политики можно считать разработку и принятие ведомственных целевых программ «Компьютеризация библиотек Волгоградской области» на 2009 г., «Сохранение и развитие культуры и искусства Волгоградской области» на 2009–2011 гг., принят закон Волгоградской области от 14 июля 2008 г. № 1737-0Д «О культуре и искусстве в Волгоградской области».

Федеральная целевая программа «Социальное развитие села Волгоградской области на 2008 г. и до 2012 г.» предусматривает строительство сельского клуба в Урюпинском районе. Готовится законопроект «О социальной поддержке деятелей культуры, вышедших на пенсию». В проекте предусматривается дополнительная надбавка к пенсии в размере от 6 тыс. рублей.

Что касается сохранения памятников истории и культуры Волгоградской области, то в 2008 г. было создано специализированное подразделение «Управление государственной охраны объектов культурного наследия». На данную организацию возложено обеспечение деятельности по сохранению памятников истории и культуры регионального значения. Этим подразделением была проведена паспортизация 150 объектов культурного наследия [7].

В рамках сохранения археологического наследия организованы спасательные раскопки курганов в ряде районов Волгоградской области. В некоторых районах области проводятся ремонтно-реставрационные работы на памятниках истории и культуры, посвященных Сталинградской битве.

Главной задачей региональных властей и общественных структур является формирование единого российского культурного пространства на территории Волгоградской области, поэтому с 2001 г. в области действует Комитет по делам национальностей и казачества. Основными задачами комитета является участие в разработке комплексных программ социально-культурного развития области в интересах национально-культурного возрождения народов; создание условий для реализации единой государственной политики возрождения казачества, традиционных форм его самоуправ-

ления с учетом исторических традиций и современных потребностей государства. Ощутимый вклад в сохранение и развитие национальных культур Волгоградской области вносят государственные и муниципальные музеи, такие как Иловлинский музей народной архитектуры и быта донских казаков, Чернышковский казачий музей истории и этнографии и др.

Региональные органы власти поддерживают проведение мероприятий этнокультурного характера, среди которых: национальные праздники (День славянской письменности и культуры, армянский «Трндез», еврейский «Рош-ха-Шона», татарские «Сабантуй» и «Навруз» и др.), литературные чтения, чествование ветеранов Великой Отечественной войны в национальных общинах, концерты национальных ансамблей из республик РФ, ближнего и дальнего зарубежья.

В качестве перспектив развития культурной политики в регионе можно выделить следующие направления: дальнейшее развитие материально-технической базы отрасли «культура»; планируется выделение земли под строительство здания для Театра кукол в г. Волгограде; строительство жилья для работников культуры; дальнейшее ориентирование на федеральные целевые программы в области культуры; совершенствование нормативно-правовой базы отрасли «культура»; увеличение расходов на культуру к 2010 г. до 3 % из областного бюджета [8]; разработка региональной целевой программы «Развитие туризма в Волгоградской области на 2010–2020 гг.», целью которой является формирование на территории Волгоград-

ской области конкурентоспособного туристического комплекса, притока инвестиций, сохранение и рациональное использование культурно-исторического и природного наследия.

Таким образом, культурная политика России и ее регионов должна быть ориентирована в первую очередь на решение сложных проблем духовной жизни многонационального российского общества, формирование единого социокультурного пространства, а ее основными задачами должны быть: сохранение накопленного культурного потенциала, патриотическая работа, обеспечение преемственности культурных традиций и распространение позитивных духовных ценностей.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Основы законодательства Российской Федерации о культуре: Закон РФ от 09.10.1992 г. № 3612 - 1. – М., 1992.
2. Добыш, Г. Дубина или икона? / Г. Добыш // Государственная Дума. – 2008. – № 11. – С. 4.
3. Московский центр Карнеги [Электронный ресурс]: офиц. сайт - [2009]. – Режим доступа: <http://monitoring.carnegie.ru>
4. Максютя, Н. К. Общая радость – общая забота / Н. К. Максютя // Отчий край. – 2000. – № 3. – С. 3.
5. Добрынина, Е. Умом Европу не принять / Е. Добрынина // Российская газета. – 2008. – 5 марта. – С. 10.
6. Сфера культуры нуждается в особой заботе: обращение депутатов Волгоградской областной Думы к главе администрации Волгоградской области Н. К. Максютя об объявлении 2009 года годом культуры в Волгоградской области // Интер. – 2008. – 10 апр. – С. 12.
7. Кузьмина, Т. Ни один одаренный ребенок не затеряется в толпе / Т. Кузьмина // Волгоградская правда. – 2009. – 25 февраля. – С. 2.
8. Иванов, А. Национальный проект «культура» отдельно взятой области / А. Иванов // Вечерний Волгоград. – 2007. – 20 апреля. – С. 7.

ББК С 542.2

Э. Г. Баландина

«ДРУГОЙ ВЗГЛЯД»: КУЛЬТУРНЫЕ СДВИГИ СОВРЕМЕННОГО ГЕНДЕРА

Волгоградская академия государственной службы

Автор рассматривает социальные роли женщин и мужчин, показывает, что смягчение и видоизменение мужских диспозиций в отношении женщин не только возможно и необходимо, но и происходит реально, что требует постоянного пристального внимания со стороны естественных, социально-гуманитарных и философских наук.

Ключевые слова: гендер, гендерные роли, социальные роли, мужчина, женщина, стереотипы, маскулинная культура, феминная культура, патриархатная культура.

E. G. Balandina

«ANOTHER VIEW»: CULTURAL CHANGE OF MODERN GENDER

Volgograd academy of public administration

Author analyzes social roles of women and men, shows that softening and modification of male's dispositions in relation to women is objectively, possibly and necessarily. It needs permanent careful attention from natural, social, humanitarian and philosophical sciences.

Keywords: gender, gender roles, social roles, man, woman, stereotypes, masculine culture, feminine culture, patriarchal culture.

В книге 23-летнего немецкого студента Отто Вейнингера «Пол и характер», ставшей в свое время бестселлером и продолжающей быть им уже второе столетие, говорится, что существуют две субстанции, в разнообразных соотношениях распределенные между всеми индивидуумами. Эти субстанции именуются Мужчина и Женщина. Иначе говоря, природа строго разделила нас на два пола только отчасти – анатомически и физиологически, но вот культурно и социально любой из нас есть и мужчина, и женщина, разумеется, в разных пропорциях. Отто Вейнингер приписывал мужскому началу в человеке все светлое, доброе, созидательное, женскому же оставалось черное, низкое, отвратительное и разрушительное. Удивительно, как перекликается эта мысль О. Вейнингера с последним фильмом культового режиссера Ларса фон Триера «Антихрист». Оставляя в стороне оценки молодого человека начала XX века и знаменитого мастера современного кино, заметим, что мысль о существовании и функциональных особенностях женского начала в человеческом духе и культуре активно использовалась частью последователей К.- Г. Юнга, да и сам ученый отнюдь не был ей чужд. Для примера можно привести одну из юнгианских интерпретаций мифа о фиванском царе Пенфее, разрываемом вакханками. В этом мифе есть жуткий главный персонаж – Агава, мать Пенфея, предводительница вакханок. Охваченная безумием женщина убивает своего сына, ей помогают сестры и другие женщины. Она радуется, что ей удалось справиться с этой задачей голыми руками, без каких-либо изготовленных мужчинами орудий, потому что она против вооруженного насилия. Миф о Пенфее стал сюжетом для трагедии Еврипида «Вакханки», откуда можно почерпнуть детальное описание страшных событий [1]. Интерпретация мифа в юнгианских традициях утверждает, что речь идет об убийстве женщиной Анимуса – мужского начала в себе в неумном стремлении быть «настоящей женщиной». «Настоящий мужчина» и «подлинная женщина» – два ролевых архетипа, которые, если следовать юнговскому анализу, в разной мере присущи каждому индивиду во все времена, но вот эталоны этой подлинности конструируются согласно конкретной исторической и культурной эпохе. Древние образцы женственности можно найти в образах богинь-воительниц: греческих Афины и Артемиды, аккадо-шумерской Инанны,

богини любви, но преимущественно войны, ее семитской сестры Анат, которая совмещала в себе черты Афродиты, Афины и Артемиды. Воинствующие богини существовали наряду и совместно с символами вечной женственности, богинями любви и плодородия.

Мифологическое сознание дает первые представления об андрогинности человека, в котором феминное и маскулинное причудливо связываются друг с другом, образуя невероятную сложность индивидуальных вариаций. С появлением рационально-философской интерпретации мира индивидуализация культурно-половых архетипов остановилась, а позднее приобрела вид довольно четкой дуальности, закрепившейся впоследствии в христианстве. Популярный миф об Аполлоне, разрубившем на две части цельного человека, был переведен в христианский взгляд на женщину как «ребро Адамово», подразумевая под ребром ту часть человеческого естества, из которого была сотворена женщина. Традиционно этот христианский миф понимается как символическое выражение подчиненного положения женщины в маскулинной европейской культуре, но существуют и иные объяснения этого оборота [2]. В подлиннике слово, которое, начиная с Септуагинты, переводится как «ребро», можно перевести также как «грань» или «часть». Таким образом, речь может идти об отделении женского начала от мужского, которые были первоначально слиты. На это в тексте Библии содержится прямое указание: «И сотворил Бог человека по образу своему, по образу Божию сотворил его, мужчину и женщину сотворил их» [3].

Обращение к древним источникам, лежащим в основании европейской культуры – греческому и христианскому, этим, как говорил Л. Шестов, «Афинам и Иерусалиму», позволяет сделать вывод о том, что в древнем мире женщины не были и не чувствовали себя существами второстепенными и приниженными. Некоторые современные исследователи, в частности, Терри Браун из Манчестера, утверждают, что женщины в древнем мире обладали куда большим влиянием, чем мы привыкли считать. Исследуя останки лиц царской фамилии в крито-микенской цивилизации, предшествовавшей греческой, он пришел к выводу, что власть в Микенах принадлежала как мужчинам, так и женщинам по праву рождения и без половой дискриминации.

Вытеснение женщины на периферию, а затем и вовсе за кулисы общественной жизни в Европе начинается с классической Греции, где культура более определенно начинает делиться на мужскую и женскую. История сохранила некоторые имена великих женщин этого периода, которым дорого дается увлечение занятиями, считающимися уже типично мужскими. Примером может служить гречанка Аспасия, дочь Аксиоха, слишком красивая, талантливая и честолюбивая, чтобы ограничить себя исключительно домашним хозяйством и детьми. Перевратившись из родного Милета в Афины, Аспасия стала женой знаменитого Перикла, но еще до того дом Аспасии в Афинах стал культурным и философским центром, куда приходили Сократ, его ученики Платон и Ксенофонт, скульптор и художник Фидий и другие философы, художники, поэты. Они приходили, чтобы насладиться беседой с умной и красивой женщиной. Выйдя замуж за Перикла, Аспасия не утратила ни обаяния своей личности, ни интереса к интеллектуальным занятиям. Она влияла на мужа в делах если не политических, то культурных. По ее совету Перикл пригласил в Афины Анаксагора, и правитель Афин, как свидетельствует Плутарх, настолько высоко ценил советы философа, что, когда Анаксагор решил покончить с собой голодной смертью, Перикл побегал к старику-философу, бросив все государственные дела, чтобы уговорить его не умирать. Перикл говорил, что ему придется оплакивать не Анаксагора в случае смерти, а самого себя, ибо он лишится такого советника в государственных делах [4]. Перикл прислушивался к мнению своей жены, разрешал ей участвовать в дискуссиях, что, разумеется, нравилось уже не всем государственным мужам: женское начало постепенно вытеснялось на периферию общественной жизни.

Участие Аспасии в самом известном проекте Перикла – строительстве Акрополя – предопределило назначение Фидия производителем и вдохновителем строительных работ. Интриги и ложные обвинения против Фидия сделали свое дело – великий скульптор был заключен в тюрьму, где и умер при невыясненных обстоятельствах. Последующие события показали, что это была только часть заговора, который был устроен против Аспасии и поддерживаемого ею Анаксагора. Анаксагору пришлось бежать из Афин, но Аспасии бежать было некуда – Афины были ее домом, там были ее муж и дети.

Под давлением аристократов Аспасия была привлечена к суду по обвинению в распутстве и безбожии. Оба обвинения были опасны, великого Сократа также обвиняли в неуважении к богам и развращении нравов. Но в отличие от Сократа, обвинения с Аспасии были сняты: за нее было кому вступить. Перикл пришел в суд и, используя свое ораторское искусство, красноречиво доказал невиновность Аспасии, со слезами на глазах просил судей не подвергать Аспасию наказанию. Судьи были потрясены выступлением обычно очень сдержанного стратега и оправдали женщину-философа. Возможно, остаток своей жизни эта необыкновенная женщина прожила бы спокойно, но война между Афинами и Спартой, эпидемия чумы в Афинах, смерть Перикла, повторный брак с другом покойного мужа Лисиклом, смерти близких людей – все эти несчастья, похоже, сломили ее. История не сохранила сведений о последнем периоде жизни женщины-философа, отстаивавшей право быть самостоятельной и самостоятельной личностью. Спустя годы комедиограф Аристофан обвинит Аспасию в провоцировании Пелопонесской войны, принесшей опустошения на афинскую землю, а историк Фукидид, повествуя об Афинах, не упомянет о той, которая добилась признания и восхищения у лучших мужских умов своего времени. Фукидид продемонстрирует то качество, которое впоследствии получит название «мужского шовинизма». Впрочем, не стоит его винить, это качество демонстрировали многие исследователи древних культур и впоследствии. Как объясняет тот же Терри Браун, "проблема заключается в том, что до недавнего времени мы трактовали жизнь в Древней Греции, исходя из работы прошлых поколений археологов. Прежде это была преимущественно мужская профессия, и ученые интерпретировали находки с оглядкой на мужчин. Теперь ситуация меняется, и мы начинаем смотреть на женщин Древней Греции в новом свете" [5].

Конечно, можно сказать, что жизнь Аспасии не более, чем частный случай, такие женщины вообще нечасто встречаются в любой культуре, но как раз подобные частные случаи задают горизонт и развития событий и их последующего исследования. Описанный частный случай демонстрирует изменение роли женщины в культуре, в которой начинают доминировать мужчины. Описания подобных случаев задают также как предпочтительные,

так и неприемлемые, с точки зрения маскулинного общества, модели женского поведения. Маскулинное общество формирует гендерные стереотипы как альтернативные, только в некоторых сферах жизни взаимодополняющие друг друга. Скелетом общества становятся по преимуществу стройные бинарные оппозиции и иерархические структуры, в которых отношения господства и подчинения играют ведущую роль. Иерархичность вообще характерна для мужского типа отношений, поэтому в отчетливо маскулинных обществах царит дух соревновательности, главным призом которой является соответствие половой идентичности. В биологической сфере мужественность определяется набором репродуктивных свойств: сексуальностью, наличием мужского потомства, нормальным влечением к женщинам, физической силой. Биологические признаки дополняются социокультурными факторами, присущими настоящим мужчинам: ум, творчество, демонстрация социальных достижений и жизненного успеха. Ценностные ориентации маскулинных культур отличаются высокой оценкой личных достижений; высокий социальный статус считается доказательством личной успешности; ценится все большое, крупномасштабное; детей учат восхищаться сильными; неудачников избегают; демонстрация успеха считается хорошим тоном; мышление тяготеет к рациональности; дифференциация ролей в семье сильная; люди много заботятся о самоуважении. Так рисует маскулинное общество известный голландский антрополог, специалист в области кросс-культурных исследований Герт Хофстеде, давая описание основных ориентиров этого общества [6].

Названные ценности можно дополнить еще целым рядом не менее важных культурных ориентиров. Для маскулинной культуры ценны деньги и вещи, честолюбие и стремление к славе, есть тенденция к тому, чтобы видеть вещи такими, как они есть, объективно. Есть стремление к знанию, но по преимуществу прагматическому и рациональному; есть науки для мальчиков (например, математика или физика) и есть для девочек (к примеру, литературоведение или лингвистика). Жизнь мужчины должна быть подчинена работе. Если иные формы жизни вступают в конфликт с работой, работа выбирается с гораздо большей вероятностью, а для настоящих мужчин работа всегда на первом месте. Карьерные устремления обязаны быть

высокими, способы их достижения должны демонстрировать решительность и напор. В распределении вознаграждений за труд акцент делается на справедливости, результативности, желательном количественном измерении результатов. Высшим приоритетом являются показатели экономического роста, помощь должна носить материальный характер, помогать в первую очередь следует тем, кто помогает себе сам. Что касается женщин, то они мало что смыслят в политике, а в экономике мыслят категориями домашнего хозяйства и не более того. В сексуальных отношениях для мужчины важны количественные показатели, свидетельствующие о силе, мощи, свободном выборе сексуальных партнеров. Демонстрируется, безусловно, негативное отношение к гомосексуальности, в большей степени мужской, чуть в меньшей степени к женской. Секс и любовь различаются иногда очень значительно, как различаются объект любви и предмет секса.

Выше автор представил общий портрет настоящего мужчины в традиционном его понимании, добавив к мужским ориентациям Герта Хофстеде свои наблюдения, которые не противоречат эмпирическим данным голландского исследователя. Женский взгляд на традиционную маскулинность не очень отличается от мужской гендерной рефлексии по этому поводу. Как правило, к «джентльменскому набору» добавляется несколько деталей, снижающих безупречность эталонного «мачизма». Женщины также отмечают в качестве типичных мужских черт рациональность, силу, мужество, более высокий уровень сексуальности (у молодых мужчин), но отмечают и те черты, которые считают самыми неприятными в мужчинах – агрессивность, лень, грубость, трусость, необязательность. Особого внимания заслуживает трусость, которая, на первый взгляд, не вяжется с традиционным образом мужчины. Речь идет в данном случае о том, что, по мнению женщин, мужчины часто пасуют перед обычными жизненными обстоятельствами, проявляя в то же время храбрость и мужество в обстоятельствах экстремальных. Несмотря на изменение образов маскулинности, наблюдающееся в последние сто лет, ведущие структуры мужского стандарта в целом остаются стабильными. Ослабление поляризации мужского и женского в культуре, а также допущение большего разнообразия индивидуальных стилей жизни не меняет (возможно, пока что) гендерных архе-

типов. Можно даже предположить, что традиционный архетип «настоящего мужчины» будет сохраняться достаточно долгое время. Как считает Камилла Палья, мачо – не только продукт специфически ориентированной культуры, но и определенный психофизиологический тип. Для некоторых мужчин этот тип самовоспитания и действия самый приятный и даже единственно возможный. Превратить Дон Жуана в Вертера невозможно даже с помощью кастрации. К тому же он (Дон Жуан) выполняет определенные социальные и психосексуальные функции» [7].

Сколь бы не казались незыблемыми нормативные каноны маскулинности, но на самом деле они уже не столь безусловны. Начавшаяся более ста лет назад борьба женщин против действительной и мнимой дискриминации привела к трансформации гендерных стереотипов. Женские ролевые стереотипы, издавна занимавшие подчиненное положение, находившиеся в тени более активного мужского начала, в результате сложного и длительного процесса вышли на культурно-социальную авансцену. Яркий свет культурной рампы повлиял на них довольно неожиданным образом. Оставим в стороне хорошо знакомую борьбу женщин за политические и трудовые права и сосредоточим свое внимание на культурной трансформации феминного. Предварительный вопрос, который необходимо решить, есть вопрос о том, могут ли трансформироваться сами архетипы. Понятие архетипа употребляется довольно широко, восходя к первоначальному значению этого понятия – первообраз, первоидея. В жизни человека архетипы имеют столь важное конституирующее значение, что намеренная или невольная попытка трансформировать архетип, а также отделаться от него заканчивается, как правило, невротическим изменением характера и личности. К.-Г. Юнг утверждает, что архетипы – непоколебимые элементы бессознательного в том смысле, что они наличествуют, но конкретные их проявления не только бесконечно разнообразны, но и подвижны. Проявление архетипических форм в стереотипах также подвержено изменениям, тем более, что никакой архетип не воздействует на поведение человека единолично, он сплетен с другими архетипами и вместе они образуют «схватываемое и трансформирующееся единство». Таким образом, можно сделать вывод об определенной степени лабильности, если не ядра архетипа, то его внешних проявлений.

Культурный сдвиг в сторону феминности уже не вызывает серьезных возражений, а доказательств в пользу такого сдвига более чем достаточно: обострились мужские страхи перед женской самодостаточностью; изменения в структуре гендерных ролей обострили желание мужчин утверждать и демонстрировать свою состоятельность. Самоутверждение выражается в желании соответствовать традиционным репрезентативным образцам и невозможностью полностью осуществить желаемое. Попытки разрешить это противоречие приводит к тому, что К. Хорни назвала мужским неврозом.

Поскольку в соответствии с мужскими стереотипами самоутверждение должно демонстрировать количественно выражаемый успех, мужчина просто обязывает себя быть экономически состоятельным, политически влиятельным, телесно привлекательным в соответствии с мужскими стандартами мужественности и энергичности и попадает в ловушку, потому что всегда найдется тот, кто более богат, более успешен, более влиятелен, более привлекателен внешне, что для соревновательной культуры мачизма выполняет роль сильного раздражителя, побуждающего стремиться к еще большему успеху и т. д. Сама патриархатная культура, диагностирует К. Хорни, глубоко невротична, она является прямым поставщиком неврозов, так как суть этой культуры составляет конкуренция и стремление к победе любой ценой [8].

Малейшее отступление физиологического мужчины от маскулинности рассматривается здесь как великий грех, а обнаружение отступления приводит в действие террористические практики по отношению к себе или другим. Разнообразие этих практик достаточно велико: от накачивания мышц и употребления стероидов до демонстрации интеллектуального превосходства. При всем разнообразии цель, однако, ставится всегда одна: доказать себе и другим свою крутость. Речь не идет исключительно о частной жизни. Жизнь общества определяют по преимуществу мужчины, так что типичный мужской невроз переносится в область социальных практик: спорта, политики, экономики, науки и т. д. Любой проигрыш или неудача рассматриваются как тотальное поражение, жизненный неуспех, формирующий в итоге стойкий комплекс собственной неполноценности и ущербности.

Такой комплекс никто не может спокойно переносить, будь то неполноценность реальная

или мнимая. Даже не обнаруженная неполноценность рождает чувство неуверенности и стремление преодолеть неуверенность в сфере приложения способностей и сил в работе. И действительно, в профессиональной и социальной сфере мужчины добиваются впечатляющих успехов, работают ради них, добиваются их как высшей ценности, чтобы в один прекрасный день понять то, о чем Джозеф Кемпбелл сказал приблизительно так: мужчина всю жизнь карабкается по лестнице вверх только для того, чтобы вдруг осознать, что он поставил лестницу не к той стене. Осознание происходит не всегда: необходимость защититься от понимания реального положения дел оказывается гораздо сильнее, и мужчины продолжают работать ради престижных ценностей, играя героическую, активную роль в их достижении, подчиняясь традиционным представлениям и мнениям о главенствующей роли мужчины в обществе. У них развивается стойкое убеждение в том, что они не имеют права бояться, что они должны уметь управлять собой, покорять природу и женщину. Ради этих ценностей они совершают подвиги, способны переживать экстремальные ситуации, каждый из них испытывает страх, что он проявит эмоциональную слабость, окажется в чем-то не настоящим мужчиной. Отсюда гиперкомпенсация, повышенная агрессивность, пускание пыли в глаза или молчаливое уклонение от некоторых вопросов в области человеческих отношений, которые подчас ставит перед мужчиной жизнь. Обнаружение в себе способности к сочувствию, открытому выражению эмоций воспринимается как женская слабость, что зачастую приводит мужчину в ужас, он отстраняется от нее, отстраняется от той части своей личности, которая не уместается в признанные рамки социально-половой идентичности. Как следствие возникает самоотчуждение или, по крайней мере, отчуждение от той части собственной личности, которая воспринимается как уступка женственности. Отсюда столь яростное непризнание гомосексуальных наклонностей у большей части мужчин, даже в том случае, если гомосексуализм у некоторых человеческих особей предопределяется биологически. Еще одно проявление страха перед женственностью – сдерживание чувства заботы и нежности в любви, в концентрации в любовных отношениях на половом акте.

Страх и уязвленность мужчин перед самими собой воспроизводятся в их социальной жизни,

принимают институциональные формы, поддерживаются маскулинным обществом, углубляют мужские неврозы. Психологи чаще всего относят неврозы мужчин к сексуальной сфере, но в действительности неврозы подобного типа наличествуют во всех сферах социальной жизни и культуры. К сожалению, социальным мужским неврозам внимания уделяется немного даже в научной литературе.

В широком смысле невроз определяется как дисбаланс между индивидуальной психикой и социальными нормами. Выше уже отмечалось, что общество требует от мужчин быть мужчинами при любых обстоятельствах, проявляя только те свойства натуры, которые соответствуют мужскому архетипу, но в любой мужской душе живут не-мужские свойства, более или менее тщательно подавляемые и скрываемые. Противоречия феминного и маскулинного не столь заметны и не обязательно приводят к острому конфликту в условиях гендерной монокультуры, где ролевые стереотипы совпадают с половыми архетипами. Однако вторая половина XX века отмечена заметным ростом «себестоимости» феминности, что привело к ощутимому культурному сдвигу в пользу женщин, выступивших против ограничения своих возможностей, ставших успешными захватчицами не принадлежавших им ранее земель мужской культуры. Мужская позиция лишается былой истины, силы, права, места в иерархии. Феминность создает новые дискурсионные пространства, внутри которых привычные маскулинные практики, основанные на силе и власти, перестают работать из-за возрастающего несоответствия ситуации культурного сдвига. В этих пространствах происходят глубинные трансформации и мутации как результаты поиска новых коммуникационных стратегий в гендерных отношениях. Как всякие действительно глубокие изменения, они сопровождаются кризисом мужской идентичности и в социальном плане кризисом основы патриархата, протекающем тем более болезненно, чем медленнее идут процессы смены гендерных ролей и культурной ткани маскулинности. Процессы действительно идут медленнее, чем хотелось бы, к тому же при явном недостатке «регулирующих клапанов» рефлексии и осознанных компенсационных практик. Наиболее быстрые изменения наблюдаются в области лингвистики, где происходит лингвистическая ревизия: женщины активно осваивают и используют

специфический мужской язык лексически (употребление в обыденной речи женщин ненормативной лексики), грамматически и стилистически (более жесткое и однозначное построение фразы особенно в деловом языке женщин), семантически (отказ от полисемантности, умолчаний и иносказаний, требование прямоты и искренности). Язык упрощается и десексуализируется, стирая различия половых компетенций социальных коммуникаций. Описание подобных различий много раз отмечалось в литературе, начиная с работы Р. Лаккофф «Язык и место женщины», обосновавшей андроцентричность языка и ущербность образа женщины в картине мира, воспроизводимой в языке [9]. Социолингвистами были установлены некоторые особенности женского речевого поведения, которое выглядит более гуманным: женщины чаще употребляют уменьшительные имена, более осмотрительны и вежливы в выборе выражений, они умеют лучше слушать и сосредоточиться на проблемах своего собеседника. В социокультурной среде, в частности, в деловых и других отношениях женщины по этой причине чаще производят впечатление неуверенных в себе, слабых и некомпетентных партнеров. Для того, чтобы быть принятыми маскулинной культурой, женщинам приходится демонстрировать мужские тактики речевого поведения: директивное речевое поведение, жесткость выражений, агрессивность и даже – как уже отмечалось – обращение к специфически «мужскому языку». Попытки феминистской лингвистики отстаивать право женщин на речевые различия, выработать специальные тактики, помогающие женщинам быть услышанными, остались на уровне благих пожеланий.

Следование мужским речевым практикам отражает факт не только присвоения женщинами мужских функций, более удивительной выглядит терпимость мужчин к присвоению их манеры и форм речи женщинами. Более того, в значимых коммуникациях, например, в деловых отношениях у женщин ценятся типично мужские черты: логика, четкость формулировок, последовательность, однозначность употребляемых понятий. Ненормативная лексика если и не приветствуется, то и не осуждается безоговорочно, она стала привычной частью бытового и делового языка в смешанных и женских группах.

С другой стороны, к лингвистическому поведению мужчин предъявляются женские тре-

бования: быть вежливыми, неагрессивными, уметь слушать и слышать собеседника и т. п. В результате язык как «дом бытия» становится действительно общим домом для мужчин и женщин.

Разрушение однотонной ткани маскулинности обнаруживается и в других областях. В трудовой сфере происходит постепенно ускоряющееся разрушение традиционной системы гендерного разделения труда, ослабление различий в социально-производственных функциях, занятиях и сферах деятельности. Ведущей силой этого процесса являются женщины, осваивающие типично мужские профессии, часто превосходящие мужчин в уровне образования и т. д.

В политической сфере феминный сдвиг заметен по изменениям гендерных отношений власти. Мужчины постепенно утрачивают свою былую монополию на публичную власть. Более чем столетняя борьба женщин за политические права, за гражданское равноправие полов, увеличение номинального и реального представительства женщин во властных структурах заметно даже на уровне повседневности. Разумеется, отношение к захвату власти женщинами в обществе неоднозначно, но общей тенденции не уловить нельзя: женщин в политике и структурах власти все больше, и они действуют все успешнее.

Еще более заметно изменение роли и статуса женщин в семейно-брачных отношениях. Современные браки весьма вариативны, но общая тенденция изменения в распределении ролей уже достаточно знакома. Все больше неполных, но вполне полноценных семей, где мать успешно выполняет все необходимые семейные функции, включая типично мужские: добычу средств к жизни, реализацию безусловного родительского авторитета и власти. Домашние обязанности в семьях нередко распределяются по справедливости без деления их на мужские и женские, что часто становится главным признаком семейного благополучия. Другой важный акцент, который заметен в супружеских отношениях – замена власти мужчины над женщиной стремлением к взаимопониманию, то есть переходом от маскулинного типа отношений к феминному.

Перемена в отношениях мужчин и женщин существенно отражается на характере первичной социализации мужчин. Совместное с девочками и девушками получение образования одновременно с повышением степени влияния

общества сверстников уменьшает (но не отменяет и не уничтожает) половую сегрегацию и создает лучшие условия для достижения взаимопонимания мужчин и женщин. Замечено, что труднее всего складываются отношения с женщинами у мужчин, обучавшихся в детских и юношеских военизированных учебных заведениях; в последующем в семьях офицеров чаще всего сохраняются патриархальные нравы.

Многие социально-значимые черты настоящего мужчины вообще утрачивают свою тотальность и безусловную ценность. Брутальность, агрессивность, которые в свое время были неотъемлемым знаком мужского достоинства, в современном обществе дисфункциональны и приветствуются в сравнительно узких пределах деятельности: в военных действиях или в спорте. Спортивность, соревновательность могут распространяться – и это бывает достаточно часто – на бизнес или политику, но явное стремление к конкуренции часто воспринимается там как некая театральная условность, маскарад, перформанс.

Менее всего подвержены изменениям стандарты мужской красоты и мужской эмоциональности. В условиях жестких иерархических отношений патриархальной культуры мужская привлекательность ассоциировалась с физической силой, ростом, крепостью мышц, спокойствием и самообладанием. Эти черты остаются предпочтительными и у современного мужчины как в глазах женщин, так и в их собственных глазах. Однако даже в этой консервативной сфере есть изменения, возможно, более жестко социально локализованные. В среде городских образованных мужчин наряду с типичными критериями мужской привлекательности высоко ценятся деликатность, хороший вкус, утонченность манер и нравов, мягкость и элегантность – все то, что в минувшие века считалось прерогативой аристократов, где принадлежность к высшему сословию демонстрировалась как отказ от грубых черт поведения простолюдинов. Косвенным образом, но о некотором изменении стандартов мужской привлекательности свидетельствует и более терпимое, чем в обществе в целом, в среде образованных интеллигентных мужчин отношение к гомосексуалистам, у которых более выражены женственные черты. Кроме всего, привлекательность мужчин зачастую оценивается не по биологическим, а по социальным критериям, среди которых на первом месте стоит ус-

пех в обществе. Успех во многом определяется сегодня не физической силой, а умом и творческой энергией, существенно важных в достижении высокого социального статуса. Немаловажную роль играют и требования, предъявляемые социально эмансипированными и образованными женщинами к образу и поведению мужчин. Они расшатывают монолитность мужского «я», его самодостаточность, провоцируя появление более сложных и тонких форм поведения и саморефлексии.

Отмеченными сдвигами и тенденциями список не ограничивается, но их вполне достаточно для утверждения их повсеместности, что, разумеется, не исключает противоречий и неравномерности в протекании означенных процессов в зависимости от характера и степени развитости культуры, разнообразия ее форм, способности к усвоению инокультурных способов отношения к миру, демографической ситуации и гендерного порядка в значимых для общества сферах жизни. Ощутимее всего ломка традиционного гендерного порядка в промышленно развитых странах, поэтому есть соблазн прямо связать изменение канона маскулинности с уровнем социально-экономического развития с обязательной в таких случаях ссылкой на цивилизованный порядок вещей. Но в действительности дело обстоит несколько сложнее. Прямых, а особенно количественно измеряемых соотношений между уровнем развитости экономики и изменением канона маскулинности не обнаруживается – слишком много опосредующих факторов, включая особенности традиционной культуры, психологические и национальные особенности, конкретно-исторические ситуации, влияющие на протекание в общем-то общих и закономерных процессов. Серьезных исследований, посвященных вопросу зависимости гендерных порядков и социально-экономического развития разных стран, обнаружить не удалось за исключением работы уже упомянутого Геерта Хофстеде [6, с. 16–17, 175], основанной скорее на житейских наблюдениях, чем на строго научной методологии. На основании сравнения Г. Хофстеде выделил страны, в которых степень феминных сдвигов в культуре значительно выше. В эту группу попали скандинавские страны, Нидерланды, Дания, Франция, Таиланд. В литературе встречается утверждение, что преобладание феминных черт в политике характерно для этносов, находящихся в осенней фазе своего существования,

не обещающей сильных потрясений, возможно, за исключением экономических кризисов. Такие этносы не воюют, живут в гармонии с природой, заботятся о мире и стабильности в собственной стране и только сильные внешние воздействия способны вывести их из равновесия. Л. Гумилев в качестве примера таких этносов описывает скандинавов и исландцев [10]. С этой точки зрения, толерантность, демократизм, невмешательство в дела соседей и забота об охране природы есть не что иное, как признак слабости и вырождения культуры. В сущности Л. Гумилев более точно формулирует мысль великого певца маскулинности Ф. Ницше [11].

Вернемся к классификации Г. Хофстеде. Группа стран, в которых феминный сдвиг проявляется в меньшей степени, по его мнению, включает в себя Японию, Австрию, Италию, Германию, США, Мексику, Колумбию, Эквадор, Южную Африку, арабские страны. Границы изменений проходят между регионами, городом и сельской местностью, социальными и возрастными группами, этносами и нациями. Заметим дополнительно, что на степень маскулинности сильно влияет осознание страной своей миссии в мире. Страны, претендовавшие в разное время на мировое господство, осознающие свою ответственность перед миром, переживающие острые политические кризисы, в большей степени склонны к сохранению мужских стандартов в культуре [11]. В то же время в этих странах может культивироваться особая символизация нуждающегося в защите женского начала в его традиционной роли, такого как образ Родины-матери. В ситуации политического кризиса также возникает тяга к сильной (мужской) руке, которая якобы только и способна защитить родину от беспредельной женственной слабости демократии.

Россия не попала в список Г. Хофстеде, но на основе подобных наблюдений ее можно отнести к странам с маскулинной культурой, в которой феминные сдвиги происходят, но медленно, неравномерно и даже парадоксально. Социальное положение, культурный и образовательный уровень российских мужчин, их образы жизни весьма различны, поэтому говорить о едином стандарте маскулинности в зависимости от этих факторов достаточно трудно. Более высокий уровень образования заставляет маскировать маскулинные комплексы, вытеснять их в сферы, слабо контролируемые обществом.

Принимаемые стили жизни, ценностные ориентации выглядят более цивилизованными, отмечаются большим признанием женщин, хотя часто у мужчин нет иного выбора, если они имеют дело с женщинами одинакового с ними ранга и положения. Там, где нет необходимости декларировать интеллигентность и толерантность, образованные и высокостатусные мужчины могут вести себя в соответствии с патриархальными традициями, если они заложены в сознание в детстве или ранней юности. Стереотипы и идеалы маскулинности сильнее проявляются у молодых мужчин, для чего есть несколько причин. Во-первых, в этой среде сильнее дух соревновательности, склонность к риску, желание выделиться иногда любой ценой. Во-вторых, играет роль гормональный баланс, в частности, уровень тестостерона и адреналина, который у молодых особей выше. К тому же образ сильного самца – самый древний в филогенетической памяти человечества. Наконец, не последнюю роль играют влияющие на стиль поведения молодых идеалы и образцы, активно пропагандирующиеся массовой культурой, а она, чтобы быть действительно массовой, успешно эксплуатирует биполярные образы половой идентичности. Массовая культура ориентирует молодых людей на образы «крутого парня» в стиле героев Чака Норриса, Сильвестра Сталлоне, Брюса Уиллиса или Арнольда Шварценеггера. Отечественные телевидение и кинематограф не отстают: персонажи Алексея Серебрякова, Сергея Сидихина, Дмитрия Певцова, Игоря Ливанова отличаются от своих американских собратьев разве что большей долей интеллигентности – данью русской культурной традиции.

Носителями и защитниками маскулинности, как правило, становятся не столько ее носители, сколько те, кто хотел бы ими быть – молодые люди, которые по разным причинам не дотягивают до желаемого идеала. Таким способом достигается виртуальное или даже иллюзорное сокращение дистанции между идеальным и реальным «я». Поведение пронизывается подчеркнутой брутальностью, стремлением продемонстрировать качества настоящего мужчины, презрением к страху и опасностям, авантюризмом и риском. Социальный неуспех может вполне удовлетворительно компенсироваться асоциальными формами поведения, цель которых – подчеркнуть силу, независимость и способность самостоятельно устанавливать правила для себя.

Распределение гендерных ролей в культурах, а также их изменения, происходящие в современном мире, не остались без внимания со стороны научной литературы, где сформировалось несколько подходов к интерпретации описываемых выше явлений. Наиболее основательно разработан биологический подход, который укореняет половые различия в генетике, анатомии и физиологии и, по существу, закрепляет межполовые различия как константы. Его основоположником можно считать Ч. Дарвина, утверждавшего превосходство мужчин как более развитых интеллектуально и физически человеческих особей. Последователей эволюционной теории в современной науке достаточно много, биологические теории в большом ходу и в социальных науках, если отождествляются пол и гендер. Маскулинность совпадает с агрессивностью, стремлением к господству, жесткостью и склонностью к насилию, а феминность – с наличием инстинкта продолжения рода. Феминность определяется в связи с репродуктивными способностями женщины, маскулинность – в связи со способностью продуктивно взаимодействовать с внешней средой. Весьма популярной продолжает оставаться фрейдистский вариант биологизаторского подхода, с точки зрения которого женщина есть не что иное, как недоразвитый мужчина. Мужчина воплощает в себе лучшие черты человеческого рода – моральность, добросовестность, цивилизованность. Женщины в целом либо не способны дотянуться до этого образца, либо являются собой негативные качества. Весьма примечательным примером коренной экзистенциальной противоположности мужчин и женщин является самый популярный фильм 2009 г. «Антихрист». Главный герой этого фильма обладает всеми чертами, которые приветствуются в современном человеке: разумностью, толерантностью, состраданием и милосердием. Героиня, напротив, – воплощение бессмысленной хтонической ярости и зла, неуправляемая фурия, которую можно уничтожить, но невозможно изменить. В этом истинная сущность женщины – таков вывод фильма. Чтобы женщина не могла проявить истинную свою сущность, в обществе она должна находиться в безусловном подчинении у цивилизующего начала – мужчины, самостоятельной ценности она или не имеет, или является собой антиценность. Биологизм рассматривает мужчин и женщин как наборы взаимоисключающих ценностных, психических

и поведенческих и прочих характеристик. Всякое отклонение от нормы чревато невротическими изменениями. Отклонением от нормы может считаться претензия женщин на мужские роли в обществе или, наоборот, опасное стремление мужчин быть похожим на женщину. С последним обстоятельством связано пространное представление о пагубности женского воспитания мальчиков и юношей. Автор не утверждает, что это представление неверно в корне, но без преувеличений здесь не обходится.

Попытка высвободить человека из тисков биологически заданных программ предпринимается в ряде социальных теорий. Так, структурный функционализм для описания феминности и маскулинности использует понятия социального статуса, роли и функций в обществе. Пионером подобного подхода можно считать Э. Дюркгейма, который в работе «О разделении общественного труда» отмечает, что причиной социальной дифференциации является естественное разделение труда по признаку пола [12]. В русле идей Э. Дюркгейма, но несколько позже Т. Парсонс, Бэйл и другие ученые рассматривали мужские и женские роли как взаимодополнительные и потому неустраняемые из социальной жизни. Маскулинность в структурном функционализме связывается с предметной деятельностью во внешнем мире, фактически с трудовой деятельностью. Феминность направлена на коммуникативные взаимодействия, производство и передачу эмоционального опыта, в частности, в семье. Ролевые характеристики мужчин и женщин оказываются достаточно удобными в эмпирических исследованиях для описания поведенческих моделей и социальной иерархии, поэтому они широко используются в социологии. Мужчин определяют гегемоническими ролями, женщин – подавляемыми и подчиняемыми. Подобное разделение соответствует традиционным культурным моделям, легко воспринимается и удобно в исследовательской практике. Заранее заданный модельный ряд обеспечивает стабильность и предсказуемость результатов, отклонения от которых не будут выходить за пределы статистической погрешности. Сравнительно новые явления в социальной жизни, например, социально активные женщины вполне укладываются в эту модель: они лишаются женственности и действуют по мужским правилам. Касательно их возникают такие характеристики, как «железная леди»,

«солдат (командир) в юбке» и т. п. Но в целом это не меняет биполярной картины распределения мужских и женских ролей, поддерживает социальную стабильность, по крайней мере, теоретически. Несколько иная картина рисуется в феминистских теориях социальных ролей [13]. Кейт Миллет находит, что подобная модель сконструирована мужчинами и служит поддержанию господствующей роли мужчин. Отражает ли она истинное положение дел – другой вопрос. В действительности маскулинность и феминность в рамках структурно-функционального подхода удобны для самого этого подхода, а также для поддержания уже имеющихся стереотипов, он плохо описывает или вообще не замечает те изменения и новации, которые происходят в сфере гендерных ролей и статусов.

Попытка придать динамику гендерным отношениям находит отражение в социальном конструктивизме. Теория социального конструктивизма рассматривает «типично мужское» и «типично женское» как результат социально-культурного процесса.

Представители этого направления, в частности Уэст, Зиммерман, Гоффман полагают, что гендер и его измерения (маскулинность и феминность) создаются в результате социально контролируемых и направленных, хотя и не лишенных противоречий, действий. Маскулинность и феминность определяются посредством категорий, выражающих в одинаковой мере как объективную реальность пола, так и идеологические фикции определенного типа культуры. Объективной стороне феноменов маскулинности и феминности посвящены в большей степени исследования П. Бергера и Т. Лукмана [14], в которых описываются социальные механизмы формирования гендерной идентичности субъекта. Субъективная сторона гендерной идентичности также не остается без внимания. Например, А. Ньюитц полагает, что гендерные разделения, в отличие от половых разделений, продиктованы идеологическими конструктами патриархальной культуры. В действительности каждый индивид вправе формировать собственную гендерную идентичность и выбирать свой социальный пол в зависимости от собственных предпочтений. Однако право индивида не может реализоваться или реализуется с трудом из-за давления маскулинной идеологии западного общества. Давление может быть грубым и действующим непосредственно вроде

обязательного воспитания мужчин в армии, но может действовать мягко и опосредованно через социальное одобрение маскулинных черт, придание им более высокого престижа. Черты феминности также закрепляются в объективированных социальных конструктах и подкрепляются общественным мнением и нормативными предписаниями. Таким образом, маскулинность и феминность порождены культурой и порождают культурные и социальные стереотипы. Этот причинно-следственный круг очень трудно, если вообще возможно разорвать [15].

Социальный конструктивизм делает попытку объединить объективные и субъективные аспекты исследования гендера, но, не отдавая предпочтения ни тому, ни другому, попадает в герменевтический круг. Один из выходов из подобного круга предложен символической концепцией гендера, специально интересующейся репрезентациями гендера в культуре. Символические интерпретации распространены по преимуществу в постмодернизме, что неудивительно, имея в виду особый интерес постмодернизма к знаковым и виртуальным феноменам. Символизм исходит из представления о знаковой природе социальной реальности, соответственно и гендер понимается здесь как совокупность конвенциональных характеристик, своего рода схема, в соответствии с которой индивиды определяют свою принадлежность к той или иной группе общества. В данном случае самоопределение индивидов происходит посредством взаимного отражения друг в друге двух больших групп, желающих обособить себя по признаку полового естества. Понятно, что такой признак есть, но для того, чтобы стать разделительным признаком, его значение необходимо сильно преувеличить, что и делает большая часть современных культур, включая европейскую. Маскулинность и феминность репрезентирует себя в стандартных или стандартизованных социальных ситуациях, в которых гендерные нормы постоянно воспроизводятся, а их нарушения грозят нарушителям более или менее суровыми санкциями. Вопрос о том, что считать принадлежащим к мужским, а что к женским формам поведения решается путем конвенции, которая с течением времени закрепляется в качестве традиции. Ж. Лакан полагает, что таким образом закрепляется и поддерживается иерархия патриархальной власти. В матриархальных сообществах, которые встречаются сегодня крайне редко, но все же

имеются, дело происходит примерно таким же образом, но закрепляется и воспроизводится иерархия матриархальной власти.

Хотя маскулинное и феминное рассматриваются символистами как не имеющие онтологических характеристик за пределами биологического пола, нетрудно заметить более или менее явное предпочтение маскулинности. Ж. Лакан утверждает, что поскольку во всех значимых культурах доминирует маскулинное, то феминное есть лишь тень, как объект приложения мужской силы и власти. Мужчина всегда являет собой эталон и образец культурной деятельности, поэтому он вправе и устанавливать нормы поведения для женщин, и устанавливать контроль за этим поведением. Феминное представляет собой вторую сторону бинарной оппозиции, без этой стороны мужское лишается возможности применять свою силу и власть, таким образом женщины оправдывают свое существование. В диалектике противоречие мужского и женского должно было бы рано или поздно завершиться их синтезом, но в лакановском символизме этого не происходит: отношения мужского и женского, отношения мужчин и женщин всегда остаются незавершенными, создавая почву для постоянно тлеющего конфликта. Дополнительным, но существенно важным для возможного конфликта фактором является то обстоятельство, что доминанта маскулинного поддерживается социальной мифологией на всех уровнях и во всех сферах жизни общества. Маскулинность и феминность выглядят институционализированными монолитами, сами себя выстраивающими и подтверждающими и разрушающими. Механизмы их конструирования остаются загадкой. Гоффман относит их к области символических взаимодействий, а Ж. Лакан – к области бессознательных структур. Возможно, по причине нежелания расставаться с собственными взглядами нынешний феминный сдвиг в культуре Ж. Лакан меньше всего склонен считать кризисом, разрешающимся в пользу феминности. То, что обычно называется кризисом, есть временный сдвиг, соответствующий логике бинарных построений, но не затрагивающий сущности культурного соотношения маскулинного и феминного [16, 17].

Многоразличие взглядов, позиций и подходов свидетельствует не только о творческом потенциале исследователей и многообразии методологических программ, но и о сложности

самого явления. Каждый подход высвечивает одну из сторон структурного и динамического соотношения маскулинного и феминного в культуре. При этом большинство исследователей сходятся на том, что современное состояние гендерных позиций требует пересмотра, поскольку привычный гендерный порядок явно претерпевает изменения. Главным субъектом и носителем этих изменений являются женщины, социальное положение, формы деятельности и сознание которых изменяются значительно быстрее и радикальнее, чем мужская психика. Основная причина, очевидно, состоит в том, что именно женщины более всего заинтересованы в изменении своего положения. Несмотря на вполне естественное сопротивление мужчин, стремящихся сохранить привычное положение вещей, изменения, похоже, становятся необратимыми. Об этом свидетельствует, в частности, так называемая «измена клерков» – переход части мужчин на сторону женщин. По мере освоения женщинами новых занятий и видов деятельности меняется их взгляд на себя и свои отношения с мужчинами. Мужчины, хотя с неохотой и частично, но также вынуждены менять свой взгляд на женщин и отношения с ними. К сожалению, фундаментальных культурологических попыток исследования взаимоперекрестных взглядов мужчин и женщин друг на друга пока что не обнаруживается. Эти отношения описываются преимущественно как отношения в сексуальной и семейно-брачной сферах.

В свое время женщины выступили против традиционных ролей, которые им приписывала патриархатная культура и, как история показала, совершенно справедливо. По-видимому, наступает время, когда мужчины также должны пересмотреть свои позиции в обществе, свои стереотипы и представления и увидеть в женщине не столько крепкий тыл, сколько равноправного партнера. Декларативно и в социально одобряемых формах поведения это происходит быстрее и полнее, но глубинные установки остаются прежними и вряд ли стоит ожидать их полного изменения в ближайшее время. Но смягчение и видоизменение мужских диспозиций в отношении женщин не только возможно и необходимо, но и происходит реально, что требует постоянного пристального внимания со стороны естественных, социально-гуманитарных и философских наук.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Еврипид. Медея. Ипполит, Вакханки. – М.: Азбука-классика, 2004.
2. *Синило, Г. В.* Древние литературы Ближнего Востока и мир ТаНаХа / Г. В. Синило. – Мн.: Издательский центр «ЭКОНОМПРЕСС», 1998.
3. Библия. Священное Писание. 1:27.
4. *Плутарх.* Избранные жизнеописания / Плутарх. – Мн.: Беларусь. – 1995.
5. <http://www.greek.kharkov.ua/main/index.php?option>
6. *Hofstede, G.* Masculinity and Femininity. The Taboo Dimension of National Cultures / С. Hofstede and Associates. – Sage Publication, 1998.
7. <http://www.vavilon.ru/textonly/issue0/paglia.htm>.
8. *Хорни, К.* Невротическая личность нашего времени / К. Хорни. – М.: Прогресс-Универс, 1993.
9. *Lakoff, K.* Language and women's place / K. Lakoff // Language in Society. – 1973. – № 2. – P. 45–70.
10. *Гумилев, Л.* Горе от иллюзий / Л. Гумилев // Вестник высшей школы (Alma Mater). – 1992. – № 7–9.
11. *Ницше, Ф.* Сумерки идолов / Ф. Ницше // Соч. в 2 т. – М., 1990. – Т. 2. – С. 615.
12. *Дюркгейм, Э.* О разделении общественного труда / Э. Дюркгейм // Западно-европейская социология XIX – начала XX века. – М., 1996. – С. 256–309.
13. *Миллет, К.* Политика пола / К. Миллет. – Режим доступа: <http://www.nlobooks.ru/rus/nz-online/619/1035/1058>.
14. *Бергер, П.* Социальное конструирование реальности / П. Бергер, Т. Лукман. – М.: Медиум, 1995.
15. http://semja-vopros.ru/socialjnyj_konstruktivizm
16. Лакановские семинары. Четыре основных понятия психоанализа. – М.: Гнозис/Логос, 2004.
17. Изнанка психоанализа. – М.: Гнозис/Логос, 2008.

УДК 316.285 (072.8)
ББК С 524.228 р.3

А. М. Митяева

КОМПЕТЕНТНОСТНЫЙ ПОДХОД В ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПОДГОТОВКЕ СПЕЦИАЛИСТОВ К ВЗАИМОДЕЙСТВИЮ В КОНФЛИКТНОЙ СОЦИАЛЬНОЙ СРЕДЕ

Орловский государственный университет

В статье рассматриваются основные подходы к формированию конфликтологической компетентности будущих специалистов социальной сферы, актуализируются вопросы формирования интегрированных характеристик, обеспечивающих их конструктивную конфликтологическую деятельность.

Ключевые слова: конфликт, конфликтологическая компетентность, конфликтологический подход, специалист социальной сферы, профессиональная подготовка.

А. М. Mitjaeva

COMPETENCE THE APPROACH IN VOCATIONAL TRAINING EXPERTS TO INTERACTION IN THE DISPUTED SOCIAL ENVIRONMENT

Oryol state university

In clause the basic approaches to formation конфликтологической competence of the future experts of social sphere are considered, questions of formation of the integrated characteristics providing their constructive конфликтологическую activity are staticized.

Keywords: the conflict, конфликтологическая competence, конфликтологический the approach, the expert of social area, vocational training.

Конфликт в рамках современной конфликтологической парадигмы рассматривается как объективное явление социального взаимодействия, так как представляет собой форму предельного обострения естественных противоречий, характерных для общества. Эффективность профессиональной деятельности специалиста зависит от многих факторов: характера профессиональной среды, уровня профессионализма, наличия развитой конфликтологической компетентности. Среди них значительное место принадлежит умению разрешать профессиональные конфликты, которые оказывают негативные последствия на результативность профессиональной деятельности.

Конфликтотенность профессиональной среды носит объективный характер, что подтверждается философско-социологической и психологической концепциями конфликта как носителя противоречий, источника развития и совершенствования социальных систем. Для реализации профессиональной деятельности в конфликтотенной среде специалисту необхо-

дима соответствующая профессиональная компетентность как способ жизнедеятельности в конфликтных ситуациях во взаимодействии с субъектами профессиональной деятельности и как способ преодоления личностных кризисов.

Как явление в жизни человека конфликты, как это ни парадоксально, с одной стороны являются трудно наблюдаемыми объектами; с другой – некоторые представлены явно как фактический материал, который часто невидим и не осознается конфликтующим, хотя и находится на поверхности. Управление конфликтными ситуациями включает прежде всего познание механизмов развития конфликта и взятие под контроль конфликтующими сторонами тех процессов, связей и отношений, которые зависят непосредственно от них самих. Только тогда можно ставить вопрос о возможности управления конфликтом на микроуровне. Для этого необходимо внедрение в образовательный процесс социальных технологий, строго регламентирующих действия конфликтующих сторон, позволяющих контролировать измене-

ние процессов в конфликте в приемлемые сроки и в нужном направлении. Эффективность их зависит от того, насколько будут адекватны целям и задачам принимаемые в конфликте решения, так как конфликтующие стороны зачастую стремятся уклониться от регламентации; их действия должны быть подкреплены проектируемой и принятой системой ответственности.

Необходимо осознать, что система ответственности – это механизм принуждения, система, подкрепляющая и предопределяющая соотношение ценности принятого решения с ущербом от неверных решений и адекватных санкций за безответственные решения. Для того, чтобы механизм начал работать, необходимо создать для человека такие условия (или среду), в которых была бы возможность принятия этого механизма, выработки определенных личностных качеств, связанных с ответственностью, а также осознания некоторых поведенческих тенденций в ситуации риска, неопределенности конфликта. Следовательно, современный специалист социальной сферы должен быть подготовлен не только реализовывать профессиональные задачи в условиях конфликтотенной профессиональной среды, но и преобразовывать ее с целью предупреждения негативных конфликтов.

Проблема формирования конфликтологической компетентности специалиста на разных уровнях ее проявления, а именно: конфликтологической компетенции, конфликтологической готовности, конфликтологической культуры, конфликтологических умений, так или иначе получила свое развитие как в педагогических, так и психологических исследованиях. При этом профессиональными сферами анализа и изучения конфликтов выступают управленческая, педагогическая, правоохранительная, экономическая деятельность специалистов. Все это свидетельствует об интересе к профессиональному конфликту и процессам формирования компонентов конфликтологической компетентности работников социальной сферы, которая носит устойчивый и возрастающий характер.

Технологическое структурирование процесса формирования конфликтологической компетентности специалиста обеспечивает его способность к преобразующей профессиональной конфликтологической деятельности в конфликтотенной профессиональной среде. В технологии должно быть предусмотрено использование конфликтотенных факторов, содержащих в себе

информацию, приводящую к неудовлетворенности людей, к появлению и обострению противоречий между ними. Провоцирующим моментом является применение конфликтотена, которым может являться любой предмет, вещь, идея, взгляд, выявляющие разность чувств, отношений, оценок конфликтующих субъектов. Конфликтотен может быть основанием конфликта, более того, один конфликтотен способен породить несколько оснований конфликта, по которым происходит развитие нескольких конфликтов. Отсюда многомерность конфликта, протекающего по разным основаниям, что приводит к необходимости тщательного вычленения конфликта из цепи существования различных этапов конфликтотной ситуации, выделения всех его атрибутов – основания, конфликтотенов, фазы нагнетания напряжения, фазы перехода одного конфликта в другой, а также разделение самого переходного этапа, в котором заложено сотрудничество, конкуренция и конфликт.

Формирование будущего специалиста социальной сферы предполагает развитие у него навыков самостоятельного, логически грамотного рассуждения, умения принимать социально и морально ответственные решения, что включает и такую составляющую, как конфликтологическая компетентность. Она может быть рассмотрена на двух уровнях. Первый предусматривает способность к распознаванию признаков случившегося конфликта, его оформлению для удержания воплощенного в нем противоречия, и владение способами регулирования для разрешения. Второй предусматривает умение проектировать необходимые для достижения определенных результатов конфликты и конструировать их непосредственно в ситуациях взаимодействия; владение способами организации продуктивно ориентированного конфликтотного поведения участников и сторон взаимодействия.

В самом общем виде можно определить конфликтологическую компетентность как умение удерживать противоречие в продуктивной конфликтотной форме, способствующей его разрешению. Конфликтологическая компетентность рассматривается как когнитивно-регуляторная подсистема профессионально значимой стороны личности, включающая соответствующие специальные знания и умения.

Конфликтологическая компетентность – это способность действующего лица (организации, социальной группы, общественного движения

и т. д.) в реальном конфликте осуществлять деятельность, направленную на минимизацию деструктивных форм данного конфликта. Она представляет собой осведомленность о диапазоне возможных стратегий конфликтующих сторон и умение оказать содействие в реализации конструктивного взаимодействия в конкретной конфликтной ситуации.

Конфликтологическая компетентность должна формироваться в образовательном процессе, цель которого состоит не столько в усвоении информации, сколько в том, чтобы привить навыки самостоятельного критического мышления, сделать интеллект пластичным к усвоению новых знаний, сформировать социальную и мобильную зрелость. Такая установка характерна для инновационных, развивающих, критических, деятельностных концепций образования.

Специалисты социальной сферы должны четко осознавать, что их профессиональная деятельность связана с конфликтами. Им необходимы знания, раскрывающие не только механизмы развития и закономерности разворачивания конфликтов, но и процессы, влияющие на психику человека, на его когнитивные возможности в пограничных ситуациях; они должны быть готовы не только находиться в эпицентре конфликта, но и управлять им. Наиболее сложным является процесс познания собственных возможностей в ситуации неопределенности в конфликте. Человек, вовлеченный в конфликт, теряет способность осмыслить конфликт и себя в нем со стороны. Специалист социальной сферы не должен терять такую способность, тем более что конфликт – это предмет применения его профессиональных умений и для реконструирования конфликтной реальности ему необходимы определенные знания, методы, теоретические конструкции, стереотипы поведения.

Образовательный процесс может быть рассмотрен как первый этап в процессе формирования конфликтологической компетентности, в случае, если его ядром является конфликтная ситуация или реальный конфликт между субъектами взаимодействия. Однако единичны случаи, когда реальный конфликт становится предметом профессиональной диагностики с применением методов, которые могут быть освоены конфликтующими сторонами в учебном процессе.

Формирование конфликтологической компетентности будущего специалиста социальной

сферы основывается на пяти специфических блоках:

- теоретические знания в области конфликтологии (педагогической, юридической, психологической, социологической и т. д.);
- владение социальными технологиями профилактики, управления, минимизации деструктивных форм конфликта;
- формирование профессионального типа мышления, включающего рефлексивность, методологичность, саногенность, объемность, креативность;
- владение технологиями психогигиены и стрессоустойчивости в конфликтах;
- выполнение профессионально-этического кодекса конфликтолога-практика.

Технология формирования конфликтологической компетентности работника социальной сферы включает такие характеристики, как:

- высокая степень интеллектуальной и эмоционально-психологической напряженности;
- гибкость форм проведения занятий в режиме эксперимента;
- обострение реальных противоречий и конфликтов в процессе обучения;
- появление побочных, непредвиденных результатов под которыми имеются в виду новые идеи, отношения, взгляды, методики, теоретические схемы т. д.;
- высокий риск для специалистов социальной сферы, проявляющих собственную конфликтологическую некомпетентность в реальных конфликтных ситуациях;
- возможность перехода на качественно новый уровень развития технологий принятия управленческих решений в конфликтных ситуациях.

Позитивное развитие конфликтной ситуации возможно через развитие конфликтующего человека (или конфликтующих сторон). Взрослый человек может развиваться только за пределами уже достигнутого, поэтому для выявления границ достигнутого конфликт-метод является идеальным методом и соответствует такой задаче.

Конфликт может быть рассмотрен как метод и использоваться в процессе подготовки специалистов социальной сферы для формирования их конфликтологической компетентности.

Конфликт-метод – это путь познания и способ построения рациональной деятельности, а также освоения конфликтной действительности, с целью минимизации деструктивных эле-

ментов в конфликте и перевода его в социально-позитивное русло.

Вводя понятие «конфликт-метод» в арсенал методов подготовки будущих работников социальной сферы, необходимо дать пояснение возможности конфликта как метода. Он позволяет: провести диагностику ситуации на микроуровне; дать необходимые средства и методы работы с самими участникам конфликта; развивать рефлексивное мышление; минимизировать разрушительные последствия; вырабатывать стрессоустойчивые качества в конфликте; способствовать формированию конфликтологической компетенции.

Конфликтующий человек рефлексивизирует любое воздействие, поэтому экспериментирование с конфликтом крайне затруднено и связано:

- с трудностями формулировки и указания целей и методов проведения диагностики конфликта;
- с трудностями определения действительных последствий воздействия на развитие конфликта и на поведенческие реакции конфликтующих субъектов;
- со сложностью определения взаимосвязи отдельных мероприятий, воздействующих на конфликт;
- с неэффективностью проведения многих мероприятий с целью влияния на конфликт.

Важно отметить, что профессионал будет испытывать конфликт этических норм в своем сознании, если четко не осознает наличие закономерных противоречий между этическими нормами: общими, личными, профессиональными. Именно нарушение социальных норм коммуникации и разрушение ценностных ориентаций являются основными факторами обострения конфликтов в период социальных потрясений и инноваций. Поэтому построение новых взаимоотношений человека с миром, другими людьми, сохранение самого ценного, что делает людей человечными – это основной смысл в формировании конфликтологической компетентности.

Можно сформулировать определенные требования, предъявляемые к специалисту социальной сферы, желающему повысить свой уровень конфликтологической компетентности: он должен обладать высокой способностью к рефлексии и самопознанию; не должен избегать разрешения конфликтных ситуаций; должен уметь четко выделять предмет конфликта и не давать эмоциям взять верх над здравым смыслом.

Реальный конфликт в своем проявлении часто не поддается никакой логике. Однако для его рационализации необходимо построение рациональной относительно цели схемы, которая опиралась бы на фактический материал реальности и закономерности процессов с учетом точек зрения, интересов и ценностей конфликтующих сторон. В этом плане конфликт-метод может быть использован как профилактическое мероприятие в целях выработки новых норм взаимодействия и формирования ответственности конфликтующих сторон за ту ситуацию, которую они создают.

Профессиональное отношение к конфликту у работников социальных служб должно быть сформировано и подчинено специфическим профессиональным нормам (алгоритму, правилам) деятельности управленца и менеджера в ситуации конфликта.

Главные профессиональные требования в работе с инновационными конфликтами.

1. Умение распознавать конфликт на стадии зарождения. Большинство управленцев не видят конфликты в организациях, стремятся их скрыть, «загнать в подполье», поскольку считают, что они являются показателем их некачественной работы, они не считают важным (или не знают как) создавать инновационный климат в коллективе, ослабляющий протест и актуализирующий конструктивный конфликтный потенциал коллектива, ими игнорируется или упускается из виду конструктивная функция конфликта.

2. Умение выявлять наличие конструктивного конфликтного потенциала. Обнаружение конструктивной составляющей в конфликте требует дифференциации сложно переплетенных между собой многочисленных факторов конфликтной реальности. Например, конфликтное действие и процесс коммуникации в конфликте представляют собой два пространства: системно-конфликтное и коммуникативное. Если у управленцев нет такого разграничения, то процесс регулирования конфликта и его дооформление будет сложен и долог, что часто способствует появлению в конфликте тех лиц (групп), которые стремятся использовать его в своих целях.

3. Умение технологично и осознанно начинать процесс дооформления конфликта. Под процессом дооформления имеется в виду процесс поиска смысла конфликта; выявление предмета, сути, правового аспекта; интерпрета-

ция фактов, анализ, который оказывает существенное влияние на формирование общественного мнения и отношения к ситуации. Стихийное (или организованное) появление вторичных конфликтов по поводу интерпретации конфликтных действий – область, которая должна быть в поле зрения организационного конфликт-менеджмента.

4. В анализе конфликта необходимо применять стандарт организационного конфликт-менеджмента, который представляет собой совокупность приемов, техник и методов вмешательства, направленных на конфликтный процесс с целью актуализации конструктивного конфликтного потенциала и направления его в благоприятное русло. Владение конфликтом означает, что возможные разрушительные для организации последствия могут быть минимизированы, ограничены, но без прямого (насильственного) воздействия управленцев на процесс.

Конфликт и конфликтное взаимодействие рассматриваются как необходимые предпосылки и условие для развития и внедрения новых идей, социальных и технических инноваций в организации, а также для интеллектуального, коммуникативного, эмоционально-психологического и профессионального развития личности.

Практика показывает, что типичными стратегиями поведения работников социальных служб в конфликтных ситуациях являются уход от коммуникации или компромиссное соглашение, сопровождающееся псевдокоммуникацией. Существуют три основные причины ухода от конфликта:

– традиционное представление о конфликте как о нежелательном и негативном явлении в организации;

– отсутствие у специалистов профессиональных средств распознавания конфликта на ранней стадии его зарождения, средств проектирования, сохранения конструктивного конфликтного потенциала в процессе реализации инновационного проекта;

– наличие страха перед конфликтом – конфликтophobia.

Совокупность методических инструментов для программ обучения, направленных на повышение уровня управленческих решений в ситуациях межличностных, межэтнических или межконфессиональных конфликтов, складывается из методических инструментов, используемых на нескольких уровнях:

а) уровне развития необходимой социально-психологической компетентности (связанного в данном случае с ключевой личностной харак-

теристикой «конфликтность-неконфликтность» личности работника социальной сферы);

б) уровне формирования (развития) профессиональной компетентности (связанного в данном случае с «психологической устойчивостью-неустойчивостью личности» вообще и в частности с такой важной характеристикой личности, как «конфликтоустойчивость-неконфликтоустойчивость»);

в) уровне формирования (развития) конфликтологической компетентности специалиста социальной сферы как необходимой составляющей его социально-психологической и профессиональной компетентности.

Обучение на этом уровне содействует формированию адекватных ситуаций, психологических установок, а также формированию навыков и умений, которые помогут:

– оптимально организовать свое поведение в трудных ситуациях социального взаимодействия;

– бесконфликтно решать проблемы в отношениях с другими людьми;

– контролировать собственные эмоции, мотивации и оценки в конфликтной ситуации;

– способствовать формированию психологических установок.

Неотъемлемым элементом конфликтологической компетентности является конфликтоустойчивость личности, включающая мотивационный, эмоциональный, волевой, психомоторный компоненты.

Мотивационный компонент конфликтоустойчивости личности развивает адекватное восприятие в предконфликтной или конфликтной ситуации, направленность побуждений на совместный поиск путей разрешения противоречия; способствует оптимальному поведению в конфликтной ситуации; обеспечивает возможность корректировки отстаиваемых интересов.

Эмоциональный компонент конфликтоустойчивости личности включает: формирование (развитие) умения управлять своим эмоциональным состоянием в предконфликтных и конфликтных ситуациях; формирование способности открыто выражать эмоции, не переходя в депрессивные состояния при затягивании или проигрыше в конфликте.

Волевой компонент конфликтоустойчивости личности способствует формированию умения регулировать свое эмоциональное возбуждение в конфликтной ситуации и обеспечивает: толерантность, терпимость к чужому мнению, самоконтроль, умение дать объективную оценку конфликта, умение сводить к минимуму искажение восприятия.

Психомоторный компонент конфликтоустойчивости личности будущего работника социальной сферы обеспечивает правильность поведения и действий, их четкость и соответствие конфликтной ситуации, развитие умения владеть собой, управлять жестикомикой и мимикой, контролировать свои действия и др.

В процессе обучения необходимо сформировать устойчивые представления о том, что конфликтологическая компетентность является необходимой составной частью профессиональной компетентности специалиста социальной сферы.

Выбор методического инструментария для ее формирования обусловлен целями:

- формирование (развитие) установок, навыков и умений, обеспечивающих способность руководителя в реальном конфликте осуществлять деятельность, направленную на минимизацию деструктивных форм конфликта и перевода социально-негативных конфликтов в социально-позитивное русло, то есть:

- формирование (развитие) осведомленности о диапазоне возможных стратегий конфликтующих сторон;

- умение оказать содействие в реализации конструктивного взаимодействия в конкретной конфликтной ситуации, которое реализуется в навыках и умениях, обеспечивающих: сбор информации о конфликте; уточнение информации о конфликте; анализ конфликтной ситуации; выбор верной модели медиаторства; выбор адекватной обстоятельствам конфликта стратегии разрешения конфликта; снятие послеконфликтной напряженности; анализ предпринятых действий по разрешению конфликта.

Таким образом, необходимо очертить круг задач, которые необходимо поставить не только применительно к конфликту как структуре и процессу, но и относительно самих конфликтующих людей:

1. Конструктивно осознать все основные ценности, которые находятся во взаимодействии в конфликте, а также элементы конфликта как целостного объекта.

2. Узнать необходимые и достаточные условия, закономерности перехода одного этапа конфликтной ситуации в другой, а также из одной ситуации конфликта в другую.

3. Уметь спрогнозировать будущую конфликтную ситуацию, которая создается конфликтом.

4. Захотеть конструктивно изменить ситуацию и воспользоваться конфликтом как средством для достижения своей цели с учетом цели другой стороны. Цель и задачи необходимо научиться ставить и формулировать самостоятельно, беря на себя ответственность за собственные действия, эмоции, чувства, самоопределение в конфликте

5. Найти смысл и место данного конфликта в жизненной стратегии.

На решение этих задач и направлена подготовка специалистов социальной сферы в вузе к деятельности в конфликтных ситуациях.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Вишнякова, Н. Ф. Конфликт – это творчество / Н. Ф. Вишнякова. – Мн., 1994.
2. Митяева, А. М. Индивидуализация образовательной деятельности студентов вузов: монография / А. М. Митяева. – СПб., 2003.
3. Цой, Л. Н. Практическая конфликтология / Л. Н. Цой. – М., 2005.

УДК 378.
ББК 74.58

Н. В. Тельтевская

УСЛОВИЕ ФОРМИРОВАНИЯ ГОТОВНОСТИ СТУДЕНТОВ К ТВОРЧЕСКОМУ ПРИМЕНЕНИЮ ЗНАНИЙ

Саратовский государственный социально-экономический университет

В статье рассмотрены возможности реализации междисциплинарных связей как условия готовности студентов к творческому применению знаний. Приводятся данные исследования проблемы формирования системы профессиональных знаний у будущих специалистов.

Ключевые слова: готовность, междисциплинарные связи, межсистемные ассоциации, система профессиональных знаний, творчество.

N. V. Teltevskaia

THE CONDITION OF FORMING OF STUDENTS' PREPAREDNESS FOR CREATIVE USAGE OF KNOWLEDGE

The article deals with the possibilities of interdisciplinary connections realization as a condition of students' preparedness for creative usage of knowledge. The investigation data on the problem of forming of the system of professional knowledge of future specialists are given.

Keywords: preparedness, interdisciplinary connections, intersystem associations, system of professional knowledge, creative work.

Решение проблемы формирования системы профессионально-педагогических знаний неразрывно связано с поиском ответа на вопрос о готовности к профессиональной деятельности. Наличие профессиональных знаний и умение оперировать этими знаниями в практической деятельности – явления не рядоположенные. На практике специалист сталкивается с огромным количеством самых разнообразных фактов, явлений и ситуаций, для анализа которых и нахождения оптимальных путей решения требуется не репродуктивная деятельность, но творческое осмысление.

Знания являются необходимым элементом и предпосылкой практической деятельности. П. В. Копнин пишет: «Труд человека предполагает знание, дальнейшее определение которого связано с установлением его места в практической деятельности». Для того, чтобы знание служило средством практического овладения процессами и вещами, оно должно иметь их в своем содержании, отражать свойства и закономерности объективной реальности и видеть вещи не только такими, какими они могут быть в результате практической деятельности» [2, с. 16–17].

С мнением П. В. Копнина согласна Н. Ю. По-сталюк, утверждающая, что наука «строится в соответствии с принципом предметной определенности и аспектной чистоты» [4, с. 20]. Сложность вопроса заключается в том, что противоречие между наукой и практикой, имеющее и объективный, и субъективный характер, будет существовать всегда.

В психолого-педагогической литературе понятие «готовность» трактуется неоднозначно, каждый автор рассматривает его со своих позиций как:

- наличие способностей (С. Л. Рубинштейн и Б. Г. Ананьев);
- синтез свойств личности (В. А. Крутецкий);
- ситуативное состояние (П. А. Рудик);
- сложное интегральное качество личности (В. И. Ширинский);
- психологический и нравственный показатель личности (Л. В. Кондрашева);
- убежденность и умение осуществлять данную работу (Л. В. Романенко, П. П. Мочалова, Н. М. Романенко).
- способность и стремление использовать специальные знания для решения воспитательных задач (В. И. Данильчук и Э. Мехлова);

- особое психическое состояние, наличие у субъекта образца структуры определенного действия и постоянной направленности сознания на его выполнение (В. А. Сластенин).

Имеют место различные подходы к раскрытию данного понятия, которые касаются не только психологических свойств личности, при этом усматривается непосредственная связь с процессом приобретения знаний, которые должны стать инструментом профессиональной деятельности. Умения оперировать приобретенными знаниями являются, по мнению большинства исследователей, основой профессионального мастерства и признаком профессиональной квалификации.

Определяющим условием, детерминирующим готовность к профессиональной деятельности, является усвоение студентами системы профессиональных знаний. Неслучайно К. Д. Ушинский, называя ум организованной системой знаний, утверждал, что только «система, конечно, разумная, выходящая из самой сущности предметов, дает нам полную власть над нашими знаниями» [7, с. 355].

Особую роль в формировании системных знаний играют междисциплинарные связи, необходимость реализации которых в учебном процессе обусловлена: характерными особенностями современного развития наук – их дифференциацией и интеграцией; концептуальным единством научного знания, проявляющимся, в частности, в концептуальном единстве профессиональных знаний; предъявляемыми на современном этапе требованиями к качеству подготовки будущих специалистов и необходимыми в соответствии с этим изменениями в учебном процессе.

Именно системные знания, как раскрывается во многих исследованиях, способствуют развитию в процессе обучения, так как влекут за собой существенную перестройку и совершенствование логической структуры методов и приемов учения; они же обуславливают и познавательную самостоятельность студентов.

Междисциплинарные связи содействуют развитию у будущего специалиста способности и привычки к комплексному рассмотрению изучаемых объектов и явлений, к синтезированию знаний и способов деятельности из разных областей, тем самым обуславливая формирование профессионального мышления.

Данное мнение основывается на результатах глубоких исследований, проведенных

учеными. Как утверждает С. Л. Рубинштейн: «...к познанию своего предмета и разрешения стоящей перед ним задачи мышление идет посредством многообразных операций... Таковыми являются сравнение, анализ и синтез, абстрагирование и обобщение. Все эти операции являются различными сторонами основной операции мышления – «опосредования», т. е. раскрытия все более существенных связей и отношений» [5, с. 296].

Эта точка зрения поддерживается многими исследователями, которые также говорят о единстве содержательной и операционной структур деятельности.

Психологами теоретически доказано и экспериментально подтверждено, что мышление по своей природе системно и развивается за счет образования системообразующих связей, и принцип системности в работе мозга общий для физиологических и психологических процессов, все психические функции основываются на ассоциативных связях, и собственно система знаний формируется на этой основе. Достижение высоких результатов в обучении невозможно без глубокого осмысления сущности междисциплинарных связей, их роли в создании и развитии межсистемных ассоциаций.

Межсистемные ассоциации приобретают первостепенное значение в формировании ума человека, и ассоциативная природа мышления определяет понимание процесса усвоения знаний только в тесной связи с их применением, в результате чего формируется сложная система ассоциаций, отражающих связи между предметами и явлениями реальной действительности. Формирование системных знаний влияет на мировоззрение, содействует превращению знаний в убеждения. Развитие межсистемных ассоциаций, подчеркивает Ю. А. Самарин, идет в трех направлениях [6].

Первое направление в развитии межсистемных ассоциаций имеет особое значение в формировании системы профессиональных знаний, так как определяет их мировоззренческую направленность. Междисциплинарные связи содействуют формированию научного мировоззрения, которое выступает в качестве методологического ориентира в познании и оценке явлений и фактов действительности. Оно охватывает все компоненты общественного сознания, в которых отражается объективная действительность. Мировоззрение призвано всесторонне отражать единую научно-

философскую картину мира и закономерности его познания. Поэтому формирование системных знаний требует усиления философских обобщений при изучении естественно-научных и гуманитарных дисциплин. Междисциплинарные связи способствуют усвоению мировоззренческих идей (философских, политических, общенаучных) как универсальных форм знания, в которых выражено содержание, способ и отношение к нему.

Второе направление, в сущности, раскрывает условие формирования диалектического метода познания. Формирование системы профессионально-педагогических знаний, отражающих взаимосвязи различных подсистем (компонентов), является одной из основных образовательных функций междисциплинарных связей. В процессе обучения при условии реализации междисциплинарных связей студенты усваивают ведущие идеи, категории, понятия, которые являются основой для формирования определенных взглядов, убеждений, ценностных ориентаций. В результате использования многообразных умений, выработанных при овладении различными знаниями в разных системных отношениях, у студентов формируется диалектический метод познания.

Третье направление приобретает практическую ценность, ибо содействует формированию умений применять знания в новых ситуациях, так как в повседневной практической деятельности учителям приходится сталкиваться с множеством задач, требующих неформального решения. Установление новых связей ведет за собой раскрытие неизвестного, получение нового знания. Следовательно, междисциплинарные связи раскрывают двойственную природу знаний как продукта и метода познания. В свою очередь это приводит к активизации познавательной деятельности и развитию познавательных возможностей обучаемых. Реализация междисциплинарных связей создает в учебном процессе единство содержательной, операционной и мотивационной сторон познавательной деятельности.

Формирование системы знаний приобретает познавательный и практический смысл, так как вооружает студентов знанием научной методологии и целостной стратегии. Системный характер профессиональных знаний проявляется в последовательном отражении взаимопроникновения различных научных дисциплин, в тенденции к междисциплинарному синтезу.

В практической деятельности будущий специалист, встречаясь с самыми различными явлениями и фактами, должен осуществить переход от эмпирического мышления к теоретическому осмыслению, чтобы проникать в причинно-следственные связи происходящих процессов, осуществлять рефлексию своей деятельности, объяснять успехи и неудачи, уметь прогнозировать результаты своей работы. Теоретическое осмысление должно быть направлено на раскрытие существенных связей, отношений, что обязательно предполагает наличие соответствующих знаний.

Следовательно, знания различных дисциплин в их взаимосвязи предоставляют большие возможности для их практического использования. С. И. Архангельский полагает, что использование «общих принципов, понятий и закономерностей систематизирует научные знания, облегчает понимание существа науки и указывает оптимальный путь для ее приложения» [1, с. 327].

Вместе с тем функционирование систем связано с процессами восприятия и переработки информации, управления и саморегуляции. В работах философов показано, что при практическом применении системные знания способны изменять свою структуру, сохраняя в то же время целостность, действуя в рамках закономерностей, присущих окружению, выбирать одну из важных линий поведения.

Необходимо отметить, что речь должна идти о готовности к творческой деятельности, которая присуща профессионалу. А. Я. Пономарев показывает, что для творчества решающее значение имеет не обилие знаний, а «их структура, психологический тип усвоенных знаний, определяемый типом деятельности, в которой они приобретались» [3, с. 269].

К полноценной творческой деятельности, утверждает А. Я. Пономарев, способен человек, обладающий развитым внутренним планом действий, без которой он не только не сможет «ассимилировать нужным образом сумму специальных знаний той или иной области трудовой деятельности, необходимую для ее дальнейшего развития,... полноценным образом сформировать свои убеждения, мотивы, интересы, притязания, ... то есть личностные особенности, без которых невозможно подлинное творчество» (3, с. 269). Более того, ученый указал, что отсутствие необходимой связи усваиваемых знаний и тех требований, которые сле-

дует предъявить их составу, негативно скажутся на развитии внутреннего плана действий, без которого немислимо творчество.

Творческая деятельность в любой области, по мнению Н. Ю. Посталюк, предполагает предварительное овладение достаточно большим объемом хорошо систематизированных знаний, ее характеризуют следующие показатели:

- способности к видению проблемы как важнейшее качество, определяющее системность практико-познавательного процесса;
- оригинальность мышления, раскрывающаяся в способности смотреть на предмет нетрафаретно, увидеть его в новом свете;
- диалектическое мышление как важнейшая интегральная характеристика творческого стиля деятельности;
- легкость ассоциирования как способность создавать новые психологические образования;
- легкость интегрирования идей или способность генерирования идеи;
- способность к оценочным действиям и критичность мышления, рассматриваемая как строго контролируемое отношение к поступающей информации;
- способность к широкому переносу знаний [4, с. 75–77].

По-видимому, не все показатели, выделенные названным автором, являются бесспорными. В статье приведены лишь те, с которыми надлежит согласиться.

Какой бы показатель творческой деятельности не был взят, его сформированность будет детерминирована наличием системы знаний, специфика которой определится реализацией междисциплинарных связей.

В процессе усвоения системных знаний студентами осознаются взаимосвязи между различными дисциплинами, что необходимо для глубокого научного познания и теоретического осмысления явлений и процессов. Одновременно формируются установки для использования их в практической деятельности, развивается диалектическое мышление посредством осознания студентами двойственной природы знаний как результата и метода познания, всеобщей связи явлений и процессов, что способствует значительному повышению эффективности подготовки будущих специалистов.

На основе междисциплинарных связей формируются способности к синтезированию знаний из различных областей; рассмотрению

всех объектов и явлений в их взаимосвязи и развитии; применению этих знаний в практике на основе широкого переноса в новые ситуации. В процессе усвоения системных знаний вырабатываются определенное отношение к ним и ценностные ориентации; развиваются познавательные потребности, реализующиеся в активной и самостоятельной познавательной деятельности, что обуславливает создание внутреннего плана действий.

Разумеется, междисциплинарные связи не могут подменить все другие виды связей и раскрыть всю полноту решения поставленной проблемы, но их реализация в учебном процессе является важнейшим условием формирования системных знаний и позволяет раскрыть такую характерную особенность научного знания, как процесс интеграции различных наук, составляющих теоретический фундамент профессиональной подготовки.

Изложенное позволяет с достаточным основанием говорить о том, что реализация междисциплинарных связей в учебном процессе обеспечивает усиление профессионализации

учебных дисциплин путем отбора содержания материала; овладение диалектическим методом познания, обобщенными способами познавательной деятельности; формирование умений осуществлять перенос знаний в новые ситуации, тем самым выступая как условие готовности будущего специалиста к творческому применению знаний.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. *Архангельский, С. И.* Учебный процесс в высшей школе, его закономерные основы и методы / С. И. Архангельский. – М.: Высшая школа, 1978. – 368 с.
2. *Копнин, П. В.* Проблемы мышления в современной науке / П. В. Копнин. – М., 1964. – 164 с.
3. *Пономарев, Я. А.* Психология творчества и педагогика / Я. А. Пономарев. – М.: Педагогика, 1976. – 280 с.
4. *Посталюк, Н. Ю.* Творческий стиль деятельности: педагогический аспект / Н. Ю. Посталюк. – Казань: Изд-во Казанск. ун-та, 1989. – 206 с.
5. *Рубинштейн, С. Л.* Основы общей психологии / С. Л. Рубинштейн. – М.: Учпедгиз, 1946. – 704 с.
6. *Самарин, Ю. А.* Очерки психологии ума / Ю. А. Самарин. – М.: Изд-во АПН РСФСР, 1962. – 504 с.
7. *Ушинский, К. Д.* О преподавании русского языка / К. Д. Ушинский // Собр. соч. – М., 1952. – Т. 5. – С. 355.

ББК Ч481.22
УДК 378.013

И. Г. Луева

МЕТОДОЛОГИЧЕСКАЯ КОМПЕТЕНТНОСТЬ ИНЖЕНЕРА: ГУМАНИТАРНО-ЦЕЛОСТНЫЙ ПОДХОД

Волгоградский государственный технический университет

На основе анализа категорий «методология», «методологическая и профессиональная деятельности инженера» уточнено определение исследуемого феномена. Представлены функции методологической компетентности в деятельности инженера, ее структура и модель развития.

Ключевые слова: методология, методологическая и профессиональная деятельность инженера, компетентность, развитие, функции, структура.

I. Luneva

THE METHODOLOGICAL COMPETENCY OF ENGINEER: HUMANITARIAN AND HOLISTIC APPROACH

Volgograd state technical university

The analysis of such notions as methodological and professional activity of the engineer allowed refining a definition of the research phenomenon. The functions of methodological competency of the engineer, its structure and a model of education are given.

Keywords: methodology, methodological and activity of the engineer, competency, education, function, structure.

Для обоснования правомерности выделения методологической компетентности в контексте совершенствования подготовки инженерных кадров в техническом вузе нужно понимать, что рынку труда требуются инженеры эрудиро-

ванные, методологически грамотные, готовые использовать в процессе решения теоретических и практических задач адекватные методологические средства, обладающие набором личностных качеств, необходимых для реше-

ния поставленных задач, то есть специалисты с хорошо развитой методологической компетентностью. Такая постановка проблемы заставляет прежде всего определиться в трактовке понятия «методологическая компетентность инженера».

С позиций гуманитарно-целостного подхода при исследовании любого новообразования (качества, свойства) специалиста анализируют как минимум в трех аспектах: нормативном, смысловом и ценностном; изучают динамические (процессуальные) характеристики, делая акцент не на их противоречиях, а на взаимодействии (Н. М. Борытко).

Необходимо внести терминологическую ясность в содержание понятий «компетентность» и «компетенция». В педагогической науке компетенция определяется как изначально заданное требование (норма) к образовательной подготовке личности. Компетентность в словарях и авторских определениях трактуется как состоявшееся личностное качество (совокупность качеств) субъекта по отношению к какой-либо его деятельности и воспринимается педагогами как конечный результат обучения на той или иной ступени образования, как реализованные компетенции и как качество специалиста.

Прежде чем рассмотреть понятие «методологическая компетентность инженера» с позиций гуманитарно-целостного подхода, необходимо обратиться к общему понятию «методологическая компетентность», в понимании сущности которой нет единого мнения. Ее определяют: как особый тип организации знаний и исследовательских умений, а также набор личностных качеств, необходимых для проведения научного исследования; как готовность и способность к научному поиску, что предполагает проявление методологической культуры, умение качественно и эффективно организовать и провести исследование, обработать результаты и сделать выводы, оформить научный текст, в котором отражены результаты и ход научного поиска, суметь четко и ясно представить и защитить свои результаты; как определенный уровень методологической культуры, обусловленный наличием у специалиста способности использовать в процессе решения теоретических и практических задач адекватные методологические средства (Н. С. Рыбаков). Рассматривая методологическую компетентность как составляющий компонент общеучебной (предпрофессиональной) компетент-

ности обучающихся, ее трактуют как подготовленность и способность обучающегося к выполнению задач и обязанностей по овладению учебным материалом, который представляет собой систему теоретико-методологического знания и ценностных ориентаций, направленных на развитие теоретического, «организованного мышления» познавательной исследовательской деятельности (В. В. Давыдов).

Неоднозначность определения методологической компетентности объясняется, по мнению автора, тем, что оно опирается на несколько важных понятий: «методология», «методологическая деятельность», «компетентность», каждое из которых интерпретируется разными исследователями по-разному.

Многообразие трактовок понятия «компетентность» побудило проанализировать понимание природы компетентности, которая является для рассматриваемого феномена родовым понятием. В статье «Природа методологической компетентности инженера и ее целостные свойства» [1] проведенный многосторонний анализ работ (И. А. Зимняя, Н. В. Кузьмина, А. К. Маркова, Дж. Равен, Ю. Г. Татур, А. В. Хуторской и др.) позволил сделать следующий вывод: *компетентность, являясь системно-целостной, интегративной характеристикой самоорганизующегося субъекта и продуктом его саморазвития, создает для специалиста такие условия, которые позволяют ему функционировать в процессе производственной деятельности всеми своими качествами, обеспечивая универсальность и результативность своей деятельности.* Компетентность служит человеку в течение всей его жизни, постоянно развивается и совершенствуется. Она является ценностью для специалиста, поскольку представляет активно действующую, актуальную силу, которая дает возможность своему носителю всегда достигать намеченных конкретных целей в данных реальных обстоятельствах. Такой подход к компетентности как к ценности соответствует современным взглядам на проблему качеств человека как важнейшего источника прогресса в обществе.

Та же самая неоднозначность обнаруживается и в понимании методологии, которая определяется как наука о методах познавательной деятельности, формах выражения (представления) результатов этой деятельности, закономерностях развития и функционирования форм выражения (представления) знания, а также о

способах применения методов для получения искомых результатов. Она обращена как к концептуально-содержательному, так и предметному аспекту профессионально-исследовательской деятельности субъекта (Э. Г. Юдин). Методологию определяют как учение о способах организации и построения теоретической и практической деятельности во всевозможных сферах человеческого общежития (А. Л. Грицанов, Г. П. Щедровицкий и др.). Автору импонирует определение методологии, предложенное А. М. Новиковым: «Методология – это учение об организации деятельности». При этом, находясь в тесном единстве, методология и деятельность взаимодействуют друг друга. Методология задается природой деятельности, которая в свою очередь направляет, регулирует и ориентирует исследование, выявляет и активизирует механизмы решения проблемных задач. По словам Е. В. Бондаревской, рассматривая методологию деятельности специалиста, необходимо учитывать два важных положения: специалист должен смоделировать (составить) для себя общую картину профессиональной действительности и определить схему своей деятельности в рамках полученной картины.

Анализ инженерной деятельности показал (Н. Г. Багдасарьян, В. Ф. Мануйлов, Б. С. Митин, Р. М. Петрунева и др.), что одним из оснований инженерного дела является методологическая деятельность. Она не только является основой природы методологической компетентности, но и способом реализации субъектом своих методологических возможностей и способностей как специалиста.

Существует расширительное толкование методологической деятельности. Во-первых, методологическая деятельность связана со специфическим оперированием методологическими средствами деятельности в сфере производства. Под методологическими средствами понимают совокупность принципов, подходов, приемов, методов, теоретических положений, обладающих способностью быть требованием, регулятором познавательной и практической деятельности специалиста. Во-вторых, методологическая деятельность направлена на поиск наиболее оптимальных, эффективных методологических средств для решения данной инженерной проблемы. Под поиском понимается процесс нахождения адекватных для решения соответствующих задач методологических средств, включающих в себя действия субъекта

по отбору и выбору из совокупности отобранных методологических средств решения инженерной проблемы наиболее оптимальных из них, а также процесс формирования новых средств регулирования и решения производственных проблем. В-третьих, методологическая деятельность может проявляться как в формировании новых методологических средств, если решается новая, техническая, технологическая или управленческая проблема, так и в поиске наиболее оптимальных методологических регулятивов из числа известных и апробированных, если требуется решить стандартные производственные задачи.

Необходимо подчеркнуть, что методологическая деятельность как одна из составляющих природы методологической компетентности и как условие ее проявления по форме и средствам своей реализации совпадает с методологическим мышлением специалиста и невозможна без методологической рефлексии. Методологическое мышление – это процесс отражения методологических средств, устанавливающий необходимую связь между содержанием проблемы и адекватными ей методологическими средствами для ее решения. Методологическая рефлексия – это размышление над самим собой, своей методологической деятельностью при решении производственных проблем, в процессе которой происходит поиск ответов на вопросы о том, что я делаю; как; почему. Функция методологической рефлексии не заканчивается решением исследовательских и поисковых задач, а обеспечивает устойчивые условия психологического сопровождения развития методологической компетентности в процессе саморазвития специалиста. Методологическая рефлексия, последовательно способствуя формированию различных видов обобщений, объединяет в себе теоретическую рефлексию и рефлекссию собственной практики инженера.

Для уточнения понимания методологической компетентности инженера, необходимо выявить специфику инженерной действительности. Инженер в современном смысле слова есть специалист, решающий проблемы проектирования, конструирования, функционирования, практического применения техники и технологии на научной основе. Исторически устойчивым ядром инженерного дела является *исследовательская деятельность*, которая носит ярко выраженный научно обоснованный, очень часто творческий характер. Результатом

исследовательской деятельности инженера является появление не только идей, но и вещей, то есть техники и технологии. Инженерная деятельность является творческой метанаучной деятельностью. На материале решения инженерных задач доказано, что успех их решения определяется основными методами, умениями, навыками и методологической ориентировкой [2, с. 41–43]. Но инженер действует не только среди разнообразных технических устройств, но и среди людей, также находящихся в различных отношениях с техникой, технологией, техносферой (В. Ф. Мануйлов, Б. С. Митин, Р. М. Петрунева и др.). Поэтому инженер в сфере производства занимает двойственное положение. С одной стороны, он выступает как личностный элемент производительных сил, с другой – как активно действующий субъект производственных отношений. Как субъект производственных сил он соединяет факторы производства, приводит их в движение в процессе целесообразной деятельности, требующей от него владения определенными составляющими методологической компетентности. Как субъект производственных отношений инженер совершает иную деятельность, то есть вступает в отношения с другими субъектами по поводу того или иного аспекта профессиональной деятельности. В данном случае нужна иная составляющая методологической компетентности. Без наличия такой составляющей специалист не может стать субъектом производственных отношений, то есть иметь возможность принимать решения, осуществлять выбор вариантов своей деятельности и нести за них ответственность. Следовательно, методологическая компетентность инженера не может рассматриваться вне сферы его профессиональной деятельности (инженерной действительности), вне специфических особенностей его методологической деятельности, рефлексии и методологического мышления.

Итак, *методологическую компетентность инженера* можно определить как *системно-целостное, интегральное новообразование самоорганизующегося субъекта, которое является ценностью для него, обеспечивает субъективный характер участия в методологической деятельности, обусловленной производительными силами и производственными отношениями, позволяет своему носителю методологически обоснованно выстраивать общую картину инженерной действительности,*

определять для себя схему деятельности в этой действительности (то есть создавать или находить модели, алгоритмы, проекты, схемы, методики решения или исследования различного рода инженерных задач), осуществлять поиск и отбор результативных способов их решения на основе методологической рефлексии, в ходе которой он осознает смысл и реализует контроль и корректировку своей методологической деятельности.

Определены функции методологической компетентности в деятельности инженера: гносеологическая, побудительно-рефлексивная, регулятивная, аксиологическая и гуманитарно-онтологическая (интегрирующая функция). Структура и состав методологической компетентности представляет собой целостную систему взаимодополняющих и частично самоорганизующихся компонентов: содержательно-операционный, мотивационный, ценностно-смысловой, эмоционально-волевой. Отличительной особенностью методологической компетентности инженера является состав содержательно-операционного компонента, в котором, наряду с методологическими знаниями, общенаучными методами познания и способами поисково-исследовательской деятельности, обязательно присутствуют математические методы и умения создавать оптимальные математические модели решения соответствующих задач.

Особое значение для создания методической системы формирования исследуемого феномена приобретает анализ его развития. В развитии методологической компетентности условно можно выделить два аспекта: процессуально-непрерывный и синергетический.

- Процессуально-непрерывный аспект развития – это системно-целостный процесс, который может быть представлен уровневой моделью (В. С. Ильин), включающей следующие четыре уровня системности: покомпонентный, частично-интегрированный, системный и само-развития.

а) Покомпонентный уровень характеризуется не только разрозненностью всех компонентов методологической компетентности, но и небольшим количеством элементов или их отсутствием в каждом из них. Связи между компонентами существуют, но они имеют случайный, неустойчивый характер. Методологическая компетентность как система развивается случайным образом, ее покомпо-

нентное развитие зависит от условий внешней среды, происходит бессистемно, хаотично, носит вынужденный и непродуманный характер. В силу такой зависимости происходит количественное накопление содержательно-операционного компонента, и, несмотря на то, что на этом уровне целостности роль интегрирующей функции может играть функция любого компонента, зачастую интегрирующей становится *гносеологическая функция*.

б) Частично-интегрированный уровень характеризуется появлением устойчивых связей между отдельными компонентами методологической компетентности. Как только устанавливаются причинно-следственные связи между компонентами и отдельные компоненты (особенно связанные с методологической рефлексией и смыслодеятельностью) системы начинают наполняться реальным содержанием, то происходит новая интеграция компонентов и образуются фрагменты структуры. Так, в результате интеграции содержательно-операционного и мотивационного компонента утверждается и реализуется *побудительно-рефлексивная функция*, которая в данном контексте становится интегрирующей для рассматриваемого уровня целостности. И хотя студенты проявляют заинтересованность в овладении математическими методами исследования, составлении математических моделей явлений и процессов, поиске и выборе способов решения возникающих проблем, многие из них не видят смысла овладения методологическим знаниями и способами исследования, в том числе и математическими.

в) Системный уровень развития методологической компетентности определяется наличием между всеми ее компонентами устойчивых связей. Отмечается количественное и качественное изменение ценностно-смыслового компонента, выстраивается ее внутренняя структура. Взаимодействие всех компонентов порождает интегрирующую функцию данного уровня целостности – *аксиологическую*. Развитие методологической компетентности происходит зачастую благодаря внешним условиям. Наблюдается частичное взаимовлияние внешней и внутренней структур методологической компетентности.

г) Уровень саморазвития – это уровень оптимального единства внешней и внутренней структур, когда связи между компонентами становятся стабильными, выстраиваются в

иерархическую структуру. Методологическая компетентность становится целостным системным образованием, которое порождает новую интегрирующую функцию – *гуманитарно-онтологическую*. Эта функция является интегрирующей для всех остальных, гармонично проявляющихся функций методологической компетентности.

• Для выделения синергетического аспекта развития методологической компетентности необходимо рассмотреть первоначальный смысл синергетики. Синергетика – это теория самоорганизации в системах различной природы (Г. Хакен). Феномен самоорганизации системы возникает как от внутреннего взаимодействия между компонентами системы, так и от энергетического взаимодействия системы с окружающей средой. Поэтому можно утверждать, что методы, ценностные установки, смыслы, проявляемые носителем методологической компетентности на каждом уровне ее развития, будут изменяться в соответствии с ситуациями, в которых он находится. Синергетический аспект развития методологической компетентности позволяет рассматривать динамику ее самоорганизации как непрерывное разрушение старых и возникновение новых структур. В таком движении происходят новые бифуркации, то есть новые перестройки, в результате которых рождаются качественно новые структуры, не имеющие до сих пор аналогов, создаются уникальные образования (Н. Н. Моисеев). Точки бифуркации – это кризисные точки развития методологической компетентности. Исследования показали, что кризисная модель развития методологической компетентности состоит из трех крупных фаз. На первой фазе кризисная точка (период кризиса) обусловлена отсутствием методологических знаний и методов познания действительности. На второй фазе кризисная точка характеризуется отсутствием смысла, непониманием студентов необходимости владения методологической компетентностью. Период кризиса третьей фазы обусловлен отсутствием ценностного отношения к методологической компетентности, ценностных установок на понимание и познание окружающей действительности.

Движущей силой перехода из одной фазы в другую выступает противоречие между потенциалом студента, достигшего определенного уровня компетентности, и новыми функциональными возможностями, актуализируемыми на следующем уровне развития компетентности.

Ход непрерывно-процессуального и синергетического аспектов развития методологической компетентности, переход от одного уровня к другому происходит на основе внешних механизмов. К группе внешних механизмов развития компетентности, направленных на актуализацию системы ее компонентов различного уровня целостности, можно отнести механизмы самопостроения, стремление к самореализации и саморазвитию. Миропознание как механизм обуславливает включенность методологической компетентности в процесс постижения общих подходов к исследованию различных явлений окружающего мира. Элементы таких механизмов актуализируются функциями методологической компетентности, которые направлены на методологическое саморазвитие, самообразование специалиста с целью достижения оптимальных результатов в профессиональной деятельности.

Рассмотрение двух аспектов развития методологической компетентности позволяет утверждать, что развитие методологической компетентности – это чередование относительно спокойных периодов с резкими скачками, которые представляют собой своеобразный прорыв в развитии, отделяющий одну стадию процесса от другой. Это еще раз подтверждает и доказывает правомерность гуманитарно-целостного подхода к пониманию анализируемого феномена и позволяет нам более обоснованно смоделировать процесс развития методологической компетентности.

Итак, методологическая компетентность проявляется в профессиональной деятельности инженера и обуславливается его личностными свойствами, индивидуальными особенностями и субъектными характеристиками. Включение

в состав методологической компетентности ценностей и смыслов вскрывает ее гуманитарную сущность.

Модель развития методологической компетентности может быть представлена как взаимодействие двух моделей: уровневой или содержательно-процессуальной и кризисной. А сам ход развития будет происходить за счет единства или превалирования одного из механизмов, направленных на постижение смысла овладения методологическими знаниями и способами методологической деятельности, на схватывание и удержание в целостности разрозненных компонентов методологической компетентности на основе их единого смысла, на подведение этой целостности под ценность. Это соответствует утверждению Дж. Равена о том, что развитие компетентности должно основываться на системе личных ценностей.

Знание сущностных характеристик методологической компетентности инженера, модели ее развития дает возможность с позиций гуманитарно-целостного подхода более обоснованно выстроить методическую систему формирования исследуемого феномена при изучении учебных дисциплин в техническом вузе.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Лунева, И. Г. Природа методологической компетентности инженера и ее целостные свойства / И. Г. Лунева // Известия Волгоградского государственного педагогического университета № 1 (35) / ВГПУ. – Волгоград: Перемена, 2009. – С. 134–138 (Серия «Педагогические науки»).
2. Петрунева, Р. М. Гуманитаризация инженерного образования: дисс. ... д-ра пед. наук / Р. И. Петрунева. – Волгоград, 2001.

УДК 378.14
ББК 74.58

Ф. Р. Мифтахутдинова

МОДЕЛЬ ПРОЦЕССА ФОРМИРОВАНИЯ КВАЛИТАТИВНОЙ КУЛЬТУРЫ КГТУ им. А. Н. Туполева

Предложена модель формирования качественной культуры в образовательном пространстве высшей школы

Ключевые слова: качество; качественная культура; модель педагогического процесса; качественный тезаурус.

F. R. Miftakhutdinova

MODEL OF THE PROCESS OF THE SHAPING QUALITY CULTURES KSTU A. N. Tupoleva

Offered model of the shaping quality cultures in educational space of the high school.

Keywords: quality; quality culture; model of the pedagogical process; quality thesaurus.

В условиях рыночной экономики и жесткой конкурентной борьбы основным стимулятором дальнейшего развития производства и производственных отношений является качество. Решение проблемы повышения качества товаров и услуг заключается не только в совершенствовании техники и технологии, а и в формировании у человека культуры и качественного отношения к окружающей действительности, то есть квалитативной культуры. Квалитативная культура – это синтез квалитативных знаний, умений, навыков и опыта, нравственно-волевых качеств специалиста, его отношения к выполняемой работе и ответственности за ее качество перед собой и обществом, проявляющихся в процессе профессиональной деятельности и ее результатах.

Квалитативная культура определяет уровень развития специалиста, его личностные и нравственно-волевые качества, необходимые для плодотворной и качественной работы по избранной специальности. Специалист, хотя и обладающий определенными знаниями и навыками, но лишенный понимания ценностей культуры труда, стремления к качественным результатам своей деятельности и ответственности за них, никому не нужен.

Квалитативная культура инженеров как составляющая профессиональной культуры имеет следующее содержание (рис.1) [1]:

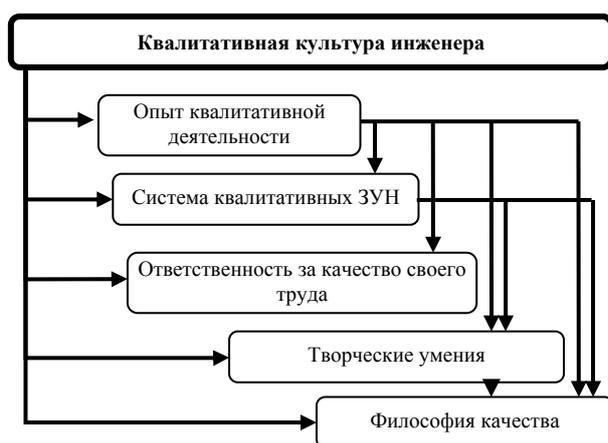

Рис. 1. Содержание квалитативной культуры

• *Опыт квалитативной деятельности.* Под опытом квалитативной деятельности понимается осведомленность и способность применять усвоенные знания и полученные навыки на практике в производстве для обеспечения и повышения качества.

• *Система квалитативных знаний, умений и навыков.* Система квалитативных ЗУН необходима для обеспечения высокого качества и конкурентоспособности продукции, для осуществления контроля и управления за качеством продукции. Квалитативная система умений и навыков обеспечивает формирование:

- умений и навыков прогнозирования, оценки качества и конкурентоспособности продукции на внешнем и внутреннем рынках;
- умений формировать номенклатуру показателей качества в процессе производства;
- умений использования количественных методов оценивания и контроля качества продукции в процессе производства;
- умений и навыков обеспечения требуемого качества продукции, возникающих при разработке новой продукции, при подготовке производства и в процессе серийного выпуска продукции;
- навыков осуществления контроля качества продукции;
- навыков эффективного управления качеством на всех этапах жизненного цикла продукции.

• *Нравственно-волевые качества и квалитативная ответственность.* Под нравственно-волевым понимается такое качество специалиста, которое при любых условиях не позволяет ему выполнять свою работу некачественно (делать свою работу некачественно также безнравственно, как лгать и воровать). Квалитативная ответственность – профессионально значимое качество, характеризующее ролевые обязанности специалиста осознанно выполнять совокупность объективно необходимых требований для достижения высокого качества производимой продукции и отчитываться за свои действия перед самим собой, коллективом и обществом.

Нравственно-волевые качества и квалитативная ответственность составляют основу профессиональной этики специалиста.

• *Творческие умения.* В данном случае творческие умения заключаются в способности использовать приобретенные знания и умения в области количественного оценивания и управления качеством продукции в нестандартных ситуациях, возникающих в процессе производства.

• *Философия качества.* Философия качества означает осознание приоритета качества, устойчивую внутреннюю потребность в посто-

янным повышении профессионального уровня в области обеспечения качества и готовность к самообразовательной деятельности для стремления к всеобщему качеству.

Квалитативная культура содержит три основных структурных компонента: мотивационный, когнитивный и операционно-деятельностный.

Мотивационный компонент ориентирован на формирование у студента готовности к деятельности, направленной на обеспечение высокого уровня качества, и интереса к ней в ходе выполнения. Мотивация в данном случае работает на формирование ответственности и осознание важности деятельности по управлению качеством. Когнитивный компонент включает систему квалитативных знаний. Операционно-деятельностный компонент предполагает освоение соответствующего инструментария квалитологии. Одним из основных условий получения необходимого результата являются квалитативные умения и навыки, поэтому операционно-деятельностный компонент реализуется в процессе освоения соответствующего инструментария квалитологии.

Необходимость моделирования педагогического процесса формирования квалитативной культуры у будущих специалистов диктуется следующими обстоятельствами:

а) такая модель позволяет снять противоречие между потребностью современного производства в специалистах с соответствующей квалитативной подготовкой и неразработанностью педагогических условий, позволяющих эффективно формировать данную культуру;

б) такая модель создает возможность для объединения и систематизации знаний в области качества;

в) такая модель позволяет сформировать у студентов необходимые умения и навыки в области контроля качества, количественной оценки и в области управления качеством продукции для будущей профессиональной деятельности.

Формирование квалитативной культуры будущих инженеров представляет собой особым образом организованный учебный процесс:

– воспитания и развития, направленный на понимание и осмысление производства качественной конкурентоспособной продукции и личной ответственности за реализацию своей деятельности;

– обучения, направленный на изучение основных аспектов проблем качества, в частности, методов количественной оценки, управления качеством и контроля качества.

Формирование квалитативной культуры необходимо осуществлять в процессе обучения на основе такой модели подготовки специалистов, которая обеспечивала бы постепенное наращивание квалитативной культуры и расширение области знаний и умений. При построении данной модели учитывались ее взаимосвязанные компоненты: цель, задачи, принципы, содержание и критерии.

В свете идеи гуманизации образования специфику построения модели формирования квалитативной культуры специалиста определяют личностно-ориентированный и деятельностный подходы. Обучение на основе личностно-ориентированного и деятельностного подходов требует:

– разработки содержания образования, дающего не только научные знания, но и метазнания, то есть приемы и методы познания;

– разработки специальных форм взаимодействия участников образовательного процесса [2, 3].

С учетом личностно-ориентированного и деятельностного подходов были выделены специфические принципы, которые рассматривались в качестве руководства при построении модели педагогического процесса. Принципы педагогического процесса отражают основные требования к организации педагогической деятельности, указывают ее направление, а в конечном итоге помогают творчески подойти к построению педагогического процесса.

Модель педагогического процесса формирования квалитативной культуры представлена на рис. 2.

Начальный этап формирования квалитативной культуры студента направлен на формирование квалитативного тезауруса и на его основе квалитметрической грамотности студента. Особое внимание на начальном этапе уделяется:

– формированию базовых познавательных умений;

– воспитанию нравственно-волевых качеств, которые определяют эмоционально-ценностное отношение к проблемам качества;

– формированию человека с сознанием необходимости открытой, честной конкурентной борьбы во всех сферах жизни;

Рис. 2. Модель педагогического процесса формирования качественной культуры

- воспитанию системы внутренних убеждений о качестве, о значимости для общества и личности качественной работы;
- формированию системного представления о технической и социально-экономической природе качества;
- теоретическим знаниям в области квалитетрии;
- формированию умений и навыков решения задач количественного оценивания показателей качества.

На начальном этапе необходимо стремиться к тому, чтобы у студентов произошло осмысление философии качества, а также профессионально обучить методам количественной оценки качества. Немаловажную роль играет процесс постижения студентами органической связи решаемых инженерных задач с проблемами качества жизни людей и всего общества, четкое понимание ими квалитативной ответственности за принимаемые профессиональные решения. В связи с этим определены основные направления педагогической работы со студентами по формированию квалитативной ответственности как профессионально значимого качества:

- создание положительной профессиональной мотивации через выявление смысла понятия "ответственность специалиста";
- знакомство студентов с требованиями, предъявляемыми к специалистам данной профессии;
- ситуации, моделирующие профессиональную деятельность специалиста, принимающего ответственные решения с целью воздействия на технологический процесс;
- обучение студентов самостоятельной деятельности через выполнение индивидуальных заданий;
- обучение будущих специалистов целеполагающим умениям, необходимым в деятельности по количественной оценке качества продукции;
- формирование самооценки как регулятора управления формированием ответственности.

Основной этап формирования квалитативной культуры будущего специалиста является продолжением развития квалитативного тезауруса и формированием на его основе квалитативной грамотности. Главные направления данного этапа:

- теоретические знания в области контроля, обеспечения и управления качеством;
- освоение основ и сущности системного подхода к управлению качеством, положений концепции TQM;

- теоретические знания в области стандартизации и подтверждения соответствия;
- формирование умений и навыков применения инструментов контроля и управления качеством продукции и решения задач по управлению и обеспечению качества;
- принципы построения систем качества на предприятиях конкретной отрасли;
- освоение основ управления деятельностью предприятия.

Данный этап направлен на изучение и осмысление принципов управления качеством, на профессиональное обучение методам контроля качества, управления и обеспечения качества, подтверждение соответствия качества установленным требованиям. Основным этапом завершается формирование квалитативной культуры в пределах вуза, результатом которой является сформированность ее основ.

Реализация модели формирования квалитативной культуры предполагает получение определенных результатов на каждом из этапов, которые нашли свое отражение в показателях сформированности данного качества. Результаты, получение которых необходимо на выходе второго этапа, представлены в таблице.

Показатели сформированности основ квалитативной культуры

Компоненты	Показатели
Операционно-деятельностный	Квалитативные умения и навыки; способность к самостоятельной учебно-познавательной деятельности
Мотивационный	Осознание социальной значимости производства качественной конкурентоспособной продукции; осознание личной ответственности за качество своего труда; интерес к изучению различных аспектов качества
Когнитивный	Квалитативные знания

Завершающий этап основывается на дальнейшем углублении квалитативного тезауруса, квалитативной грамотности и становлении квалитативной культуры в процессе профессиональной деятельности специалиста. На этом этапе формируется устойчивая внутренняя потребность к постоянному повышению профессионального уровня за счет самообразования, стремления к творческим поискам.

Государственная политика качества высшего образования призвана формировать культуру в образовательном пространстве высшей школы, а введение качественного культурного компонента помогает развитию ответственности человека за качество результатов своей деятельности и предоставляет ему возможность эффективно решать задачи обеспечения и повышения качества независимо от их типа и уровня.

УДК 338.24
ББК 65.291.2

Ю. И. Антонов

СУЩНОСТЬ И ВИДЫ УПРАВЛЕНЧЕСКИХ УМЕНИЙ

Вольское высшее военное училище тыла

В статье приводятся данные исследования по проблеме формирования управленческих умений будущих офицеров, раскрывается их сущность и специфика, дается характеристика видов управленческих умений.

Ключевые слова: управленческие умения, межкомпонентное знание, интеллектуальные, организационные и практические умения.

J. I. Antonov

ESSENCE AND TYPES OF MANAGEMENT SKILLS

The article reveals investigation data on the problems of forming of future officers' management skills, their essence and specificity, the characteristic of different types of management skills.

Keywords: management skills, intercomponent knowledge, intellectual, organizational and practical skills.

В работах по теории и методике профессионального образования уделяется значительное внимание формированию управленческих умений будущих специалистов. Однако их сущность и назначение трактуется по-разному, так как до настоящего времени нет единства в определении понятия «управленческие умения», которое требует своего уточнения.

Одни авторы говорят, что данные умения означают реализацию ведущих подходов к управленческой деятельности (В. С. Лазарев, Н. Стефанов, А. Я. Строилова); другие склонны относить к ним способы целенаправленного воздействия на субъектов управления (В. Г. Афанасьев, А. А. Орлов, П. И. Третьяков, Н. Д. Хмель, Т. И. Шамова и др.); третьи полагают, что это способы стимулирования и регулирования деятельности (А. Г. Данилова, В. С. Лазарев, В. Н. Максимова, Г. Х. Попов, М. М. Поташник, А. Г. Скорлотов).

Для раскрытия сущности понятия «управленческие умения» необходимо рассмотреть содержание понятия «управление», которое в научной литературе имеет различное толкование.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. *Мифтахутдинова, Ф. Р.* Формирование качественной культуры студентов технических вузов: дисс. канд. пед. наук / Ф. Р. Мифтахутдинова. – Казань, 2007. – 194 с.
2. *Леонтьев, А. Н.* Деятельность. Сознание. Личность / А. Н. Леонтьев. – М.: Политиздат, 1977. – 102 с.
3. *Якиманская, И. С.* Личностно-ориентированное обучение в современной школе / И. С. Якиманская. – М.: 1996.

В педагогической литературе по вопросу управления мнения неоднозначны. Анализ существующих подходов к данной проблеме в отечественной науке показал, что понятие «управление» рассматривается с трех позиций.

Во-первых, управление определяется как деятельность (А. Г. Данилова, В. С. Лазарев, В. Н. Максимова, Г. Х. Попов, М. М. Поташник, А. Г. Скорлотов и др.). Это определение важно с точки зрения ориентированности на получение прогнозируемого результата, но оно не акцентирует внимание на изменении в ходе этой деятельности субъектного опыта участников образовательного процесса. Исследователи предполагают, что управление следует рассматривать как стимулирование и регулирование деятельности субъектов, направленной на достижение определенных и заранее спрогнозированных результатов.

Во-вторых, управление рассматривается как воздействие одной системы на другую, одного человека на другого или группу людей (В. Г. Афанасьев, А. А. Орлов, Н. С. Сунцов, П. И. Третьяков, Н. Ф. Талызина, Т. И. Шамова и др.). В данном подходе управление рассматривается

как целенаправленное воздействие субъекта на объект, и изменение последнего в результате воздействия на другой объект, также приводящего к изменению последнего, что обеспечивает оптимальное функционирование и развитие управляемой системы, ее перевод на новый, качественно более высокий уровень.

В работах сторонников данной позиции слабо учитывается субъект-субъектная природа управления, поскольку активность признается только за управляющим, а управляемый воспринимается как пассивный исполнитель, строго следующий навязанной норме.

В-третьих, управление рассматривается как взаимодействие субъектов (В. И. Зверева, Н. А. Киселева, Е. А. Крюкова, Е. И. Сахарчук, В. В. Сериков и П. И. Третьяков и др.), что предполагает взаимное изменение управляющих и управляемых, убеждает в необходимости изменения взаимодействующих субъектов и самого процесса взаимодействия как смены его состояний.

Несмотря на существенные различия в определении рассматриваемого понятия, исследователи приходят к единому мнению о специфике управленческой деятельности, которая раскрывается во взаимосвязанных и взаимосогласованных выполняемых функциях, а именно: анализа, планирования, контроля, корректирования, диагностики, прогнозирования, программирования.

Оптимальность выполнения названных функций базируется на получении информации по каналу обратной связи, который должен обеспечивать ее систематическое поступление. Сложность информационного процесса связана с анализом его состояния и выработкой управленческих решений.

Анализ научных источников, в которых так или иначе затрагивается проблема умений, позволяет сделать вывод о том, что данное понятие представляет собой единство и взаимосвязь составляющих его целевого, гностического и процессуального элементов.

Представленный элементный состав умения прежде всего требует определения специфики научного знания, являющегося основой для формирования управленческих умений. Безусловно, в основе формирования данных умений лежат знания по теории управления и менеджменту. Вместе с тем следует учитывать такую особенность подготовки будущих специалистов, как необходимость формирования у них системы профессиональных знаний.

Проблема формирования профессиональных знаний исследуется многими учеными (С. И. Архангельский, В. П. Беспалько, В. И. Гинецинский, В. А. Сластенин, Н. В. Тельтевская и др.), которые высказывают единую точку зрения о том, что важнейшим показателем их качества является системность.

В своих работах С. И. Архангельский уделяет значительное внимание формированию системы знаний в вузе, отмечая необходимость комплексного подхода к обучению студентов, соединение ряда областей знаний, прямо или косвенно определяющих подготовку специалистов, умеющих рационально и творчески применять знания на практике, непрерывно их совершенствовать.

Специфическую роль в формировании системы профессиональных знаний выполняют междисциплинарные связи, которые, по мнению Н. В. Тельтевской, выступают как условия развития познавательных интересов и активизации интеллектуальной деятельности студентов. «Установление связей между учебными дисциплинами, – утверждает она, – содействует более глубокому и прочному усвоению знаний в связи с видением возможностей их использования в практической деятельности» [5, с. 50–51].

Заслуживает особого внимания мнение Ю. А. Самарина, который утверждает, что «формирующееся знание является ... межкомпонентным, включает в себя элементы различных систем, создающиеся системы ассоциаций находятся в сложном взаимодействии, являясь фундаментом в отношении одних знаний и последним звеном в отношении других» [3, с. 300]. В психологии считается признанным мнение о том, что «межсистемные ассоциации приобретают первостепенное значение в формировании ума человека, и ассоциативная природа мышления определяет понимание процесса усвоения знаний только в тесной связи с их применением» [3, с. 299].

Как показано в работах многих исследователей, готовность к профессиональной деятельности детерминирована усвоением обучающимися системы профессиональных знаний, которая играет особую роль в формировании умений. Заметим, что в работах психологов и педагогов существуют единые позиции в отношении системы знаний как фундамента для формирования умений. Так, в работах Б. Ф. Ломова умение трактуется как сложное психиче-

ское образование, включающее в себя систему знаний, имеющихся у человека.

В работе С. И. Архангельского утверждает, что использование «общих принципов, понятий и закономерностей систематизирует научные знания, облегчает понимание существа науки и указывает оптимальный путь для ее приложения» [1, с. 327].

Следовательно, необходимо усвоение будущими специалистами знаний по различным учебным дисциплинам в их взаимосвязи, что составит основу для их успешного практического использования. Поэтому вопросу реализации междисциплинарных связей в учебном процессе должно уделяться особое внимание.

Другим элементом управленческих умений являются действия, специфика которых обусловлена функциями управления (анализа, планирования, контроля, корригирования, диагностики, прогнозирования, программирования). Автором предпринята попытка определить и обосновать действия, соответствующие выполняемым функциям управления.

У будущего управленца должны быть сформированы аналитические действия, которые необходимы для переработки поступающей информации. Прогнозирование как предвидение результатов управленческого воздействия и планирование этих управленческих воздействий осуществляется посредством реализации проективных действий. Одновременно должны осуществляться действия по контролю выполнения управленческого решения и самоконтролю (оценке собственной деятельности на основе рефлексии). Следовательно, в состав управленческих умений входят такие действия, как аналитические, прогностические, проективные, рефлексивные.

Обобщая мнения исследователей по вопросу управления, автор полагает, что под управленческим умением следует понимать совокупность определенных действий, осуществляемых на основе специальных знаний, имеющих междисциплинарный характер, и обуславливающих способность к успешному выполнению управленческой деятельности.

Вместе с тем проявление управленческих умений обуславливается личностными особенностями конкретного человека. На это указывает Е. А. Милерян, отмечающий, что «умение – чрезвычайно сложное структурное сочетание чувственных, интеллектуальных, волевых, эмоциональных качеств личности, формирующих-

ся и проявляющихся в сознательных, целесообразных, успешных <...>, мыслительных, мнемических, волевых, сенсоноторных и других действиях, обеспечивающих достижение поставленной цели деятельности в изменяющихся условиях ее протекания» [2, с. 51].

Из приведенной характеристики следует, что умение, являясь способом деятельности, – достояние этой личности, приобретенное качество, которое становится внутренним условием успешного выполнения деятельности. Поэтому в данной работе рассматриваются умения как усвоенные способы деятельности, характеризующиеся операционной готовностью к их практическому использованию.

Значимым является обоснование состава управленческих умений. При определении названных умений автор исходил из сущности понятия «управление», которое рассматривается как целенаправленная деятельность субъектов управления различного уровня, обеспечивающая оптимальное функционирование и развитие управляемой системы. Общеизвестно, что специфика управления раскрывается в его функциях: анализе, планировании, контроле, корригировании, диагностировании, прогнозировании, программировании.

Рассматривая вопрос об умениях, следует указать на то, что в работах многих исследователей они дифференцируются на интеллектуальные, практические и организационные.

Вопросам исследования интеллектуальных умений посвящены работы Д. Н. Богоявленского, З. И. Калмыковой, Т. В. Кудрявцева, Н. А. Менчинской, Е. А. Милеряна, Н. М. Слаутиной и др. Обобщение мнений названных исследователей позволяет рассматривать интеллектуальные умения как владение мыслительными операциями, оперирование образами, переформулирование мыслей.

Под интеллектуальными умениями Б. М. Богоявленский и Н. А. Менчинская понимают хорошо отработанные и прочно закрепленные умственные операции, приемы. Опираясь на мнения названных ученых, Н. М. Слаутина трактует интеллектуальные умения как умения успешно осуществлять мыслительные операции, опираясь на познавательную активность, применяя имеющиеся знания и навыки в момент оперативного разрешения проблемных ситуаций в ходе учебной или профессиональной деятельности, постановки и решения различного типа и класса задач.

В. А. Слостенин и Л. С. Подеглова считают, что формой проявления теоретической готовности является теоретическая деятельность, проявляющаяся в обобщенном умении профессионально мыслить, обращение к которой предполагает наличие у специалистов аналитических, прогностических, проективных, а также рефлексивных умений [3, с. 43].

Общепризнано, что управление характеризуется содержанием и целью, которая должна быть достигнута в итоге управленческих действий. Цель выступает как прогнозируемый результат. Без целевых установок управление не имеет смысла. Определение понятий цели и производных понятий «целенаправленность», «целеполагание», «целеобразование» в контексте управления дается в работах А. И. Берга, Н. Винера, Д. Бигелоу и др.

Вместе с тем невозможно достичь оптимальности управленческой деятельности без осуществления личностного подхода к подчиненным, раскрывающегося в совокупности создаваемых условий для развития их личностного потенциала. Личностная ориентация требует постоянного корригирования целей, содержания и методов управления, определения целесообразности каждого элемента управленческой деятельности. Следовательно, к числу управленческих умений можно с полным основанием отнести умение целеполагания.

Принципиально важным становится уточнение цели управленческой деятельности, смысл которой раскрывается в более жесткой ориентировке на получение конечного результата и эффективность функционирования всех элементов системы управления. Цель задается обществом, посредством которой на осуществляемый процесс переносятся его требования, выражающие конкретное представление о планируемых результатах. В научной литературе цель трактуется как прогнозируемый результат деятельности. Поэтому для каждого офицера важным является умение предвидеть результаты своего управленческого воздействия, умение прогнозировать развитие конкретного явления или процесса.

Постановка цели, подразумевающей получение нужного результата, предусматривает учет специфики учебного заведения, возможности участников образовательного процесса, время, отводимое на управленческое воздействие. Изменение целевых установок в управле-

нии влечет за собой как следствие организационно-управленческие нововведения.

Как показано в многочисленных психолого-педагогических исследованиях, при постановке цели надлежит принять во внимание выполнение ею двух функций – регулятивной и мотивационной. Цель может регулировать деятельность в конкретной профессиональной области, если она глубоко осознана и принята в личностном плане и предполагает прогнозирование результатов деятельности. В данном случае речь идет о прогностическом умении, которое можно определить как умение предвидеть и планировать развитие какого-либо процесса или явления.

Прогнозируемые результаты могут быть достигнуты в том случае, если осуществляется процесс перевода объективного значения цели (извне) в субъективный смысл, принятие ее субъектом деятельности. Сложность целеполагания заключается в многозначности целевых установок работы офицера, который призван вооружить подчиненных соответствующими знаниями и умениями в единстве с развитием комплекса личностных качеств.

Достижение поставленной цели требует планирования деятельности, то есть принятия решений на основе соотношения результатов анализа с поставленной целью, которые могут быть рассчитаны как на перспективу, так и на решение текущих оперативных задач.

Прогностические умения состоят в следующем: умение осуществлять постановку профессиональных целей и задач, сравнивать варианты развития производственных процессов, прогнозировать эффективность управленческих действий, проводить оценку достигнутых результатов и самооценку собственной деятельности.

Проективные умения означают осуществление тактического и стратегического планирования своей профессиональной деятельности, моделирование управленческого процесса. Но планирование возможно на основе анализа определенной информации, содержание и направленность которого определяется конкретными задачами. Эффективность управления зависит от объема и характера информации, поступающей по каналу обратной связи и от непрерывности и своевременности ее поступления.

Под управленческой информацией понимается совокупность сведений о конкретных фактах, отражающих состояние управляемой сис-

темы в целом и ее отдельных компонентов. Поэтому умение своевременно получать, аккумулировать информацию, систематизировать ее, выявлять основные проблемы на основе ее анализа, искать пути решения является, по мнению автора, одним из важнейших аспектов управленческой деятельности. Только на основе достоверной информации можно ставить конкретные задачи и обеспечить практическую реализацию управленческих действий.

Отсутствие систематической информации означает разомкнутость управления, что, как правило, ведет к снижению его результативности. В научной литературе достаточно подробно освещены такие методы сбора информации, как наблюдение, анкетирование и тестирование. Использование этих методов в практике должно осуществляться с учетом специфики управленческой деятельности. При планировании необходимо учитывать влияние различных факторов (социальная среда, образовательное пространство военного вуза и т. д.) на развитие процесса и личности, при которых осознается смысл действий.

Сложность информационного процесса связана с анализом состояния системы, какой является образовательное учреждение, и выработкой управленческих решений. При принятии оптимального управленческого решения для каждого уровня определяют: а) назначение информации; б) источники информации; в) объект управленческой информации; г) объем и содержание необходимой информации; д) форму и способ хранения информации. Только на основе достоверной информации можно определить ведущую проблему, ставить конкретные задачи по ее решению, обеспечить практическую реализацию планируемых действий.

При этом важным становится не просто получение информации, а осуществление ее анализа. Поэтому особое место отводится педагогическому анализу, назначение которого заключается в изучении состояния и определении тенденций развития педагогического процесса, объективной оценке его результатов и корректирования на основе этого управленческой деятельности. Известно, что педагогический анализ носит проблемный характер, влияет на эффективность системы управления, позволяет совершенствовать управляемую подсистему и принимать обоснованные решения. Принципиально важным становится получение соответ-

ствующей информации о поведении управляемой подсистемы и последующая ее обработка.

В число управленческих умений следует включить умение осуществлять контроль, который требует поиска и внедрения в практику таких методов, которые позволяют достигать оптимальной информационной обеспеченности посредством использования объективных способов получения информации и оценки показателей управляемой системы. Контроль должен сочетаться с самоконтролем, который может осуществляться на основе рефлексии, позволяющей осознать смысл действий, необходимости целенаправленной преобразующей деятельности.

Все названные виды умений входят в группу интеллектуальных умений.

Некоторые исследователи относят к этой же группе умения осознания своего знания, поведения, нравственного облика и интересов, идеалов и мотивов, целостную оценку самого себя как профессионала своего дела. Целостную оценку самого себя специалист может дать при условии сформированности у него умений осуществлять рефлекссию, оценивать свои действия и результаты.

Организационные умения включают действия по распределению времени, проверке правильности выполненного действия, выбору условий их осуществления, умению противостоять отвлекающим факторам. Рассматривая организаторскую деятельность с управленческой точки зрения, можно считать, что от специалиста требуется умение принимать решения в неожиданных, неопределенных ситуациях в условиях ограниченного времени, отказываясь от готовых образцов, творчески применяя и преобразуя имеющийся опыт. Сложность и специфика организаторской деятельности в том, что она представляет собой деятельность специалиста широкого профиля и включает три взаимосвязанных направления: организаторское, педагогическое и управленческо-творческое. Специфической сущностью организаторской деятельности является познание психологии людей, взаимодействия с ними и непосредственного воздействия на них.

О практических умениях, понимаемых как успешное выполнение конкретного вида действий и различных производственных операций, преломление полученных знаний в практической предметной деятельности, говорится в работах Э. Ф. Зеера, Л. Г. Семушиной и Н. Г. Яро-

шенко. К этой группе умений многие исследователи относят коммуникативные умения.

Практические умения подтверждают истинность усвоенных теоретических знаний, активизируют познавательную деятельность обучающихся, содействуют формированию готовности к осуществлению управленческой деятельности.

Таким образом, сущность управленческих умений раскрывается в выполнении совокупности определенных действий, осуществляемых на основе специальных знаний по теории управления. В состав управленческих умений входят: аналитические (сбор и анализ информации); прогностические (умения определять конечную цель и возможности ее достижение в конкретной обстановке, ставить задачи перед подчиненными); проективные (умения планировать профессиональную и управленческую деятельность, готовить и принимать решение, добиваться выполнения принятого решения исполнителями службы); организационные (уме-

ния организовать выполнение подчиненными принятого решения); рефлексивные (умения осуществлять самоконтроль и самооценку деятельности); умения осуществлять контроль выполнения управленческих указаний и своевременно реагировать на изменяющиеся условия его выполнения.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. *Архангельский, С. И.* Лекции по научной организации учебного процесса в высшей школе / С. И. Архангельский. – М.: Высшая школа, 1976. – 200 с.
2. *Милерян, Е. А.* Психология формирования общетрудовых политехнических умений / Е. А. Милерян. – М.: Педагогика, 1973. – 205 с.
3. *Самарин, Ю. А.* Очерки психологии ума / Ю. А. Самарин. – М.: Изд-во АПН РСФСР, 1962. – 504 с.
4. *Сластенин, В. А.* Педагогика. Инновационная деятельность / В. А. Сластенин, Л. С. Подглагова. – М., 1997. – С. 41–45.
5. *Тельтевская, Н. В.* Формирование системы профессионально-педагогических знаний. Теоретический аспект / Н. В. Тельтевская. – Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2002. – 132 с.

ББК 74.200

А 95

С. Л. Ахромеева

ОБ ОСНОВАХ ЗДОРОВЬЕСБЕРЕГАЮЩЕЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В УЧРЕЖДЕНИЯХ СПО В РУСЛЕ КОМПЕТЕНТНОСТНОГО ПОДХОДА

Мезенский педагогический колледж (Орел)

Автор анализирует понятие «компетенция», рассматривает его виды, особо выделяя готовность к здоровьесбережению. Приводя данные собственного исследования, автор формулирует предложения по формированию соответствующей компетенции у студентов.

Ключевые слова: компетентность; компетенция; компетентностный подход здоровьесбережение; здоровьесберегающие технологии.

S. L. Ahromeeva

THE BASIS OF HEALTH-SAVING ACTIVITY IN VOCATIONAL SCHOOLS FROM THE COMPETENCE APPROACH

Menzensky pedagogical college, Orel

Abstract. The author analyzes competence and its types, especially health-saving willingness. Basing on your own research the author offers how to form health-saving willingness of students.

Keywords: competency, competence. competence approach, health-saving, health-saving technology

В настоящее время развернулась активная работа по реализации положений Болонской декларации в системе высшего и профессионального образования Российской Федерации. Имеется в виду введение в действие государственных образовательных стандартов высшего профессионального образования третьего поколения, учебных планов и программ на основе компетентностного подхода и системы зачет-

ных единиц. Этот процесс проходит и в педагогическом образовании.

Практическая направленность компетентностного подхода была задана материалами симпозиума Совета Европы, Концепцией модернизации российского образования. В данных документах результаты образования отражены в таких категориях, как «компетенция», «компетентность», «профессионализм», «кон-

курентоспособность», «социальная мобильность», «деловитость».

В настоящее время нет общепринятого определения понятий «компетенция» и «компетентность», а также единой классификации, номенклатуры и состава компетенций. Выход из сложившейся ситуации может быть найден путем анализа, обобщения и систематизации существующих определений с целью выявления общих характеристик и использования их в качестве инварианта.

Согласно большинству определений, компетенции – это наиболее общий язык и единая форма описания результатов обучения, несводимые к знаниям, умениям и навыкам. Компетенции включают в себя не только когнитивный, но и мотивационно-ценностный и эмоционально-волевой компонент. То есть компетенцию следует рассматривать как характеристику качества подготовки будущего педагога, относящуюся к категории результата обучения. Компетенции предлагаются студентам для формирования у них соответствующих компетентностей.

Под компетентностью понимается личностное качество будущего педагога и реальный уровень его образования, приобретенные во время обучения.

Поскольку все виды деятельности взаимосвязаны, то и соответствующие компетенции не поддаются четкому разграничению. Любое деление достаточно условно.

Предлагается рассмотреть классификацию компетенций, в основе которой лежат целевые функции педагога и специфика образовательных дисциплин. Компетенции можно разделить на две группы: ключевые и профессиональные.

Профессиональные компетенции относятся к конкретной сфере деятельности. Ключевые определяют инвариант содержания педагогического образования вообще, обеспечивают профессиональную гибкость педагога и поэтому не являются узкоспециализированными. Они многофункциональны, поскольку позволяют решать проблемы из разных сфер жизни, а также способствуют становлению и определяют стартовые возможности и успешность деятельности.

Единого мнения по вопросу содержания компонентов ключевых образовательных компетенций пока нет. Однако осуществление профессиональной деятельности предполагает, что существуют требования к специалисту (вы-

пускнику), достаточные для выполнения соответствующих функций. Одним из таких требований является готовность к здоровьесбережению, то есть специфические сведения, умения, определенные качества, необходимые для реализации здоровьесберегающей работы.

Российские ученые отмечают, что, решая проблему здорового образа жизни, следует исходить из того, что набор компонентов, определяющих состояние здоровья человека, в значительной мере зависит от уровня развития и степени зрелости общества. В связи с этим правомерно ставить вопрос о том, готово ли общество обеспечить здоровый образ жизни. Существующие методы формирования здорового образа жизни населения России недостаточно эффективны. Даже среди занимающихся спортом молодых людей зачастую преобладает стремление к овладению лишь внешними признаками здоровья и красоты тела: девушки стараются похудеть любыми способами, часто во вред своему здоровью; юноши, занимаясь атлетизмом, наращивают мышечную массу иногда в ущерб функциональному состоянию других органов и систем, используют для этого анаболические средства, что существенно разрушает их здоровье.

Следует отметить, что современные российские реалии не способствуют формированию у детей и молодежи должной мотивации к здоровому образу жизни. Большинство взрослых людей знает, что курить, пить спиртное и употреблять наркотики вредно, но многие из них подвержены этим вредным привычкам. Все согласны с тем, что надо двигаться, закалять организм, заниматься спортом, но большинство взрослых не делает этого. Неправильное, нерациональное питание приводит к увеличению числа людей с избыточным или недостаточным весом и всеми вытекающими последствиями. Трудности современной жизни оставляют весьма мало места для положительных эмоций. Все это позволяет сделать вывод, что даже те немногие знания людей о здоровом образе жизни не стали их убеждениями. Нет мотивации к заботе о собственном здоровье. Важность рекомендаций по сохранению здоровья не вызывает сомнений, но они не являются для многих руководством в повседневной жизни. Это связано с тем, что, во-первых, рекомендации по здоровому образу жизни насаждаются в обществе чаще всего в назидательной категорической форме и не вызывают у людей положи-

тельных эмоциональных реакций и, во-вторых, взрослые редко придерживаются указанных правил в повседневной жизни, и подростки, и молодежь это видят.

Анализ литературных источников показал, что у молодежи в подходе к собственному здоровью в лучшем случае наблюдается стратегия предупредительного характера (сохранить здоровье). В то же время они не придают особого значения вопросам, связанным с формированием здорового образа жизни, так как это требует значительных волевых усилий. Поэтому учебные заведения должны взять на себя функцию выработки у молодых людей потребностей, навыков и привычек здорового образа жизни, умений принятия самостоятельных решений в отношении поддержания и укрепления своего здоровья. Главной педагогической задачей является формирование у подрастающего поколения системы взглядов на жизнь, рассматривающей здоровье как одну из важнейших ценностей.

Неоспоримо, что основная задача образовательного учреждения – подготовить студента к самостоятельной жизни, дав ему для этого необходимое образование. Но может ли каждый профессионально подготовленный педагог, просто взрослый, ответственный человек бесстрастно относиться к неблагополучному состоянию здоровья своих воспитанников, его прогрессирующему ухудшению?

В своей работе преподаватели должны применять здоровьесберегающие технологии как системно-организованное на едином методологическом фундаменте сочетание принципов педагогики сотрудничества, эффективных педагогических техник, элементов педагогического мастерства, направленных на достижение оптимальной психологической адаптированности студентов к образовательному процессу, заботу о сохранении их здоровья и воспитание у них личным примером культуры здоровья. Это работа педагога, при которой он полноценно выполняет учебную программу, формируя у студентов интерес к своему предмету, устанавливая с ними доверительные, партнерские отношения, предотвращая возникновение дискомфортных (дезадаптационных) состояний и максимально используя индивидуальные особенности студентов для повышения результативности их обучения. Особая забота о психологической адаптированности студентов обусловлена тем, что это интегральное качество играет

определяющую роль в жизни человека, особенно на этапе развития и становления его как личности.

При планировании работы по формированию здорового образа жизни и профилактике наркомании среди студенческой молодежи ставятся следующие задачи.

- подбор диагностических методик, адекватных задачам исследования, и проведение диагностического обследования для выявления личностных особенностей молодежи, их отношения к здоровому образу жизни;
- организация лекционных, практических и тренинговых занятий со студентами;
- подготовка раздаточного и наглядного информационного материала по проблеме профилактики наркозависимости и формирования здорового образа жизни;
- определение организационно-педагогических условий формирования здорового образа жизни студенческой молодежи в стенах учебного заведения.

В ходе проведенного анкетирования по выявлению отношения к здоровому образу жизни, было выяснено отношение современной молодежи к здоровому образу жизни.

Анкета открывалась вопросом: «Считаете ли Вы себя здоровым человеком?». 39 % испытуемых ответили «да», «не совсем» – 57 %; «нет» – 4 % студентов.

На вопрос «Считаете ли Вы, что ваше здоровье в ваших руках?» уверенность в этом выразили 73 % молодежи.

Отметим, что всего 21 % испытуемых часто пропускает занятия по болезни, 76 % – редко и лишь 4 % – не болеют.

На вопрос «Всегда ли Вы делаете утром физическую зарядку?» «иногда» ответили 68 % испытуемых, 32 % – «никогда». Добавим, что 71 % опрошенных любят заниматься физической культурой, а 82 % считают физическую культуру составной частью общечеловеческой культуры. Однако в свободное от учебы время физической культурой занимаются лишь 47 % студентов.

Ответы опрошенных на вопрос: «Что такое, на Ваш взгляд, «здоровый образ жизни?» распределились следующим образом: не употреблять наркотики – 50 %; вести осмысленную жизнь – 47 %; заниматься спортом – 47 %; не курить – 46 %; полноценно и правильно питаться – 35 %; не пить – 31 %; жить полноценной духовной жизнью – 21 %; не вести беспорядочную половую жизнь – 12 %.

Далее был задан вопрос «Считаете ли Вы себя необходимым придерживаться принципов здорового образа жизни?» «Да» – 68 % студентов, «частично» – 32 %.

Ответы на вопрос «Что Вы относите к вредным привычкам?» расположились следующим образом: курение и алкоголизм – 72 %; употребление наркотиков – 71 %; беспорядочная половая жизнь – 39 %.

Студенты отмечают, что имеют достаточно знаний о вредных привычках (73 %) и добавляют, что необходимо проводить беседы о влиянии вредных привычек на организм (70 %). На вопрос «Кто должен проводить подобные беседы?» 52 % ответили «семья», 48 % – «учебное заведение».

С целью выяснения отношения к наркотикам был задан вопрос: «Если бы вы узнали, что ваш друг (подруга) употребляет наркотики, что бы вы сделали?». 78 % постарались бы помочь избавиться от этой привычки, 22 % немедленно прекратили бы с ним (с ней) отношения.

Далее был задан вопрос: «Как вы относитесь к проблеме ранней беременности?». 83 % студентов считают личным делом каждого, 17 % – «эта проблема меня не волнует».

Следовательно, можно сделать вывод, что в среднем самооценка студентов приближена к адекватной, однако необходимо обучить молодежь приемам повышения уверенности в себе. Самооценка, являясь источником критической информации, оказывает влияние на самосознание, способствует активизации самовоспитания и саморазвития, позволяет более целенаправленно корректировать личные качества.

Анализ результатов проведенного исследования: имеющиеся данные указывают на необходимость разработки социально-педагогической программы для преодоления недостатка знаний в отношении формирования здорового образа жизни студенческой молодежи. Первым шагом на пути формирования ценности здорового образа может стать проведение лекционных занятий данной тематической направленности, практических и тренинговых занятий, направленных на формирование адекватной самооценки, обучение коммуникативным навыкам, развитие креативного мышления.

В ходе проведения анкетирования были эмпирически выявлены три типа ориентации студенческой аудитории:

а) студенческая молодежь, готовая активно включиться в пропаганду здорового образа

жизни, вступить в добровольные молодежные движения антинаркотической направленности, на которых можно опереться в дальнейшей профилактической работе (около 30 %);

б) студенты с неустойчивой эмоционально-волевой сферой, конформным поведением, недостаточной социальной адаптацией (около 55–60 %);

в) студенты, представляющие группу риска: с низкой самооценкой, повышенным уровнем тревожности, демонстрацией отстраненности, отчужденности от обсуждаемых проблем; с негативным самопредъявлением и т. п. (около 10–15 %).

По мнению автора, в настоящий момент существует достаточно моделей и программ формирования здорового образа жизни современной молодежи на федеральном и региональном уровне, но анализ научной литературы показывает, что имеются определенные противоречия и трудности в организации этой деятельности. С одной стороны, наблюдается недостаточное внимание различных структур и ведомств к проблеме организации отдыха и оздоровления студенческой молодежи, с другой стороны, недостаточная активность самих студентов в приобщении к основам здорового образа жизни.

На основании проведенного исследования автором разработаны следующие рекомендации:

- создать на базе образовательного учреждения Центр здоровьесберегающих технологий для оказания профессиональной социально-психологической помощи студентам и сотрудникам;
- создать мобильную социально-психологическую службу по выявлению среди студентов и сотрудников представителей группы риска;
- способствовать формированию активной жизненной позиции студентов посредством включения их в здоровые социальные отношения;
- внедрять в учебно-воспитательный процесс современные технологии и программы по формированию здорового образа жизни для студентов, преподавателей и сотрудников;
- организовать проведение выездных обучающих программ для студентов и преподавателей по формированию здорового образа жизни.

Хочется отметить, что проведение подобных мероприятий позволит студентам и преподавателям иначе взглянуть на культурно-нравственные ценности общества, ощутить роль и место здоровьесберегающих технологий в жизни современного человека.

Все перечисленные формы работы способствуют развитию положительных чувств и эмоций, эстетического восприятия, творческого воображения, расширению культурного кругозора, что приведет в конечном результате к осознанию значимости и целесообразности мероприятий по укреплению психического и физического здоровья, к духовному развитию и нравственному совершенствованию, формированию благоприятных межличностных отношений, к гармонизации личностных структур каждого индивида.

УДК 378
ББК 74.202.4

Л. М. Тухбатуллина

ФОРМИРОВАНИЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ ДИЗАЙНЕРОВ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ МЕТОДА ПРОЕКТОВ

Казанский государственный технологический университет

В статье выделены такие компоненты профессиональной компетенции дизайнеров, как мотивационно-волевой; художественно-проектный; творческий; коммуникативный и рефлексивный. Предложены индикаторы компонентов и методы их диагностики и развития; в качестве основного метода развития рассмотрен метод проектов.

Ключевые слова: компетенция, дизайнер, профессиональная деятельность.

L. M. Tukhbatullina

THE DEVELOPMENT OF THE PROFESSIONAL COMPETENCE OF DESIGNERS BY USING THE METHOD OF PROJECTS

Kazan State Technological University

The article presents some parts of the professional competence of designer: part of motivation; part of art and project, part of creativity, part of communication, the part of grasping the mining. It offers the indicators of parts of professional competence, the methods of its diagnostics and development and it describes the method of projects as principal for the development of the professional competence of designers.

The main words: competence, designer, professional activity.

Современному обществу нужен человек, умеющий самостоятельно критически мыслить, способный творчески решать возникающие проблемы. Особенно это касается профессии дизайнера, связанной с созданием новых продуктов, не имеющих аналогов. Одним из стратегических направлений развития и модернизации отечественного образования является компетентностный подход, личностно ориентированный по своей природе [1]. В связи с этим выделение состава профессиональной компетенции дизайнеров и предложение метода ее развития является задачей первостепенной важности.

Компетентностный подход не является новым для российского образования. Этот вопрос был ведущим в работах отечественных педаго-

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. *Абдуллина, О. А.* Общепедагогическая подготовка учителя в системе высшего педагогического образования / О. А. Абдуллина. – М.: Просвещение, 1990. – 127 с.
2. *Марков, В. В.* Основы здорового образа жизни и профилактика болезней / В. В. Марков. – М.: Академия, 2001.
3. *Митяева, А. М.* Здоровьесберегающие образовательные технологии: монография / А. М. Митяева. – Орел: Орлик, 2001. – 200 с.
4. *Митяева, А. М.* Педагогика здоровья: учебно-методическое пособие / А. М. Митяева. – Орел: ГОУ ВПО «ОГУ», 2007. – 413 с.

гов И. Я. Лернера, В. В. Краевского, П. Г. Щедровицкого и их последователей. Под компетентностью подразумевается не просто сумма знаний, умений и навыков, но и способ их применения, система личностных ценностей. Компетентности формируются не только в процессе обучения, но и в результате взаимодействия личности и общества.

Компетенция – совокупность взаимосвязанных качеств личности, заданных по отношению к определенному кругу предметов или процессов и необходимых, чтобы качественно и продуктивно действовать по отношению к ним.

Компетентность – владение человеком соответствующей компетенцией, включающей его личностное отношение к ней и к предмету деятельности [2].

Профессиональная компетенция – это готовность и способность целесообразно действовать в соответствии с требованиями дела, методически организовано и самостоятельно решать задачи и проблемы в конкретной предметной области, а также самооценивать результаты своей деятельности [3; 6].

Для определения состава профессиональной компетенции дизайнера необходимо проанализировать содержание его профессиональной деятельности. Цель деятельности дизайнера – проектирование и создание предметной среды человека (одежды, интерьера и т. д.), отвечающей требованиям конкурентоспособности, включая потребительские, эстетические и технологические. Задачи, которые решает дизайнер в ходе своей профессиональной деятельности, имеют проектный и эстетический характер. Предмет труда дизайнера – процесс производства предметов, согласно его закономерностям, принципам и содержанию производства, форме организации, методов и средств проектирования, технологии изготовления. Инструменты труда – различные специфические для дизайнерской деятельности изобразительные средства: краски, кисти, карандаши, бумага, ножницы, линейки, лекала, автоматизированные средства (персональный компьютер, дигитайзер, плоттер, принтер, специальное программное обеспечение), текстильные материалы, швейное и другое производственное оборудование. Перечисленные орудия и средства труда используются для создания эскизов, чертежей и макетов (прототипов).

Согласно определению Международного совета обществ промышленного дизайна (International Council of Societies of Industrial Design – ICSID), «дизайн является творческой деятельностью, цель которой состоит в том, чтобы создавать разнообразные качества объектов, процессов, услуг и систем на протяжении всего их жизненного цикла» [4, с. 96–97]. Работа дизайнера заключается в проектировании объектов, процессов, услуг. Специфичность проектных задач, с которыми постоянно имеет дело дизайнер, состоит в том, что это задачи с недостающими данными и, соответственно, с той или иной степенью неопределенности области поиска. Задачи, встающие перед дизайнером, как правило, не имеют единственно верного варианта решения и отличаются многовариантностью решений. Качество решения во многом зависит от способности дизайнера творчески

мыслить, генерировать идеи, быть оригинальным, уметь прогнозировать развитие моды, использовать знания неожиданным образом в практических целях.

Дизайнер – это специалист в области формы изделий, вооруженный суммой необходимых разнообразных знаний, способный в конкретном материальном объекте полноценно реализовывать свои представления о социальных потребностях, функциональности, конструктивности и технологичности изделий. Профессия специалиста-дизайнера – синтетический вид профессиональной деятельности, и в зависимости от специализации предусматривает интеграцию различных видов профессиональной подготовки [5].

Имея представление о современном уровне науки, тенденциях развития техники и технологии, модных веяниях, дизайнер должен предвидеть в своих проектах развитие как технологических возможностей производства, так и потребностей общества. В этом состоит одна из сложностей профессии дизайнера – это его футурологическая роль, предопределяющая необходимость владения методами научного анализа, методами исследования потребностей, выявления перспективных тенденций, методами проектного прогнозирования.

Дизайн – это проектная деятельность, основанная на объединении в проектном образе научных принципов с художественными и создающая эффект, недостижимый в обычном проектировании. Освоение проектной деятельности должно явиться стержневой характеристикой профессионала, поскольку способности и знания дизайнера реализуются лишь в его деятельности. Дизайнер не просто проектирует вещь (процесс), отталкиваясь от функции или формы будущего изделия, а видит при этом проблему целиком с различных сторон, видит связи между ее частями, способен выявлять техническое противоречие и осознанно изначально ориентировать мысль на идеальное решение, когда главная функция объекта выполняется как бы сама собой, без затрат энергии и средств, способен осознанно форсировать творческое воображение и преодолевать стереотипы [6].

Проведенный выше анализ профессиональной деятельности дизайнера позволил установить, что профессия дизайнера является синтетическим видом деятельности, предусматривающим интеграцию различных видов подго-

товки. Профессиональная деятельность требует от дизайнера определенных качеств личности, таких как: оригинальность мыслей, образное мышление, нестандартный подход в постановке и решении проблем; смелость в принятии решений; направленность в будущее требует от дизайнеров силы предвидения (интуиции) и прогнозирования.

Особенности профессиональной деятельности дизайнера определяют требования к его профессиональной компетенции. Из каких же компонентов состоит профессиональная компетенция дизайнеров? Исходя из существующих мнений о составе профессиональной компетенции, характеристики профессиональной деятельности дизайнера, а также данных исследования, можно сделать вывод, что профессиональная компетенция дизайнера состоит из следующих компонентов:

а) *мотивационно-волевой компонент* – включает в себя мотивы, цели, потребности, ценностные установки актуализации в профессиональной компетентности, стимулирует творческое проявление личности в профессиональной компетентности; подразумевает приложение дополнительных усилий для уменьшения вероятности неудачи, а также мобилизацию энергии, проявление настойчивости, активность и умение выдерживать нагрузки, упорство при выполнении сложных заданий, целеустремленность, то есть характеризует волевую сторону поведения и неразрывно связан с волей человека;

б) *художественно-проектный компонент* – включает в себя владение различными приемами выражения идей (рисунок, эскиз, набросок), владение знаниями и навыками в области композиции, обладание эстетическим вкусом, способность представлять проектный образ и проектировать изделия с учетом промышленных требований и индивидуальных особенностей, способность полностью разработать изделие, начиная от эскиза и заканчивая опытным образцом; следить за соответствием готовой продукции первоначальной задумке; способность формулировать и уточнять неясно поставленные задачи; способность вырабатывать алгоритм решения проблемы;

в) *творческий компонент* – включает в себя способность генерировать большое количество идей, отличающихся оригинальностью; способность предлагать смелые решения, способность прогнозировать модные тенденции и ис-

пользовать прогноз при проектировании изделий; обладание пространственным и образным мышлением, способность критически мыслить и отбрасывать ненужные варианты; способность построения ассоциативных рядов и аналогий, выход на уровень абстрагирования;

г) *коммуникативный компонент* – включает умения ясно и четко излагать мысли, убеждать, аргументировать, строить доказательства, анализировать, высказывать суждения, передавать рациональную и эмоциональную информацию, устанавливать межличностные связи, согласовывать свои действия с действиями коллег, выбирать оптимальный стиль общения в различных деловых ситуациях, организовывать и поддерживать диалог, владеть деловым этикетом, обладать культурой речи;

д) *рефлексивный компонент* – проявляется в умении сознательно контролировать результаты своей деятельности и уровень собственного развития, личностных достижений; сформированность таких качеств и свойств, как креативность, инициативность, уверенность в себе, склонность к самоанализу, способность к предвидению, прогнозированию результатов деятельности и отношений, а также профессионально-значимых знаний, умений и навыков.

Основная сложность компетентностного подхода заключается в том, что на данный момент не определены общепринятые показатели отдельных компетенций, не отработаны механизмы их диагностики и развития. В таблице приведен выделенный автором состав компонентов профессиональной компетенции дизайнеров, а также методы диагностики и развития.

Итак, один из действенных методов обучения и развития компонентов профессиональной компетенции дизайнеров – метод проектов. Он не является принципиально новым подходом в мировой педагогике и возник еще в 1920-е годы в США. Его называли также методом проблем, и связывался он с идеями гуманистического направления в философии и образовании, разработанными американским философом и педагогом Дж. Дьюи, а также его учеником В. Х. Килпатриком. Дж. Дьюи предлагал строить обучение на активной основе через целесообразную деятельность ученика, сообразуясь с его личным интересом в этой области.

Со временем реализация метода проектов претерпела некоторую эволюцию, но суть ее остается прежней – стимулировать интерес учащихся к определенным проблемам, предпо-

Индикаторы компонентов профессиональной компетенции дизайнеров и методы их диагностики и развития

№ п/п	Показатели	Методы диагностики	Методы развития
I. Мотивационно-волевой компонент			
1	Умение и готовность обучаться и получать дополнительные знания в профессиональной области	Тестирование; наблюдение	Учебные задания; консультации; метод проектов; самообразование
2	Способность мобилизовать внутренние ресурсы для достижения цели	Тестирование; наблюдение	Использование педагогико-психологических технологий
3	Способность проявлять настойчивость, активность и умение выдерживать нагрузки, упорство при выполнении сложных заданий, целеустремленность	Тестирование; анализ деятельности; наблюдение	Учебные задания; консультации; метод проектов; ролевые игры
4	Готовность искать и реализовывать возможности личного развития	Анализ деятельности; наблюдение	Использование педагогико-психологических технологий
II. Художественно-проектный компонент			
1	Умение и навык выражения идей посредством различных приемов (рисунок, эскиз, набросок) с использованием законов композиции	Анализ деятельности; наблюдение	Учебные задания
2	Способность представлять проектный образ и проектировать изделия с учетом промышленных требований и индивидуальных особенностей заказчиков	Анализ деятельности; наблюдение	Учебные задания; метод проектов; ролевые игры
3	Способность полностью разработать изделие, начиная от эскиза и заканчивая опытным образцом	Эвристические задания	Учебные задания; метод проектов
4	Способность формулировать и уточнять неясно поставленные задачи	Анализ деятельности	Учебные задания; метод проектов
5	Способность вырабатывать алгоритм решения проблемы	Анализ деятельности	Учебные задания; метод проектов
6	Способность выявлять соответствие или не соответствие готовой продукции первоначальной задумке и вносить необходимые корректировки (предложения по корректировке) в производственный процесс	Анализ деятельности	Учебные задания; метод проектов
III. Творческий компонент			
1	Способность генерировать большое количество идей	Эвристические задания	Эвристические задания; метод проектов
2	Способность воспринимать и развивать идеи, в том числе и выдвинутые другими	Эвристические задания; наблюдение	Учебные задания; метод проектов; ролевые игры
3	Способность прогнозировать модные тенденции и использовать прогноз при проектировании изделий	Анализ деятельности; наблюдение	Учебные задания; метод проектов
4	Умение анализировать и выбирать оптимальные варианты решения проблем	Анализ деятельности; наблюдение	Учебные задания; метод проектов
5	Способность выходить на уровень абстрагирования	Эвристические задания	Учебные задания
IV. Коммуникативный компонент			
1	Умение ясно и четко излагать мысли, убеждать, аргументировать, строить доказательства, анализировать, высказывать суждения	Ролевые игры; тестирование	Ролевые игры; метод проектов
2	Умение выбирать оптимальный стиль общения	Ролевые игры; наблюдение	Использование педагогико-психологических технологий
3	Владение различными приемами передачи информации	Тестирование; анализ деятельности; наблюдение	Учебные задания; ролевые игры; метод проектов
4	Умение делиться опытом и информацией с коллегами	Анализ деятельности; наблюдение	Ролевые игры; использование педагогико-психологических технологий

Окончание таблицы

№ п/п	Показатели	Методы диагностики	Методы развития
V. Рефлексивный компонент			
1	Способность и готовность анализировать свои действия с целью повышения уровня профессионализма	Тестирование; анализ деятельности; наблюдение	Использование педагогико-психологических технологий
2	Понимание уровня ответственности за результаты своей деятельности	Тестирование; анализ деятельности; наблюдение	Использование педагогико-психологических технологий
3	Способность прогнозировать результаты деятельности и отношений	Тестирование; анализ деятельности; наблюдение	Учебные задания; метод проектов

лагающим владение некоторой суммой знаний, и через проектную деятельность, предусматривающую решение одной или целого ряда проблем, показать практическое применение полученных знаний. Другими словами, от теории к практике – соединение академических знаний с прагматическими при соблюдении соответствующего баланса на каждом этапе обучения

Основными требованиями к использованию метода проектов, которые удовлетворяют цели формирования профессиональной компетенции дизайнера, являются следующие:

- наличие значимой в исследовательском творческом плане проблемы, требующей интегрированного знания, исследовательского поиска для ее решения (например, изменение антропометрических данных детей с возрастом и возможность создания одежды-трансформера и др.);
- практическая, теоретическая, познавательная значимость предполагаемых результатов (например, доклад в соответствующие службы, выпуск газеты, альманаха с результатами исследования и др.);
- самостоятельная (индивидуальная, парная, групповая) деятельность учащихся;
- структурирование содержательной части проекта (с указанием поэтапных результатов);
- использование исследовательских методов, предусматривающих определенную последовательность действий:
 - определение проблемы и вытекающих из нее задач исследования (использование в ходе совместного исследования эвристических методов);
 - выдвижение гипотез решения;
 - обсуждение методов исследования (статистических, экспериментальных, наблюдения и др.);
 - обсуждение способов оформления конечных результатов (презентация, защита, творческие отчеты и др.);

- сбор, систематизация и анализ полученных данных;
- подведение итогов, оформление результатов, их презентация;
- выводы, выдвижение новых проблем исследования.

Если проанализировать содержание профессии специалиста-дизайнера, то можно отметить, что это синтетический вид профессиональной деятельности, и в зависимости от специализации предусматривает интеграцию различных видов профессиональной подготовки. Так, например, профессия будущего дизайнера костюма предполагает знание законов композиции, живописи, графики, оборудования, технологии, скульптуры и т. п. Более того, сегодня в область деятельности дизайнера входят знание и анализ рынка и потребителей, знание психологии восприятия и выбор соответствующих изобразительных средств, наиболее эффективное решение поставленной заказчиком задачи. Характер профессиональной деятельности дизайнера – проектный, вся его жизнь – постоянное развитие проектов, создание чего-то нового, оригинального, еще не имеющего места в жизни.

При реализации метода проектов используются квазипрофессиональные задачи. Метод проектов всегда предполагает решение какой-то проблемы. А решение проблемы предусматривает, с одной стороны, использование совокупности разнообразных методов и средств обучения, а с другой – необходимость интегрирования знаний и умений из различных сфер науки, техники, технологии, творчества, а также предполагает самостоятельность в принятии решений, ответственность и самодисциплину. Метод проектов наиболее полно воссоздает профессиональную деятельность дизайнера (проектную по своей сущности) и в полной ме-

ре способствует формированию профессиональной компетенции дизайнера.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. *Войнова, Н. А.* Особенности формирования информационной компетентности студента вуза / Н. А. Войнова, А. В. Войнов // *Инновации в образовании.* – 2004. – № 4. – С. 111–117.
2. *Хуторской, А. В.* Ключевые компетенции как компонент личностно-ориентированной парадигмы образования / А. В. Хуторской // *Народное образование.* – 2003. – № 2. – С. 78–84

3. *Байдено, В.* Компетенции в профессиональном образовании / В. Байдено // *Высшее образование в России.* – 2004. – № 11. – С. 3–13.

4. *Чуб, Е. В.* Интенсификация обучения как фактор подготовки компетентного специалиста / Е. В. Чуб // *Инновации в образовании.* – 2008. – № 7. – С. 96–103.

5. *Третьякова, Т. А.* Формирование профессиональной культуры будущих инженеров ландшафтного дизайна: автореф. дисс. ... канд. пед. наук / Т. А. Третьякова. – Саратов, 2008. – 23 с.

6. *Зиновкина, М. М.* Креативное инженерное образование: теория и инновационные креативные педагогические технологии: монография / М. М. Зиновкина. – М.: МГИУ, 2003. – 372 с.

УДК 378.013.8
ББК Ч481

Е. В. Новоженина

РЕАЛИЗАЦИЯ КОМПЕТЕНТНОСТНОГО ПОДХОДА В ОБУЧЕНИИ ИНОСТРАННЫМ ЯЗЫКАМ

Волгоградский государственный технический университет

Статья посвящена проблеме анализа сущности компетентностного подхода как инструмента модернизации в системе высшего образования. В работе описаны некоторые направления реализации данного подхода в рамках предмета «иностранный язык» и роль преподавателя при развитии у студентов общих и языковых компетенций.

Ключевые слова: компетентностный подход, модернизация образования, компетенция и компетентность, общие и языковые компетенции.

E. V. Novozhenina

IMPLEMENTATION OF THE COMPETENCE APPROACH IN TEACHING FOREIGN LANGUAGES

Volgograd state technical university

The paper is devoted to the problem of analyzing the essentiality of the competence approach as the way of modernization in the system of higher education. Some aspects of this approach concerning the subject «a foreign language» and the role of the teacher in developing students' general and language competencies are described in the paper.

Keywords: competence approach, modernization of education, competency and competence, general and language competencies.

В настоящее время проблема анализа условий изменения учебного процесса, необходимых для реализации компетентностного подхода в системе российского образования, стоит перед всеми преподавателями высшей школы. На компетентностный подход, неоднозначно воспринимаемый научным сообществом и педагогами-практиками, отчетливо имеется две противоположные точки зрения. Одна из них состоит в том, что «понятие компетентности не содержит каких-либо принципиально новых компонентов, не входящих в объем понятия "умение"» (М. Е. Бершадский). Прямо противоположная точка зрения базируется на представлении о том, что именно компетентностный подход во всех своих смыслах и аспектах

наиболее глубоко отражает основные аспекты процесса модернизации образования. Исходя из этой установки, делаются следующие утверждения: компетентностный подход дает ответы на запросы производственной сферы (Т. М. Ковалева); компетентностный подход есть обновление содержания образования в ответ на изменяющуюся социально-экономическую реальность (И. Д. Фрумин); компетентностный подход воспринимается как обобщенное условие способности человека эффективно действовать за пределами учебных сюжетов и учебных ситуаций (В. А. Болотов). Несмотря на все неоднозначности, компетентностный подход неизбежно будет востребован, и стратегия его внедрения должна быть соотнесена с изменениями

нормативно-правового, экономического, социально-психологического статуса образования, перспективами восточно-европейской и всевропейской интеграции, а также внутренними проблемами развития российского образования [2].

Поскольку компетентностный подход может иметь смысл и значение в качестве инструмента модернизации в сфере профессионального образования, то реализацию его идей призваны осуществить преподаватели высшей школы как основные проводники компетентностного подхода в учебный процесс. Сущность компетентностного подхода определяется двумя базовыми понятиями: компетенция и компетентность. Н. И. Алмазова определяет компетенции как знания и умения в определенной сфере человеческой деятельности, а компетентность – это качественное использование компетенций [1]. Логически и исторически обоснованной представляется точка зрения А. В. Хуторского относительно того, что необходимо различать понятия «компетенция», «компетентность» и «образовательная компетенция». *Компетенция* – совокупность взаимосвязанных качеств личности (знаний, умений, навыков, способов деятельности), задаваемых по отношению к определенному кругу предметов и процессов и необходимых, чтобы качественно продуктивно действовать по отношению к ним. *Компетентность* – владение, обладание человеком соответствующей компетенцией, включающей его личностное отношение к ней и предмету деятельности. В этом же контексте функционирует и понятие «образовательная компетенция», понимаемое как «совокупность смысловых ориентаций, знаний, умений, навыков и опыта деятельности ученика по отношению к определенному кругу объектов реальной действительности, необходимых для осуществления личностно и социально-значимой продуктивной деятельности». В этой связи образовательные компетенции дифференцируются автором по тем же уровням, что и содержание образования: ключевые, в составе которых представлены ценностно-смысловая, общекультурная, учебно-познавательная, информационная, коммуникативная, социально-трудовая и компетенция личностного самосовершенствования, а также общепредметные и предметные компетенции [5].

В данной статье обсуждаются некоторые направления реализации компетентностного подхода в рамках предмета «иностранное языко» и

роль преподавателя при развитии у студентов определенных компетенций. В практике обучения иностранным языкам, где доминирующим подходом стал коммуникативный подход, ведущей целью обучения является овладение иноязычным общением. При этом речь идет о развитии у студентов двух основных видов компетенций: неязыковых или общих и собственно языковых. К общим компетенциям относятся знания о мире, социокультурные и межкультурные знания, умения и навыки, экзистенциальная компетенция и познавательные способности. Все они помогают развитию умения общаться и обеспечивают любую деятельность, в том числе и коммуникативную. Компетентному пользователю языка необходимо владение собственно языковыми компетенциями: лингвистической, социолингвистической и прагматической. В социолингвистическую компетенцию входят знания и умения, необходимые для эффективного использования языка в социальном контексте: лингвистические маркеры социальных отношений, нормы вежливости, регистры общения, выражения народной мудрости. Прагматическую компетенцию составляют компетенция дискурса, функциональная компетенция и компетенция схематического построения речи [4]. Несомненно, что роль преподавателя состоит в том, чтобы направить обучение на достижение сочетания всех трех компонентов коммуникативной языковой компетенции. Такой подход обусловлен также психолингвистическим исследованием диалога языков и культур. В настоящее время резко возрастает интерес к проблемам этнопсихолингвистического уровня, рассматривающим язык как отображение социокультурной реальности [2], что делает необходимым изучение целостной картины мира, присутствующей в культурной традиции как своего, так и изучаемого народа. Открыть своеобразие культуры страны изучаемого языка и учесть его в практике преподавания иностранному языку в вузе – одна из важнейших задач.

Кроме того, решительный поворот в сторону коммуникативности обучения, предполагающий большую опору на данные психологии речи и социопсихолингвистики, неизбежно вносит коррективы в принятые способы оценки речевых высказываний. Для неподготовленной речи характерна самостоятельность учащихся, она и является показателем успешного решения коммуникативной задачи. Именно в таком на-

правлении разработаны новые нормы оценок: определяющим в оценке аудирования, говорения и чтения является качество решения коммуникативной задачи и взаимодействия с собеседником. Эта особенность овладения иностранным языком тесно связана и с пониманием феномена ошибки, где ошибка учащегося – это прежде всего ошибка взаимодействия. Такие компоненты коммуникативной компетенции, как социокультурный, социолингвистический и прагматический указывают на то, что в условиях реальной коммуникации знания лексики и грамматики недостаточны для успешного речевого взаимодействия. Поэтому целесообразно применение на занятиях таких заданий, в которых акцент идет прежде всего на обеспечение взаимодействия, а именно: работа со стилистическими вариантами выражения значений, перефразирование, ознакомление с социокультурными нормами изучаемого языка (повседневная жизнь, условия жизни, система ценностей, правила этикета).

Изучение иностранного языка с целью развития неязыковых и языковых коммуникативных компетенций выдвигает задачу оптимизации методов обучения иностранным языкам. Среду формирования и развития указанных выше компетенций могут обеспечить активные методы обучения, моделирующие ситуации реальной жизни. Использование ролевого общения, применение проектного обучения, кейс-анализа, мультимедийных средств обучения способствует формированию у студентов общекультурной, информационной, межкультурной компетенций. Мультимедиа открывают доступ к новым источникам информации, повышают эффективность самостоятельной работы, дают новые возможности для творчества, обретения профессиональных навыков, изменения стиля мыслительной деятельности, формирования мультимедиакомпетенции. Мультимедиа-технологии как психолого-педагогическое средство формирования потребностно-мотивационного плана деятельности студентов – это логическое и очень эффективное дополнение к учебному процессу, инструмент поддержки профессиональной деятельности преподавателя иностранного языка.

Действия преподавателя, отражающие его отношение и компетентность, есть важнейшее условие достижения студентами компетентности в языке. Подход к оценке деятельности преподавателя иностранного языка связан с

проблемой его профессиональной адекватности разрабатываемому компетентностному подходу. Решающее значение имеет профессиональная компетенция преподавателя, которая включает филологическую подготовку и технологическую компетентность, то есть методическое мастерство. Мультимедиакомпетенция – способность обучать иностранному языку в мультимедийной, интерактивной и гипертекстуальной среде – обязательная компонента в деятельности педагога-профессионала, так как мультимедиа-технологии – это эффективное и многофункциональное средство, интегрирующее в себе мощные распределенные образовательные ресурсы. Наличие педагогических способностей, ценностных ориентаций дополняют профессиональный портрет преподавателя. С точки зрения содержательного аспекта воспитательной компетенции, следует говорить о пересмотре роли современного преподавателя в учебном процессе и определению его как партнера в обучении и значимом разделении со студентами права осуществлять выбор. Как партнер по обучению он способствует изменению мотивации учения, инициирует рефлексию студента, стимулирует активность студентов, координирует взаимодействие «студент-студент», помогает в самостоятельном поиске необходимой информации, неформально сотрудничает со студентами, поощряет студента на самооценку своих достижений. Такая позиция способствует формированию у студента и ценностного отношения к себе как самосовершенствующейся личности, и умению взаимодействовать с другими людьми, руководствуясь правилами социального партнерства.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Алмазова, Н. И. Когнитивные аспекты формирования межкультурной компетентности при обучении иностранному языку в неязыковом вузе: автореф. дисс. ... д-ра пед. наук / Н. И. Алмазова. – СПб., 2003. – 47 с.
2. Бермус, А. Г. Проблемы и перспективы реализации компетентностного подхода в образовании / А. Г. Бермус // Интернет-журнал "Эйдос". – Режим доступа: <http://www.eidos.ru/journal/2005/0910-12.htm>
3. Леонтьев, А. А. Язык не должен быть "чужим" / А. А. Леонтьев // Этнопсихоллингвистические аспекты преподавания иностранных языков. – М., 1996.
4. Общеевропейские компетенции владения иностранным языком: изучение, обучение, оценка / Департамент по языковой политике. – Страсбург, 2001. – МГЛУ (русская версия), 2005.
5. Хуторской, А. В. Ключевые компетенции как компонент личностно-ориентированной парадигмы / А. В. Хуторской // Народное образование. – 2003. – № 2. – С. 58–64.

ББК Ч 481.2
УДК 378.025

Д. В. Воронков

ФОРМИРОВАНИЕ КОММУНИКАТИВНОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ СТУДЕНТОВ ТЕХНИЧЕСКОГО ВУЗА

Волгоградский государственный технический университет

Статья посвящена актуальной проблеме современной педагогики – совершенствованию подготовки специалиста технического вуза в условиях перехода высшей школы на новое поколение стандартов высшего профессионального образования; также рассмотрены современные исследовательские трактовки коммуникативной компетентности специалиста и представлена авторская дидактическая модель формирования коммуникативной компетентности инженера. При этом подчеркивается необходимость формирования коммуникативных качеств и навыков будущего инженера возможностями не только учебного процесса, но и внеучебной воспитательной деятельности вуза.

Ключевые слова: коммуникативная компетентность; профессиональная коммуникация; компетентность специалиста.

D. V. Voronkov

FORMATION OF SOCIAL COMPETENCY STUDENTS OF TECHNICAL COLLEGE

The Volgograd state technical university

Article is devoted to actual problem of modern pedagogics – to perfection of preparation of the expert of technical college in the conditions of transition of the higher school to new generation of standards of the higher vocational training; also modern research treatments of social competency expert are considered and the author's didactic model of formation of communicative competence of the engineer is presented. Necessity of formation of communicative qualities and skills of the future engineer by possibilities not only educational process, but also nonlearning educational activity of high school is thus underlined.

Keywords: communicative competence; professional communications; competence of the expert.

Переход российского образования на новое поколение Государственных стандартов высшего профессионального образования требует от высшей школы совершенствования подготовки специалиста, становления его как профессионала, владеющего не только профессиональными знаниями, но и ориентирующегося в новейших достижениях своей предметной сферы и обладающего умениями коммуникативного взаимодействия во всех аспектах профессиональной деятельности.

Новые ФГОС, основанные на компетентностном подходе, предусматривают для будущих инженеров формирование двух глобальных компетентностей: универсальной и профессиональной. К универсальным отнесены инструментальные компетенции (ИК), социально-личностные и общекультурные (СЛК), предусматривающие не только речевые коммуникативные компетенции (способность к устной и письменной коммуникации на государственном языке и владение вторым иностранным языком, умение работать с информацией из различных источников), но и компетенции, связанные с организацией межличностного взаимодействия (готовность к организационно-управленческой работе с малым коллективом и т. п.).

Иными словами, современный инженер должен обладать не только профессиональной, но и коммуникативной компетентностью. Что же такое коммуникативная компетентность специалиста в современном понимании?

Понятие «коммуникативная компетентность» определяется исследователями весьма различно. Это «знание процедуры общения» [7], «владение языком, умение ориентироваться в объекте общения для создания прогностической модели его поведения, эмпатия, личностные характеристики (адекватная самооценка, социальная направленность) самого субъекта общения» [9], «способность к ориентации» [1] или «ориентированность в различных ситуациях общения» [8], «система внутренних ресурсов, необходимых для построения эффективного коммуникативного действия в определенном кругу ситуаций межличностного взаимодействия» [4], «уровень обученности взаимодействию с окружающими, который требуется индивиду, чтобы в рамках своих способностей и социального статуса успешно функционировать в данном обществе» [3], «коммуникативные способности, коммуникативные умения, коммуникативные знания, адекватные коммуникативным задачам и достаточные для их решения»

[6], «сложное, многомерное образование в самом широком смысле этого слова, компетентность в межличностном восприятии, межличностной коммуникации, межличностном взаимодействии» [5], а также «коммуникативная гибкость» [2].

Основываясь на анализе психолого-педагогической литературы, можно говорить о двух основных подходах в изучении коммуникативной компетентности. Представители первого направления в структуру коммуникативной компетентности включают знания, умения, навыки. Представители второго направления, кроме когнитивного аспекта, включают также эмоционально-волевой компонент, мотивационно-ценностный компонент, а также их единство.

По мнению автора, *коммуникативная компетентность специалиста* – это сложное интегративное качество личности, основанное на способности вступать в эффективные межличностные отношения для достижения значимых профессионально-производственных результатов, это персональный резерв специалиста, гарантия принятия субъектом профессиональной деятельности и участником профессионального общения адекватных производственной ситуации коммуникативных решений, основанных на социально-профессиональном и личностном опыте субъекта управления.

Под *коммуникативной компетентностью инженера* понимается совокупность приобретенных в процессе личностного и профессионального становления знаний, умений, навыков в коммуникативной сфере и интериоризированного опыта коммуникаций других людей, успешно применяемого в профессиональной деятельности и межличностных взаимоотношениях и способствующего профессиональному и личностному росту специалиста.

Специфика коммуникативной компетентности инженера проявляется в ряде его профессиональных функций:

- *Информационно-преобразующая функция* связана с необходимостью трансляции технического текста (задания), знаковой информации, адекватно выражать техническую реальность в коммуникации с неспециалистами, находить наиболее адекватные лингвосемантические эквиваленты на основе кросс-культурного инженерного мышления.

- *Организационно-регулятивная функция* реализуется посредством распределения обязанностей внутри трудового коллектива с уче-

том индивидуальных особенностей исполнителей, наказания/ поощрения по итогам контроля; регулирования взаимодействий внутри коллектива, создания благоприятного психологического климата.

- *Аналитико-проективная функция* базируется на необходимости самостоятельно оценивать возможные социальные последствия принятого технического решения, осознавать свои профессиональные и личные цели и представлять варианты их достижения, регулировать производственные конфликты всех типов, проявлять креативность в выборе способа решения коммуникативных ситуаций и др.

- *Эмоционально-корректирующая функция* состоит в регулировании взаимодействий внутри коллектива, инициировании благоприятного психологического климата, в готовности принимать взвешенное решение в коммуникативной ситуации (выбора, конфликта и т. п.), в толерантном восприятии партнера, в способности встать на позицию другого.

- *Рефлексивно-оценочная функция* основывается на необходимости для инженера осознавать профессиональные и личные цели и представлять варианты их достижения, адекватно оценивать себя как специалиста и субъекта профессионального общения, выбирать эффективный стиль коммуникативного поведения с учетом индивидуальных особенностей участников коммуникативного акта, осуществлять коррекцию собственного поведения.

- *Ситуационно-адаптивная функция* состоит в умении легко и быстро устанавливать межличностные контакты; работать в команде в различных социальных ролях; выстраивать партнерские отношения и эффективно обмениваться информацией, аргументировано отстаивать свое решение; проявлять готовность к конструктивному конфликту, стать лидером в команде единомышленников; обосновывать неспециалистам необходимость принять данный вариант технического решения, использовать тот или иной путь реализации технического решения, проекта; эффективно влиять на мнение других.

В связи с требованиями ФГОС, предъявляемыми к содержанию подготовки специалиста вузом, возникают вопросы: какие возможности существуют в учебно-воспитательном процессе вуза для подготовки коммуникативно-компетентного специалиста-инженера; все ли возможности учебно-воспитательного процесса

используются в процессе подготовки коммуникативно-компетентного специалиста инженера; каковы пути оптимизации подготовки специалиста?

Для оптимизации процесса подготовки коммуникативная компетентность будущего выпускника должна рассматриваться как равноправная цель процесса профессиональной подготовки в техническом вузе.

Процесс формирования коммуникативной компетентности будущего инженера должен обеспечиваться сочетанием учебных и внеучебных возможностей, определяющих развитие мотивационно-ценностного, когнитивного и рефлексивного компонентов личности будущего специалиста. Необходимо единство содержательного и процессуального блоков целостного педагогического процесса подготовки инженера с использованием эффективных форм и методов формирования коммуникативной компетентности технических специалистов, основанных на их активной личностной позиции и социально одобряемых формах деятельности как в учебное, так и внеучебное время.

Основу формирования коммуникативной компетентности специалиста составляет понимание ее сущности как внепризводственного резерва личности, как качественной характеристики будущего инженера.

Необходимым условием успешного формирования коммуникативных качеств будущего инженера является сочетание социальных и педагогических условий, обеспечивающих развитие мотивационно-ценностного, когнитивного и рефлексивного компонентов личности, которые состоят:

а) в учете объективных потребностей общества в специалистах-инженерах, которые обладают коммуникативными качествами, способствующими повышению уровня решения профессиональных инженерных задач и качества выполнения инженерно-технических работ. Это отражается в признании коммуникативной компетентности как одной из равнозначных целей высшего образования;

б) степени разработанности дидактических средств, обеспечивающих формирование данных качеств специалиста в целостном учебно-воспитательном процессе как в учебное, так и во внеучебное время.

Разрабатываемая дидактическая модель формирования коммуникативной компетентности будущих инженеров включает следующие

аспекты: целевой, содержательный и оценочный; осуществляется как последовательность взаимообусловленных этапов. В соответствии с обозначенными образовательными целями и задачами основными средствами формирования коммуникативной компетентности являются: в учебном процессе – освоение когнитивного базиса коммуникативной компетентности в учебных курсах социально-гуманитарного блока; во внеучебной деятельности – участие в социально одобряемых видах деятельности (самоуправление, художественная самодеятельность, волонтерство и др.), способствующих развитию коммуникативных навыков и качеств личности.

Сформированность коммуникативной компетентности можно оценивать по ее внешним признакам, легко диагностируемым на основе метода педагогического наблюдения:

- продуктивное участие в общении при решении профессиональных и социальных задач;
- активное применение знаний, умений и навыков в сфере коммуникации в решении профессионально-контекстных ситуаций;
- умение работать в команде в разных социальных ролях и статусах;
- рефлексия как адекватная самооценка себя как специалиста и субъекта профессионального межличностного общения.

Поэтапное формирование коммуникативной компетентности обеспечивается системой дидактических средств, которая меняет свои характеристики с переходом на последующие этапы обучения. Основными путями формирования коммуникативной компетентности будущего инженера являются традиционное обучение, имеющее своей целью усвоение знаний в различных профессиональных сферах, и формы активного обучения, главная цель которых – формирование профессионально важных качеств, практических умений и навыков делового общения.

Хотя коммуникативная компетентность формируется в целостном учебно-воспитательном процессе, в данном исследовании внимание сосредоточено на использовании возможностей внеучебной воспитательной деятельности образовательного учреждения.

На первом этапе формируется мотивационная сфера будущего специалиста, поэтому преобладают такие дидактические средства, как диалог с элементами групповой дискуссии и работа в малых группах. В качестве основных

дидактических средств второго (когнитивного) этапа используются дискуссии и имитационные упражнения в ситуациях, моделирующих условия профессиональной деятельности. Приоритетными задачами третьего этапа эксперимента является формирование рефлексивного компонента, поэтому на данном этапе преобладают тренинговые коммуникативные упражнения на основе профессионально-контекстных ситуаций и деловых игр.

Отбор и структурирование содержания коммуникативной подготовки будущих инженеров в рамках ФГОС нового поколения учитывает факторы личностного развития студентов в непрерывном целостном учебно-воспитательном процессе на основе принципов комплементарности и взаимосвязи учебного и внеучебного процессов, гуманитаризации образовательной среды вуза, опоры на психолого-педагогические закономерности целостного учебно-воспитательного процесса.

Эффективность модели формирования коммуникативной компетентности будущих инженеров обеспечивается преемственностью отобранного и структурированного содержания коммуникативной подготовки в рамках ФГОС на всех этапах (мотивационном, когнитивном, рефлексивном) с использованием развивающих методов обучения и воспитания, в основе которых лежат профессионально-контекстные ситуации личностного развития. Эффективность данного подхода подтверждается также резуль-

татами мониторинга сформированности коммуникативной компетентности студентов с использованием разработанной авторской диагностической методики на основе методов самооценки, экспертной оценки, а также корреляционных методов обработки результатов.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Андреева, Г. М. Социальная психология: учебник для вузов / Г. М. Андреева. – М.: Аспект-пресс, 1999. – 375 с.
2. Данилин, К. Е. Формирование внутригрупповых установок и рефлексивной структуры группы / К. Е. Данилин // Межличностное восприятие в группе. – М.: Наука, 1981. – С. 35.
3. Емельянов, Ю. И. Теория формирования и практика совершенствования коммуникативной компетентности / Ю. И. Емельянов. – М.: Просвещение, 1995. – 183 с.
4. Жуков, Ю. М. Методы диагностики и развития коммуникативной компетентности: Общение и оптимизация совместной деятельности / Ю. М. Жуков; под ред. Г. М. Андреевой, Я. Яноушека. – М.: Изд-во МГУ, 1987. – 210 с.
5. Петровская, Л. А. Компетентность в общении: социально-психологический тренинг / Л. А. Петровская. – М.: Изд-во МГУ, 1982. – 216 с.
6. Сидоренко, Е. В. Тренинг коммуникативной компетентности в деловом взаимодействии / Е. В. Сидоренко. – СПб.: Речь, 2003. – 208 с.
7. Словарь практического психолога / сост. С. Ю. Головин. – Минск: Харвест, 1997. – 215 с.
8. Трофимова, Г. С. Формирование коммуникативной компетентности у будущих учителей в условиях педагогической практики в университете: автореф. дисс. ... канд. пед. наук / Г. С. Трофимова. – Л., 1990.
9. Хазанова, М. А. Исследование факторов, способствующих успешности общения / М. А. Хазанова // Психолого-педагогические проблемы коллектива и личности: сб. науч. трудов. – М.: НИИ ОП АПН СССР, 1978. – 165 с.

УДК 374.73 (1-87)
ББК Ч444 (3)

И. А. Тикушина

ФОРМЫ И СОДЕРЖАНИЕ ПОДГОТОВКИ ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ НЕФОРМАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ ЗА РУБЕЖОМ

Волгоградский государственный технический университет

В работе дана краткая характеристика неформального и общинного образования, а также описаны формы и содержание подготовки преподавателей, работающих в сфере данного образования.

Ключевые слова: дополнительное образование, неформальное образование, общинное образование, образование за рубежом, подготовка преподавателей.

I. A. Tikushina

FORMS AND CONTENT OF NON-FORMAL EDUCATION TEACHER TRAINING ABROAD

Volgograd state politechnical university

The article gives a short outline of non-formal and community education abroad and describes forms and content of non-formal and community education teacher training programmes.

Keywords: extended education, non-formal education, community education, education abroad, teacher training.

Концепции неформального и общинного образования являются развитием теории образования в течение жизни как исходной модели построения системы дополнительного образования за рубежом. Поскольку данная теория приобретает все большее значение в современном российском образовании в связи с экономическими и социокультурными изменениями в стране и развитием рынка дополнительных образовательных услуг, анализ зарубежного опыта подготовки преподавателей для сферы дополнительного образования, накопленный в течение многих десятилетий, представляет большой интерес.

Концепция неформального образования (non-formal education) возникла в 60–70-е годы XX века как синоним понятий «образование в течение всей жизни» («life-long education») и «образование взрослых» («adult education») в результате анализа международных образовательных проблем, связанных с недостаточной адаптацией образовательных учреждений к быстрым социальноэкономическим изменениям в мире [3]. Данная концепция составляет одну из трех частей триады «формальное образование» («formal education») – «неформальное образование» («non-formal education») – «внеинституциональное образование» («informal education»). Термин «формальное образование» определяется как иерархически и хронологически структурированная образовательная система, осуществляющая обучение в официальных образовательных заведениях, таких как школа и университет. Термин «неформальное образование» включает в себя любое организованное обучение вне стен официально признанных и специально предназначенных для этого учреждений, а под внеинституциональным образованием понимается процесс приобретения всей совокупности знаний, ценностей, навыков в результате взаимодействия человека с другими людьми и обществом в целом, а также средствами массовой информации. [3; 4, с. 71; 5, с. 167].

В современных научных публикациях понятие «неформальное образование» чаще всего применяется для описания образования в странах третьего мира и включает в себя программы по ликвидации неграмотности среди взрослого населения, обучающие программы для подготовки сельских фермеров, профессиональные программы подготовки или переподготовки, образовательные курсы в общине, курсы для отстающих школьников, программы

дошкольного образования. Данные программы запускаются и ведутся специально обученными на курсах преподавателями, не всегда имеющими педагогическое образование. Подготовительные курсы длятся не более 4–5 недель, затем молодые специалисты приступают к работе [3].

Основными и наиболее важными качествами молодых педагогов являются энтузиазм, идеологическая преданность, а также навыки, необходимые для диалогического общения, ведения дискуссий и продвижения необходимых идей. Большинство преподавателей молодые – в основном от 18 до 25 лет, поэтому им необходимо получить определенный статус и завоевать уважение слушателей. Иногда для работы привлекаются старшие и более опытные преподаватели, а также люди, пользующиеся успехом у данной группы населения [3].

При рассмотрении аналогичных явлений в западных странах чаще употребляется термин «общинное образование» («community education») – направление, организующее и осуществляющее образование вне стен формальных образовательных учреждений, в местных общинах и решающее образовательные проблемы конкретного региона [4, с. 72; 5, с. 167].

Для лучшего осмысления данного образовательного направления многие авторы предпринимают попытки его классификации. Автор согласна с А. М. Митиной, что наиболее точной и адекватной является трехсоставная классификация общинного образования П. Джарвиса:

1) общинное образование действия и/или развития («education for community action and/or development»), в основе которого лежит идея просвещения и образования необеспеченных рабочих слоев населения с целью порождения изменений в обществе;

2) образование в общине («education in the community») организуется на базе общинных колледжей («community college») – многофункциональных центров по предоставлению разнообразных образовательных услуг населению и реализующих образование в течение всей жизни («life-long education»);

3) заочное образование взрослых или образование «за стенами» («adult education beyond the walls», «extra-mural education»), организуемое штатными сотрудниками университета или почасовиками в общинах [5, с. 175].

Подготовка педагога осуществляется с учетом отличительных особенностей общинного

колледжа или общинной школы: открытое планирование обучения, исходящее из интересов и потребностей данного населения, а также отсутствие возрастного ограничения обучающихся, что соотносится с идеей образования в течение всей жизни («life-long education»); сотрудничество с общиной, государственными и добровольными организациями по обеспечению социального благосостояния, родительскими комитетами и участие в школьном совете [2].

В контексте общинного образования также рассматривается Университет третьего возраста (The University of the Third Age) – образовательная организация для людей пенсионного возраста, позволяющая участникам поделиться своим опытом, знаниями и умениями, а также поучиться у других участников и пополнить свое образование [5, с. 181]. В основу обучения в таких организациях выносятся опыт и интересы не только преподавателя, но и учащихся.

Автор полагает, что для подготовки педагога системы общинного образования необходимо выделить специфические черты, свойственные разным формам общинного образования и отличающие его от других направлений. Наиболее полный, по его мнению, список характеристик общинного образования предлагает шотландский ученый К. МакКоннелл, в котором указываются следующие отличительные особенности:

- 1) продолжительность в течение всей жизни;
- 2) большой акцент на активном участии в обучении и принятии решений самими учащимися;

3) опора на интересы, жизненный опыт, проблемы и потребности учащихся при организации обучения;

4) указание на наличие и достижение даже незначительных изменений;

5) проведение обучения внутри определенных общин;

6) использование в большей степени методов неформального образования [5, с. 182].

Таким образом, подготовка педагога для работы в системе неформального и общинного образования за рубежом отличается от традиционного обучения более сжатыми сроками, сотрудничеством с населением и общественными организациями, ориентацией на интересы, жизненный опыт, проблемы и потребности населения, а также на концепцию обучения в течение всей жизни.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. *Smith, K.* Community education / K. Smith // The informal education homepage, First listing: July 1996. Last update: February 05, 2009//<http://www.infed.org/community/bcomed.htm/06.04.2009>.
2. *Smith, K.* Community schools / K. Smith // The informal education homepage, First listing: July 1996. Last update: February 05, 2009// <http://www.infed.org/schooling/bcomsch.htm/06.04.2009>.
3. *Smith, K.* Non-formal education / K. Smith // The informal education homepage, First listing: July 1996. Last update: February 05, 2009// <http://www.infed.org/biblio/bnonfor.htm/06.04.2009>.
4. *Tight, M.* Key Concepts in Adult Education and Training / M. Tight. – 2nd ed. – London – New York: Routledge, 2003.
5. *Митина, А. М.* Дополнительное образование взрослых за рубежом: Концептуальное становление и развитие / А. М. Митина. – М.: Наука, 2004. – 304 с.

ББК ТЗ (2) 622.12

О. И. Ситникова, А. Н. Потапов

ИЗ ОПЫТА ПО ОРГАНИЗАЦИИ И ПРОВЕДЕНИЮ ОТКРЫТОГО СЕМИНАРА «СТАЛИНГРАД. ПАМЯТЬ ОГНЕННЫХ ДНЕЙ»

В статье анализируется опыт подготовки открытого семинара «Сталинград. Память огненных дней», проведенного в рамках Всероссийского семинара-совещания «Пути совершенствования патриотического воспитания на современном этапе» (ноябрь 2008 г., Волгоград). Использование аудио-, видео-, фотоматериалов позволило организаторам создать в ходе семинара особое эмоциональное настроение и выполнить поставленные воспитательные задачи.

Ключевые слова: учебный процесс, патриотическое воспитание, студенты, Сталинградская битва, методика, современные информационные технологии.

О. I. Sitnikova, A. N. Potapov

FROM THE EXPERIENCE IN PREPARATION OF OPEN SEMINAR «STALINGRAD. MEMORY OF BURNY DAYS»

In the article authors analyze the experience in preparation of open seminar «Stalingrad. Memory of burny days». It was organized in All-Russian workshop-meeting «The ways of development of patriotic upbringing in current stage» (November, 2008, Volgograd). The moderators used audio-, video- and photo-materials. It helped them to create special emotional climate and to execute performance upbringing targets.

Keywords: academic activity, patriotic upbringing, students, Stalingrad battle, methods, modern information technologies.

К теме войны, Победы в Великой Отечественной войне, в Сталинградской битве постоянно обращаются в учебном процессе преподаватели кафедры истории, культуры и социологии ВолгГТУ. Это обусловлено прежде всего особой ролью нашего города в истории второй мировой войны, Великой Отечественной войны и необходимостью показать, что победа советского народа в той войне была победой над страшным злом, которое несла в себе фашистская идеология. Безусловно, обращение к героическому прошлому – весьма значимый компонент воспитательного процесса. Ежегодно в нашем вузе на потоках проходят конференции, посвященные военно-патриотической тематике, готовятся творческие работы к конкурсам студенческих научных работ, организуются экскурсии по героико-патриотическим местам г. Волгограда и Нижневолжского региона.

В прошедшем учебном году памяти Сталинградской Победы был посвящен открытый семинар «Сталинград. Память огненных дней», проведенный в рамках Всероссийского семинара-совещания проректоров вузов с участием представителей Федерального агентства по образованию и администрации Волгоградской области «Пути совершенствования патриотического воспитания на современном этапе» (ноябрь 2008 г., Волгоград). В открытом семинаре приняли участие студенты 2-го курса машиностроительного факультета (гр. АУ – 120, 123) под руководством преподавателей кафедры истории, культуры и социологии О. И. Ситниковой и А. Н. Потапова.

Перед нами стояли трудные задачи: показать грандиозность и значимость сражения на Волге, подчеркнуть его яростный характер, затронуть живые струны – показать трагедию города, оставшихся в нем людей, героический подвиг защитников; боль и переживания ветеранов, доживших до наших дней; высказать свою позицию по спорным вопросам; показать связь времен на примере деятельности поисковых отрядов.

Нам представляется, что при проведении подобных мероприятий с молодежью для достижения воспитательной цели необходимо использовать разные методы подготовки и максимально задействовать современные технологии. Семинару предшествовала большая работа, которую можно условно разделить на две части: подготовка текстовых материалов со студентами и подготовка аудио-, видео-, фото-сопровождения.

Открытый семинар накладывал особый отпечаток на характер подготовки, но очень важны были переживания и оценки студентов, их ощущения и взгляд изнутри относительно сделанного. И в этом плане мы получили позитивный отклик, поняли, что шли в правильном направлении и в целом добились поставленной цели. Не было отбора лучших, задание получил практически каждый из студентов в соответствии со своими предпочтениями. Поиск материала шел по разным направлениям: книги, журналы, газетные публикации, интернет. Разумеется, были также использованы материалы из личных архивов преподавателей, из архивов студенческих научных работ.

Львиная доля времени ушла на поиск, обработку и структурирование мультимедийного материала, которого, с одной стороны, было много, а, с другой стороны, недостаточно для отражения всего ужаса происходившего во время Сталинградской битвы. За основу была взята замечательная работа волгоградских документалистов «Сталинград. Память огненных дней». Этот фильм, снятый в 2007 г. по заказу Комитета по печати и информации администрации Волгоградской области «ГТРК» Волгоград – ТРВ» (реж. Алексей Басов), демонстрировался на встрече студентов ВолгГТУ с авторским коллективом и, полагаем, никого не оставил равнодушным. Об этом свидетельствовала прежде всего необычная тишина в переполненном актовом зале на всем протяжении показа фильма.

Помимо фильма были задействованы и другие видеоматериалы, созданные, в частности, по результатам экскурсионных поездок со студентами нашего вуза в предыдущие годы. Важным средством поддержания эмоционального фона стали фотодокументы. Были отобраны и созданы тематические фоторяды, отражающие разные эпизоды Сталинградской битвы.

В условиях торжественного занятия необычайно пронзительно прозвучало стихотворение, прочитанное студенткой Кристиной Миллер. Это был пример не только прочувствованного отношения к теме, но и результат созданного настроения в ходе семинара.

Опыт по организации семинара планируется сохранить не только для себя, но и для кафедры, университета в виде методического пособия, над которым в настоящее время ведется работа. Хочется, чтобы патриотические традиции, формирующиеся и культивирующиеся в нашем городе-герое и вузе, не угасали, а нахо-

дили свое продолжение в сердцах подрастающего поколения. И тяга к истории страны, родного края, к событиям героических дней не исчезала, а оставалась естественной потребностью молодых людей, ищущих и обретающих в прошлом то ценное, без чего человеческая жизнь теряет смысл.

Сценарий семинара

«Сталинград. Память огненных дней»

Как поверить, что были объаты
Здесь дома беспощадным огнем,
Что в боях умирали солдаты
Там, где сегодня мы с вами живем.

1. Заставка. Кафедра истории, культуры и социологии. Сталинград. Память огненных дней.

Песня «С чего начинается Родина?» (*видео-клип об экскурсиях*).

2. Песня из фильма «Офицеры» (*видео-клип «Мамаев курган»*).

Вступительное слово преподавателя (*видеофрагмент № 1*).

3. Шансы на победу (Характеристика и анализ военно-стратегического положения накануне Сталинградской битвы) – таблица «Соотношение сил перед началом битвы».

4. 28 июля 1942 г. Приказ № 227.

«Командование 6-й полевой армии стремилось полностью окружить и уничтожить 62-ю Армию».

5. Начало битвы за город (*видеофрагмент № 2. Рассказ ветерана-моряка + горящий город*).

6. Переход немцев к обороне в ноябре.

7. Исход сражения предопределили стойкость воинов и тружеников тыла:

– стихотворение Б. Д. Палийчука «Ты помнишь эту ночь?»;

– героизм и самоотверженность советских солдат;

– тыл на линии огня:

- рабочее ополчение, строительство оборонительных сооружений (*фоторяд*);

- механический институт (*видеоряд*);

- деятельность заводов: СТЗ (*видеоряд*), «Красный Октябрь» (*видеоряд*);

- *видеофрагмент № 3. Г. К. Жуков.*

8. Подготовка контрнаступления:

План «Уран» (*фоторяд с картами; видеофрагмент № 4*).

План «Кольцо» (до 26 января) (*видеофрагмент № 5. Пленение Паулюса. Завершение битвы*).

9. Один из факторов Победы:

«Военное мастерство, талант военачальников, разработанные операции, тактические и стратегические новшества» (*фоторяд*).

10. Анализ точки зрения некоторых западных историков о равнозначности Сталинградской битвы и битвы при Эль-Аламейне.

11. Значение победы под Сталинградом (*Видеофрагмент № 6. Солдат из 1942 г.*)

12. Песня «Журавли» (*видеофрагмент*).

РЕЦЕНЗИЯ

на учебное пособие *Р. М. Петруневой, Н. В. Дулиной, Д. В. Воронкова*

**«ПСИХОЛОГИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ:
ПРАКТИЧЕСКИЕ ЗАНЯТИЯ, КОНТРОЛЬНЫЕ РАБОТЫ, ПИСЬМЕННЫЕ ОПРОСЫ,
ДОМАШНИЕ ЗАДАНИЯ»**

Техногенная среда современного общества предъявляет все более жесткие требования к специалистам, занятым в ней профессиональной инженерно-технической деятельностью. Эти требования касаются не только сугубо технических сторон функционирования технических систем, но и того социокультурного контекста, в котором эти системы действуют. Не случайно сегодня по отношению к ним используют понятие «социотехническая система». Однако достижение социогуманитарной компетентности в рамках современного инженерного образования очевидным образом затруднено в связи с его прагматической переориентировкой и снижением акцента на социально-гуманитарную компоненту обучения.

В этом плане представленное учебное пособие, предназначенное для преподавателей технических вузов, ведущих курс психологии профессиональной деятельности, имеет безусловную ценность и может служить образцом такого типа изданий, адресованных профессионалам.

Во-первых, оно действительно ориентировано на помощь преподавателю, который владеет содержательным материалом, но, может быть, не имеет достаточного опыта преподавания. В книге такое обилие и разнообразие приемов методической работы со студентами, что преподаватель может выбрать из этого веера то, что наиболее адекватно условиям работы в конкретном вузе, с конкретной группой, обучающейся по конкретной специальности. Преподавателю уже не надо собирать вспомогательные материалы по разным изданиям; и тематика домашних заданий, и тесты как на каче-

ства личности, так и контрольные, и литература – все это в компактном и в то же время емком виде содержится в пособии.

Во-вторых, материал книги так подан, что он провоцирует читателя на развитие, продолжение, поиск вариаций предлагаемых заданий, он как бы направляет мысль самого преподавателя на творческий поиск.

Рукопись, по сути, содержит описание методики проведения занятий со студентами в объеме 51 аудиторного часа (всего на дисциплину отведено 119 часов), тематики контрольных работ, тестов, а также тематики самостоятельных работ, на которую ложится большая нагрузка в ситуации, когда лишь 43 % от общего количества часов по дисциплине – это аудиторные занятия.

Учебное пособие отличается глубиной и творческим потенциалом. Безусловную практическую ценность имеет также предлагаемая авторами методика расчета рейтинговой оценки успеваемости студентов, что само по себе представляется достаточно непростым делом.

Работа увлекательна, читается легко, написана в современном ключе. Считаю, что цель, которую ставили перед собой ее авторы, а именно, дать реальные знания преподавателям, объединить эти знания в обучающий комплекс, обеспечить эффективность его применения в качестве учебного пособия для оптимизации использования человеческих ресурсов, решена ими в ходе подготовки настоящего пособия в полном объеме.

Содержание учебного пособия отражает требования Государственного образовательно-

го стандарта (ГОС) высшего профессионального образования по курсу «Менеджмент», «Психология и педагогика».

В этой связи целесообразно присвоить учебному пособию Р. М. Петруновой, Н. В. Дулиной, В. В. Воронкова «Психология профессиональной деятельности» разрешительный гриф УМО «Допущено Учебно-методическим объе-

динением вузов по университетскому политехническому образованию в качестве учебного пособия для магистрантов, аспирантов, преподавателей и слушателей школ педагогического мастерства технических вузов».

Д-р филос. наук профессор кафедры социологии и культурологии МГТУ им. Н. Э. Баумана
Н. Г. Багдасарьян

РЕЦЕНЗИЯ

на монографию *И. Г. Селезневой, Н. А. Скобелиной, А. С. Суховой*

«ВЛИЯНИЕ ДЕСТАБИЛИЗИРУЮЩИХ ФАКТОРОВ НА ДЕВИАНТНОЕ ПОВЕДЕНИЕ»

Радикальные преобразования в экономической, политической и прочих сферах жизнедеятельности общества происходят в обстановке резко возросшей динамики развития. Образование новых общественных институтов, внедрение рыночных методов хозяйствования наталкивается на противодействие значительной части субъектов социальных отношений.

В процессе ускоренной модернизации экономики большинство населения оказалось не в состоянии в короткие сроки перестроить свое поведение, освоить новые экономические методы. В настоящее время ценностное восприятие индивида ориентировано на материальные блага в условиях расширения экономических форм взаимодействия.

В этих условиях социальные процессы становятся все более отстраненными от гуманных и духовных ориентаций. Эффективное функционирование общества в его взаимодействии, основанном на сотрудничестве и понимании, имеет большое значение для стимулирования положительных тенденций в социальной сфере России.

Данные процессы предопределяют высокую степень социальной напряженности, конфликтности в характере развития современного российского общества. Это в полной мере осознают авторы и в своей работе стремятся не только декларировать актуальность исследования, но и на конкретном материале доказывают справедливость своих научных изысканий. Теоретическая значимость и политическая актуальность рассматриваемой монографии не вызывает сомнения.

В целом работа дает определенный прирост знаний в обозначенной научной области, вносит большой вклад в развитие науки и практики изучения девиаций и способствует осмыслению

проблем, связанных с социальными процессами, происходящими в современном обществе.

Авторы последовательно подходят к изучению выбранной проблемы. Первая глава посвящена теоретическим основам проблемы стабильности и методологическим принципам их исследования. Особой заслугой авторов является анализ разнообразных путей достижения стабильности в современном обществе. Безусловным преимуществом исследования является логическая структурированность и группировка вопросов, которые позволили проанализировать довольно обширный материал.

Вполне обоснованным является авторское обращение к рассмотрению основных путей формирования стабильности в рамках проведенных ранее исследований. Эта информация дает авторам возможность сделать выводы о тех усилиях и попытках, которые были предприняты различными организациями по укреплению стабильности в обществе.

Во второй главе рассматривается специфика проявления социальной дезорганизации в современной России, выявляются их особенности и причины институциональных изменений. Подходы к рассмотрению социальных институтов, примененные в работе, не вызывают возражений. Авторами представлено законченное исследование всего комплекса теоретических положений, позволяющих совершенствовать пути по формированию стабильности и интеграционного потенциала российского общества.

Достоверность полученных научных результатов оценивается как достаточная. Выводы авторов опираются на солидную эмпирическую базу, включающую статистические и аналитические сведения, материалы научных семинаров и конференций. Всесторонняя проработка теоретических вопросов доведена до конкретных выводов.

Третья глава содержит подробный анализ основных социальных предпосылок современных девиаций, гендерный подход к ним, особенности эволюции понятия «норма», технологии урегулирования социально-политических конфликтов и разработанные авторами методические рекомендации по оптимизации современных социальных противоречий. В рамках данного исследования рассмотрены различные виды отклоняющегося (девиантного) поведения. В первую очередь следует выделить девиации созидательной и разрушительной направленности. Основным критерием определения характера девиантного поведения является не форма его реализации, в частности, наличие атрибута насилия, а уровень справедливости перераспределения источников пополнения жизненной энергии.

Четвертая глава направлена на выявление особенностей основных направлений и механизмов стабилизации российского общества влияющих на девиантное поведение. В рамках социосинергетической парадигмы рассматривается взаимодействие личностного и индивидуального сознания, делается акцент на влияние социальных девиаций на общественное развитие.

Преимущество работы состоит в том, что анализируемая эмпирическая база, в частности, данные ГИЦ МВД РФ за период 1990–2005 гг., позволяют авторам говорить об уникальности проведенного ими исследования с позиции выявления особенности женской преступности, ее форм и возможных путей минимизации. Авторы показывают, что гендерное отличие имеет даже мотив совершения преступления. Уделяется значительное внимание проблемам мотивации, поскольку ее изучение приближает исследователей к уяснению субъективно-двигательных компонентов, приводящих личность к совершению преступления. Учет гендерного фактора при анализе девиантного поведения представляется важнейшим принципом для дальнейшего совершенствования профилактической коррекции работы.

Данная структура монографии отличается внутренней логикой и органичной целостностью, что является несомненным достоинством работы.

Степень разработанности проблемы определена авторами с учетом классических и современных разработок ведущих отечественных и зарубежных ученых, исследования которых посвящены вопросам изучения девиантного поведения. Примененная в работе теоретико-

методологическая база отражает достижения современной науки.

К заслугам монографии следует отнести системное рассмотрение социальной дезорганизации современного общества, выявление ее основных причин, что позволило авторам показать влияние дестабилизирующих факторов на девиантное поведение. Оценивая достоинства представленной монографии, ее следует охарактеризовать как логически целостное, комплексное исследование. Представленные результаты исследования логично выстроены, имеют важное значение.

Заканчивая анализ представленной монографии можно отметить, что она является законченной работой, в которой изложены научно обоснованные социологические разработки, имеющие существенное значение в современном региональном взаимодействии. В то же время в монографии имеется ряд недостатков и спорных моментов, порождающих вопросы, которые были сформулированы выше.

Во-первых, несколько снижается впечатление от грамотного анализа проблемы девиантного поведения, известная мозаичность изложения взглядов корифеев социологической и психологической мысли. В результате чего рассказ превращается в самоцель и стержневая идея теряется в калейдоскопе рассуждений о девиациях.

Во-вторых, имеется чрезмерная осторожность авторов в выявлении собственной позиции на такие важные проблемы, как природа и сущность понятий «стабильность», «устойчивость». За изложением многочисленных подходов к этим понятиям собственная позиция авторов теряется.

Фундаментальность проделанной работы несомненна, однако необходимо отметить, что части 3.2. «Гендерный подход к изучению девиантного поведения» и 4.2. «Влияние механизмов стабилизации российского общества на девиантное поведение личности» монографии перегружены эмпирическим материалом и его подробным описанием, однако авторы не всегда его глубоко анализируют и критически рассматривают.

Данная монография может быть рекомендована студентам и аспирантам в качестве учебного пособия по девиантному поведению, а также всем, интересующимся проблемами социологии девиантного поведения.

Д-р филос. наук профессор кафедры истории и культурологи ВГМУ
Г. П. Кибасова

РЕЦЕНЗИЯ

на монографию *В. Г. Бобровникова***«МИЛОСЕРДНАЯ РОССИЯ:
ОПЫТ ОБЩЕСТВЕННОЙ И ЧАСТНОЙ БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОСТИ
(XVIII – начало XX вв.)»**

Вышла вторая монография В. Г. Бобровникова о благотворительности. Первая книга автора, изданная в 2000 г. [1], была посвящена развитию института государственного призрения и благотворительной деятельности русской православной церкви. В рецензируемой здесь работе рассматривается общественная и частная благотворительность в императорской России на протяжении более двух столетий. Последние два десятилетия данной проблеме уделяли внимание немало историков и журналистов (тема стала довольно популярной с начала горбачевской перестройки), однако серьезные исследования можно пересчитать по пальцам одной руки [2]. Преобладает публицистический подход к разработке вопроса, нередко путаются понятия благотворительность, меценатство, спонсорство. Если в основе первых двух лежит бескорыстная жертвенность, то спонсорская помощь обычно предполагает определенную отдачу. Меценатство тоже имеет свою специфику и большей частью проявляется в области культуры. Понятие «благотворительность» значительно шире. В. И. Даль рассматривал благотворение как общечеловеческую способность к «благодеянию, добродейству, деланию добра». Словарь Брокгауза и Эфрона определяет благотворительность как «нравственную обязанность имущего спешить на помощь неимущему». Причем сама эта нравственная обязанность как отмечал автор в своей первой уже упоминавшейся здесь книге, имела в своей основе религиозный, и, прежде всего православный характер. Основой христианского милосердия являлось бескорыстие, связанное с личным самопожертвованием и самоотвержением. Именно поэтому апостол Павел отказался от своего права содержания общинами, чтобы не показать, что его деяния своекорыстны: «Любовь не ищет своего» [1, с. 27].

В. Г. Бобровников проделал большую работу по сбору, систематизации и анализу значительного количества опубликованных и архивных материалов, многие из которых впервые вводятся в научный оборот. Особенно ценными представляются сведения фондов личного происхождения шести центральных и местных ар-

хивов, где отложились документы духовных завещаний, частная переписка благотворителей, государственных и общественных деятелей, содержатся материалы о формах и видах благотворительной деятельности обществ и частных лиц различных сословий.

В своей работе автор, как он сам отмечает, «...попытался ...выработать концепцию «милосердной России» на примере частной и общественной благотворительности и определить ее мотивационные механизмы» (с. 13). В этом плане определенным диссонансом выглядит попытка «дополнить наиболее известные интерпретации российского символа – двуглавого орла». Не вполне понятны методы, используемые автором для обработки и группировки собранного им богатого источникового материала.

В первой главе показывается филантропическая деятельность различных общественных организаций России, начиная с церковных братств, образовавшихся еще в XV в., до корпоративных дворянских организаций, возникших в XVIII и просуществовавших до 1917 г. Автор, безусловно, сам человек православный, скрупулезно рассматривает формы и виды благотворительности, прослеживает ее связь с духовно-нравственным совершенствованием российского общества, где состояние сострадания и любви к Отчизне и ближнему были «основной творческой силой русской души». Трудно не согласиться с автором в его утверждении, что благотворительность являлась «не только инструментом социальной защиты нуждающихся, но и фактором развития отечественной культуры» (с. 47).

Особую отрасль благотворительности составили частные пожертвования, рассмотренные В. Г. Бобровниковым во второй главе. Исследователю понадобилось немалое время, чтобы собрать статистические сведения о людях, которые старались делать добро. Автор традиционно подошел к рассмотрению материала «просопографическим путем». На примере династий Строгановых, Шереметевых, Демидовых, Голицыных (последних автор, как кажется, без должных оснований относит к Рюрико-

вичам) даются сведения библиографического порядка о благотворителе и характере пожертвования (время, сумма, адресность, посвящение, реализация и т. д.) Монография содержит многочисленные примеры частных и родовых пожертвований на самые разнообразные суммы и цели. Хочется, однако, отметить, что далеко не все русские купцы и дворяне были склонны к благотворительной деятельности. Большую часть русского купечества и дворянства составляли отнюдь не Бахрушины, Морозовы, Третьяковы и Рябушинские, а алчные и бездушные Кабанихи, Дикие, Плюшкины и Коробочки. Автор же невольно идеализирует своих героев, утверждая, что «российское купечество как сословие (надо понимать все? – С.П.), для которого прибыль была превыше всего, а честь выше прибыли, стало формироваться с середины XVII в.» (с. 41). Звучит, конечно, красиво, но вряд ли соответствует действительности. В этом плане монография может приобрести еще больший вес, если бы те ценные сведения, собранные автором в ходе кропотливого и многолетнего труда, были сгруппированные в таблицы. В них можно (это напрашивается) в процентном или любом другом количественном выражении показать размеры благотворительной деятельности по сословиям, направлениям, в зависимости от размера капитала, характера благотворительных пожертвований и т. д. Можно было (а возможно и необходимо) составить словарь российских благотворителей. Структура такого словаря могла бы состоять из разделов, выстроенных как по хронологическим периодам, так и по сословной принадлежности благодетеля. Впрочем, критерии подбора и группировки данных могут быть самыми разнообразными. Это значительно повысило бы научную составляющую монографии.

Более пристального рассмотрения требует (тем более эта цель заявлена во введении) мотивационная составляющая пожертвований, в том числе и обычной милостыни. В монографии выделены мотивы, которыми руководствовались частные благотворители при составлении духовных завещаний (с. 86). Менее четко выражена мотивационная основа благотворительности в других разделах исследования (с. 44, 97). Важно дать ответ на вопрос, каким образом, благотворительность соотносилась к соблюдению религиозных обрядов как пути выражения веры. Дарения в земной жизни помогали заглаживать вину за грехи и накопление

большого богатства. Пожертвования монастырям и церкви за «упокоей души» имели давнюю традицию. Ведь заупокойные молитвы монахов могли, как считали многие, спасти грешную душу от адского пламени.

К очевидным достоинствам работы следует отнести предпринятую и в целом удачную попытку проанализировать духовные завещания, которые, как справедливо отмечает В. Г. Бобровников, «занимают особое место в российском благотворительном менталитете» (с. 77). К сожалению, не вполне ясно, сколько всего было проанализировано таких документов, какие методы обработки первичного материала использовались в монографии. Все ли завещатели прощали должникам их долги и действительно такое поведение «было нормой православного человека». И значит ли это, что все корыстолюбцы, взяточники, стяжатели, расхитители государственных средств и т. п. не являлись православными, а сплошь были представителями других конфессий.

Вне поля рассмотрения осталась деятельность земств и органов городского управления после 1870 г. А ведь именно тогда Россия, правда, не без помощи властей, сделала первый робкий шаг по пути формирования гражданского общества.

Невольно напрашивается сравнение прежних и «нынешних благотворителей». Нажитые сомнительным, а зачастую откровенно преступным путем состоянием современные толстосумы предпочитают тратить в Куршевилях и Дубаях, на покупку роскошных яхт и замков, футбольных и гольфклубов. Отдельные и вобщем-то нечастые примеры обратного не меняют общей картины. И можно ли считать благотворительностью редкие акты такого показного милосердия (возвращение народу мизерной части у него же украденного), как правило, под вспышки многочисленных фото- и видеокамер. Странно порой выглядят и хорошо пропиаренные красивые жесты наших нынешних лидеров, которые во время ежегодных виртуальных встреч с электоратом за счет бюджета предоставляют квартиры, дарят компьютеры, кукол, щенков или билеты на новогодние елки отдельным счастливо дозвонившимся до них соотечественникам. В связи с этим можно напомнить исторический факт. Вскоре после крушения царского поезда недалеко от станции Борки 17 октября 1888 г. царь Александр III пригласил С. Ю. Витте возглавить Департамент же-

лезных дорог России с должностным окладом размером шесть тыс. рублей в год. Царь таким путем отметил усердие чиновника, незадолго до этого предупреждавшего его о возможной трагедии (тогда погибли 19 человек) в случае нарушения скоростного режима на трассе. До этого С. Ю. Витте получал 50 тысяч в год на посту начальника частных Юго-Западных железных дорог и царь из своих средств доплачивал ему ежегодно недостающие 44 тысячи. Тогда даже государь (!) не мог по своей прихоти нарушить закон.

Интересны разделы книги, посвященные оказанию милосердной помощи частными и государственными лицами за пределами страны. Христианское милосердие бескорыстно и не знает границ – таков основной лейтмотив этой части монографии.

В заключение хочется отметить, что рецензируемое монографическое исследование В. Г. Бобровникова появилось вовремя. Первые проявления возрождения благотворительной традиции в современной России вызывают потребность в научном осмыслении этого явления, его исторических традиций, современных форм и перспектив развития. В этом плане книга В. Г. Бобровникова представляет важную научную и практическую ценность. Одна из первых

попыток в отечественной историографии (и вторая у автора) изучить проблему в общероссийском масштабе в течение длительного хронологического периода. Сбран и проанализирован значительный материал. Хочется надеяться, что книга даст толчок новым исследованиям в данном направлении, в том числе и самим автором, а традиции русской, православной благотворительности будут восстановлены и найдут свое выражение в деяниях нынешних и будущих последователей милосердных людей дореволюционной России.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. *Бобровников, В. Г.* Благотворительность и призрение в России / В. Г. Бобровников. – Волгоград, 2000.
2. См.: Благотворители и меценаты прошлого и настоящего: словарь-справочник от А до Я / автор-сост. М. Л. Макальская. – М., 2003; *Боханов, А. Н.* Коллекционеры и меценаты в России / А. Н. Боханов. – М., 1989; *Думова, Н. Г.* Московские меценаты / Н. Г. Думова. – М., 1992; *Лопухина, Е. Н.* Самые знаменитые меценаты России / Е. М. Лопухина. – М., 2003; *Мешалкин, П. Н.* Меценатство и благотворительность сибирских купцов-предпринимателей: вторая половина XIX – начало XX вв. / П. Н. Мешалкин. – Красноярск, 1995; *Скотч, А. В.* Меценатство и благотворительность в отечественном образовании XIX–XX вв. / А. В. Скотч. – М., 2004.

Канд. истор. наук
С. Е. Прошечкин

УДК 316. 4. 057
ББК С 55. 7

Н. В. Дулина

**СОЦИАЛЬНОЕ САМОЧУВСТВИЕ РОССИЯН В УСЛОВИЯХ КРИЗИСА:
РЕГИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ
(по итогам «круглого стола»)**

Волгоградский государственный технический университет

В Волгоградском государственном техническом университете 14 апреля 2009 года состоялся «круглый стол» на тему «Социальное самочувствие россиян в условиях кризиса: региональный аспект».

В ходе «круглого стола» были представлены результаты второй волны исследования «Межрегиональный индекс кризисного сознания» (МИКС), проводимого общероссийской Ассоциацией региональных социологических центров «Группа 7/89». Первая волна исследования прошла в ноябре 2008 года, общий объем выборки – 9700 респондентов, число отдельных территорий исследования – 17. В рамках первой волны исследования на территории Волгоградской области опрашивались жители только Волгограда, было получено 702 интервью. Исследование во всех регионах проводится по сопоставимым методикам. Выборка репрезентативна по полу, возрасту, территории проживания. По Волгоградской области величина максимальной статистической погрешности при доверительном уровне 0,95 составляет 3,7 %. Результаты, полученные в ходе массового опроса (а было опрошено 12400 респондентов, не менее 500 респондентов в каждом отдельном регионе; всего территорий исследования – 21; в том числе в Волгоградской области было получено 710 интервью) и анализа статистических данных, дополнены экспертными оценками и региональной аналитикой. Полученные в ходе исследования данные позволили в динамике оценить социальное самочувствие волгоградцев, сравнить эти данные с результатами других регионов, составить карту «социальной переносимости кризиса». Разработчики и орга-

низаторы проведенного исследования полагают, что оно чрезвычайно актуально с точки зрения формирования объективной оценки социально-экономических последствий кризиса на местах и выработки адекватных мер оздоровления ситуации в этой сфере.

Правильность данного мнения подтвердила дискуссия, развернувшаяся в ходе проведения круглого стола, к участию в работе которого были приглашены представители политических партий, органов власти, силовых и надзорных структур региона, делового экспертного и научного сообществ. Следует сразу сказать, что обсуждение материалов «круглого стола» нашло широкий отклик в средствах массовой информации региона. Общероссийская презентация результатов исследования МИКС прошла 15 апреля в Москве в Независимом пресс-центре.

Начался «круглый стол» с представления двух заранее заявленных выступлений. Первое выступление «Межрегиональный индекс кризисного сознания (презентация результатов второй волны общероссийского исследования)» сделал председатель совета директоров ЗАО «Центр социологических и маркетинговых исследований «Аналитик» и в настоящее время председатель Ассоциации «Группа 7/89» В. В. Токарев.

Содокладчиком с темой «Экономический кризис в сознании волгоградцев и москвичей» выступила заведующая кафедрой «История, культура и социология» ВолгГТУ, председатель Волгоградского отделения Российского общества социологов, доктор социологических наук профессор Н. В. Дулина, предложив для публичного обсуждения презентацию результа-

тов исследовательского проекта регионального масштаба.

Общая модальность выступлений, отражающих состояние населения, была скорее отрицательная и нейтральная, чем положительная. Проведенный анализ полученных результатов исследования позволил докладчикам сделать следующие основные выводы относительно состояния общественного мнения российских регионов в период кризиса:

- Кризис воспринимается населением как относительно краткосрочное явление, которое продлится, возможно, больше года, но точно меньше пяти лет. И если наблюдаемые респондентами явления экономической действительности корректируют краткосрочные ожидания в сторону ухудшения, то на долгосрочные прогнозы никакого влияния они не оказывают. Преобладающий среди респондентов способ оценки будущего уровня жизни может быть в общем виде описан формулой: «в ближайшем будущем мое положение будет ухудшаться, у большинства населения ситуация будет еще хуже, но через пять лет в стране все образуется».

Население городов и регионов исследования продолжает быть уверенным в том, что после кризиса неизбежен рост, и эта уверенность по мере углубления кризиса даже увеличилась.

- Реальные последствия кризиса пока заметно уступают по масштабам кризисным ожиданиям, которые существовали на момент проведения первой волны исследования. При этом кризисные ожидания растут, в представлениях населения «дно кризиса» еще не пройдено.

- Ответственность за кризис респонденты склонны возлагать на действия российского руководства. При этом действия руководства страны по преодолению этих последствий одобряются относительным большинством населения.

- Вероятность стихийного возникновения массовых акций протеста результаты исследования позволяют оценить как крайне низкую.

В Волгоградской области все выявленные тенденции подтверждаются, отражая региональную специфику.

Заканчивая представление результатов проведенного исследования, В. В. Токарев заметил: «Честно говоря, упаднические настроения поставили нас в тупик. У нас была гипотеза, что кризис носит медийный характер, но она не подтвердилась. Более того, согласно декабрьским исследованиям, не снижается и уровень

потребления! Но если кризис, носит не медийный и не «холодильный» характер, то почему социальное самочувствие падает стремительными темпами?». Более подробно с результатами выполненного исследования можно познакомиться в бюллетене социологических сообщений «Вестник Волгограда» № 2009–02(2), на сайте Центра «Аналитик», в региональных научных изданиях, например, «Известия Волгоградского государственного технического университета. Серия: Проблемы социально-гуманитарного знания», «Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 7. Философия. Социология и социальные технологии» и др., а также на страницах региональной периодической печати, например, *Федосеева, Л.* Человеческое измерение / Л. Федосеева // *Городские вести.* – 2009. – № 42(287). – 21 апреля, и др.

Развернувшаяся дискуссия, продлившаяся более двух часов, порадовала и удивила разнообразием мнений, позиций, оценок. Интерпретацию полученных социологами результатов дали: руководитель регионального исполнительного комитета партии «Единая Россия» А. П. Ярославцев; секретарь бюро совета регионального отделения партии «Справедливая Россия» С. М. Каменков; уполномоченный по правам человека в Волгоградской области, депутат Волгоградской областной Думы М. А. Таранцов; заместитель председателя комитета бюджетно-финансовой политики казначейства администрации Волгоградской области Д. Ю. Завьялов; первый заместитель председателя комитета по печати и информации администрации Волгоградской области Е. А. Каменская; член президиума областного комитета профсоюзов Ю. Л. Ломакин; старший референт отдела информации и связей с общественностью ГУВД по Волгоградской области Е. А. Козловцев; член избирательной комиссии Волгоградской области П. В. Смолянский; ведущий специалист управления по организационной работе администрации города Волжского Е. Н. Шулепко; заместитель руководителя департамента экономики и инвестиций администрации Волгограда С. Е. Агафонова; директор ООО «Маркетинг-Строй» Е. Ю. Ананьев; директор общественного фонда «Центр общественной логистики» С. А. Вовченко; генеральный директор НП «От Волги до Дона» С. С. Дериглазов; президент НПФ «Империя» А. Г. Морозов; генеральный директор ЗАО «Финансовый брокер

“Август”» К. А. Туманянц; консультант отдела медиапланирования департамента информационной политики администрации Волгограда Е. А. Иванова; доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой теоретической и социальной философии Волгоградского государственного университета (ВолГУ) А. Л. Стризове, другие представители вузов и средств массовой информации города.

Ниже приведены наиболее характерные мнения, прозвучавшие по время дискуссии. В них были затронуты практически все возможные аспекты жизнедеятельности региона: от проблем села до информационной безопасности, от миграционной политики до необходимости изменения моделей (стратегий) поведения экономического и социального поведения жителей страны. Выступающие пытались представить не только отрицательные стороны и последствия кризиса, но и его возможные положительные исходы.

Так, например, *А. П. Ярославцев* выразил мнение, что кризис, конечно же, объективен – он не в головах и не в СМИ. Само выполненное исследование отражает реальную картину, оно полностью репрезентативно. Упаднические настроения волгоградцев он объяснил состоянием экономики, пояснив, что у областного руководства слишком мало рычагов воздействия на экономическую ситуацию в регионе, власть должна пропагандировать свою работу, в том числе и через СМИ. Предложил направить руководству города и области итоги исследования. *П. В. Смолянский* напомнил о двух важных моментах: о модели экономического поведения населения в последние годы и о нескончаемом кризисе на селе. Население мыслит последнее время крайне нерационально, доказательством чему большое количество взятых кредитов, ничем не подкрепленных. Объясняя разницу в ответах горожан и селян, он сказал, что на селе люди уже годами не имеют работы и живут в условиях натурального хозяйства, поэтому они объективно не могут почувствовать на себе кризис. *Е. А. Каменская* в большей степени говорила о роли СМИ в формировании настроений жителей и их отношения к кризису, подчеркивала важность обеспечения информационной безопасности, чтобы держать ситуацию формирования медийного пространства региона в условиях экономического кризиса под контролем. *С. А. Вовченко* сказал, что одним из дестабилизирующих факторов на селе является

возвращение миграционной рабочей силы из столицы, Сибири, то есть тех людей, которые зарабатывали приличные деньги, а сейчас уволены и вынуждены возвращаться. Они несут те негативные настроения, которые укореняются в умах селян. Кроме того, докладчик разделил кризис на два – реальный и виртуальный. Виртуальный начался уже давно, начался он в головах, потек с экранов телевизоров. Реальный кризис в России сначала не признавался, однако сейчас он довольно заметно набирает обороты. То, что реальный кризис запаздывает – это хорошо, так как общественное сознание готовится к худшему. Вывод, который сформулировал *С. А. Вовченко*, можно свести к следующему: кризис должен поменять отношение к потреблению, аппетиты свои жителям страны нужно постепенно умерять, жить по доходам. Интересными наблюдениями за тем, как разворачивался кризис, как появились предвестники, а затем все более отчетливо проявлялись черты кризиса и его характеристики, поделился *А. Г. Морозов*, заметив, что на стремительное развитие кризиса существенное влияние оказало общественное мнение, сформированное посредством «сарафанного радио».

Вступая в дискуссию, *М. А. Таранцов* сказал, что ожидания его пессимистичны, и негативные тенденции в развитии социально-экономической ситуации будут продолжаться. Одна из причин такого пессимизма – у региональной власти рычагов по борьбе с кризисом гораздо меньше, чем у федеральной власти. Для локализации негативных настроений населения он предложил изменить ту социально-экономическую политику, которая проводится в настоящее время, а именно: вернуть под контроль государства все ведущие отрасли экономики и добывающую промышленность, изменить плоскую шкалу подоходного налога и т. д. *С. М. Клименков* выразил уверенность в том, что кризис носит еще и политический характер. Многие партии в условиях кризиса, сказал он, стараются заработать политические дивиденды. *Е. Ю. Ананьев* напомнил, что это уже не первый кризис в новейшей истории страны, и выразил уверенность, что процесс стабилизируется, с кризисом страна справится. *С. С. Дериглазов* обратил внимание на большое количество положительных сторон кризиса. По его мнению, например, вся шушера, подделывающая продукцию, в условиях кризиса отвалится, что позитивно скажется на развитии рынка в дальнейшем.

Последним в дискуссии выступил профессор *А. Л. Стризов*, подводя своеобразный итог представленным точкам зрения и высказанным мнениям. Он обратил внимание присутствующих, что споры о влиянии на настроения людей экономического и медийного факторов не учитывают три значимых момента. «Во-первых, у нас не было бурного экономического роста, а потому нет и катастрофического экономического спада. Влияет ли экономика? Да, влияет, но постепенно – мы не входим в кризис и даже не въезжаем, мы в него вползаем. Во-вторых, можно долго обвинять городскую и областную власть, но в отличие от других регионов, они уделяли большое внимание стабильной социальной политике. Катастрофических провалов в социальной политике у нас не было в регионе, отсюда восприятие стабильности. В-третьих, у населения были сбережения, и кризис прежде всего ударил не по сфере потребления, а по долгосрочным вложениям – это неплатежи по кредитам. Если обратиться к протестным настроениям, то, казалось бы, руководство России тут имеет пальму первенства по сравнению с Западом и «проклятым капитализмом». В Волгограде 53 % опрошенных считают, что правительство России виновато. Посмотрим на состав тех, кто так ответил. Это неимущие слои, которые едва сводят концы с концами, служащие без квалификации, неквалифицированные рабочие. И эта же группа в своих ожиданиях будет либо безусловно полагаться на центр, либо скорее полагаться на центр. Получается, что недовольны-то мы недовольны, но терпеть-то мы будем, потому что патерналистские настроения достаточно сильны. Поэтому катастрофических последствий не будет, если федеральная власть сохранит свою стабильность, если руководители там не перессорятся и если сохранится какое-то оперативное управление. В чем же опасность? Опасность, на мой взгляд, таят в себе ответы на вопрос о стабильности образа жизни: «Удастся ли вам сохранить тот образ жизни, который вы ведете?». В Волгограде 47 % жителей уверены, что такой образ жизни удастся сохранить не более чем три месяца. До года продержатся 5 % опрошенных, не знают – 35 %. Если примерно 35 % опрошенных отвечают на вопрос, что мы должны полагаться на власть или сами действовать, то мы должны сказать, что здесь наблюдается не просто пес-

симизм, а определенный потенциал риска и непредсказуемости на уровне региона имеется. Относительно перспектив. Я убежден, что ни при какой модели развития макроэкономики никакого роста уровня жизни не предвидится. Что делать? Остается создать такую ситуацию, при которой у населения не росло бы субъективное катастрофическое восприятие ситуации. Очевидно, надо будет поддерживать ощущение стабильности уровня качества жизни или формировать уверенность в том, что образ жизни, привычный для населения, удастся сохранить хотя бы в ближайшие 6 месяцев или год. Речь идет о долгосрочном планировании. Ну, например, если мы платим по кредиту, пусть мы будем уверены, что мы выплатим этот кредит за год, и т. д. Что же касается конструктивных шансов, которые открываются в годы кризиса, теоретически это, несомненно, верно. Вопрос в том, для каких именно слоев населения это верно. Это верно для абсолютного меньшинства населения, которое у нас достаточно образовано и достаточно динамично. Такого населения в Москве больше, а в регионах меньше. Поэтому не стоит питать иллюзий. Никакого чуда не произойдет, и, может быть, мы выйдем из кризиса преображенными, но это мы узнаем о себе лет через 15–20 и от тех, кто будет исследовать наш период».

В своем заключительном слове, подводя итоги «круглого стола», организаторы поблагодарили всех, кто принял участие в его работе и оригинальной интерпретацией представленных результатов социологического исследования с опорой на собственный опыт и наблюдения позволил по иному взглянуть на события, явления и процессы, разворачивающиеся в регионе в условиях экономического кризиса. Известно, что «круглый стол» – это в первую очередь обмен мнениями, сопоставление услышанного с собственными знаниями, индивидуальным и/или коллективным опытом, с собственными впечатлениями и наблюдениями. Только через публичное обсуждение мы способны приблизиться к осознанию и решению тех проблем, от решения которых зависят не только судьбы отдельных поселений (городов, сел, регионов), но и наши собственные судьбы, связанные в невидимую, но от этого не менее значимую, социальную сеть от уровня малой родины до планетарных масштабов.

О. И. Ситникова

СТАЛИНГРАД. ПАМЯТЬ ОГНЕННЫХ ДНЕЙ

Волгоградский государственный технический университет

19 ноября 2008 г., в день контрнаступления советских войск под Сталинградом в 1942 г., в ВолгГТУ начал свою работу Всероссийский семинар-совещание «Пути совершенствования патриотического воспитания на современном этапе», организаторами которого выступили Федеральное агентство по образованию, Российский центр гражданского и патриотического воспитания детей и молодежи, комитет по делам молодежи администрации Волгоградской области. В работе семинара приняли участие представители высших учебных заведений Москвы, Волгограда, Санкт-Петербурга, Сочи, Астрахани, Тюмени, Пензы, Самары, Саратова, Казани, Тулы, Нижнего Новгорода и других крупных городов России.

С приветственным словом к участникам семинара обратилась заместитель главы администрации Волгоградской области по социальной политике Г. И. Хорошева. Передав приветствие от имени главы администрации Волгоградской области Н. К. Максюты, Галина Ильинична отметила, что семинар проводится на волгоградской земле не случайно, уже многие годы наш регион является базовой площадкой по организации системы патриотического воспитания, которая охватывает сферу образования, молодежной политики, общественные объединения,

поисковое движение, ветеранские организации. Участников семинара поприветствовали также председатель комитета по делам молодежи администрации Волгоградской области А. В. Варакин, первый проректор-проректор по НИР ВолгГТУ В. И. Лысак.

Продолжилось пленарное заседание выступлениями начальника отдела Управления учреждений образования и реализации приоритетного национального проекта «Образование» Федерального агентства образования С. Ю. Кондратьева и директора Государственного учреждения «Центр гражданского и патриотического воспитания детей и молодежи» А. А. Клименко.

С докладом «Научно-методические основы и опыт организации гражданско-патриотического воспитания в вузах г. Волгограда» выступила проректор по учебной работе ВолгГТУ Р. М. Петрунева

После перерыва вниманию участников совещания был представлен семинар по дисциплине «Отечественная история» на тему: «Сталинград. Память огненных дней». Торжественный семинар, посвященный памяти защитников Сталинграда, проводили в группах АУ-120, АУ-123 преподаватели кафедры истории, культуры и социологии О. И. Ситникова и А. Н. Потапов.

Н. В. Дулина, Р. М. Петрунева

ЗДОРОВЫЙ ОБРАЗ ЖИЗНИ СТУДЕНТА: НОРМА ИЛИ ОТКЛОНЕНИЕ?

Волгоградский государственный технический университет

В марте 2009 года в ВолгГТУ прошел семинар кураторов академических групп, который был посвящен обсуждению профилактики девиантного поведения среди студентов. От привычно формата проведения таких семинаров этот отличался тем, что в его работе помимо самих кураторов и членов комиссии ВолгГТУ по гуманитарному образованию и воспитанию приняли участие главный редактор журнала «Студенчество. Диалоги о воспитании» Минобрнауки В. В. Портнов и специалист по социальной работе Волгоградской областной

наркологической больницы по работе с молодежью ВолгГТУ М. В. Григорьева.

В. В. Портнов на этот семинар был приглашен не случайно, ведь журнал, редколлегию которого он возглавляет, – единственный в России, освещающий проблемы воспитания студентов в высших профессиональных и средне-специальных учебных заведениях.

Открыла работу семинара зав. кафедрой ИКС Н. В. Дулина, которая во вступительном слове обозначила круг вопросов семинара и обратила внимание на то, что семинар будет про-

ходить в необычной для него форме «круглого стола», поскольку проблема, вынесенная на обсуждение, не может не вызвать оживленной дискуссии. Она напомнила, что девиантное поведение (от лат. *deviation* – отклонение) – это система поступков или отдельные поступки, противоречащие принятым в обществе нормам. Причем в нашей речевой практике за этим термином чаще понимается социально неодобряемое поведение (аморальное поведение, употребление алкоголя, наркотиков, распушенность в сфере сексуальных отношений и т. д.).

М. В. Григорьева акцентировала внимание присутствующих на такой проблеме, как пивной алкоголизм. Цифрами и конкретными примерами она показала пагубное влияние пива на организм человека, особенно молодого человека, хотя многие считают пиво безобидным напитком, и поэтому подростки начинают употреблять его довольно рано, не думая о последствиях. Данная тема вызвала живое обсуждение присутствующих кураторов.

Старший инспектор деканата факультета автомобильного транспорта И. Г. Каменова подчеркнула в своем выступлении, что проблема девиантного поведения глубже, чем может показаться при первом с ней знакомстве. Когда есть живое дело, объединяющее взрослых и студентов, то на пиво и прочие шалости времени совсем не остается. Она поделилась опытом кураторской работы на примере своего факультета, рассказала о работе, которая ведется с ро-

дителями студентов, о деятельности студенческого совета факультета, привела конкретные примеры деятельности кураторов и студентов. И надо сказать, что своим выступлением вызвала живую ответную реакцию и перевела вектор дискуссии с пивного алкоголизма на досуг студентов, поскольку запретить употреблять пиво никто не может, это каждый решает сам, а вот рассказать о его вреде и предложить иные формы проведения свободного времени – это вполне по силам кураторам академических групп.

В ходе дискуссии все чаще стало высказываться мнение, что стратегии профилактики девиантного поведения необходимо строить не только на принципах позитивной социализации студентов в вузе, но и на пропаганде и утверждении в социуме социально-нормативного, здорового жизненного стиля, активной жизненной позиции на основе объединения усилий университета, семьи и общественности. Приоритетными направлениями развития системы позитивной психолого-педагогической профилактики девиаций среди молодежи можно считать: повышение эффективности профилактических мероприятий в системе ранней профилактики молодежных девиаций; поддержку и развитие социально-позитивной направленности личности студентов, содействие успешной социализации в вузе; повышение общей правовой культуры в образовательной среде.

О. И. Ситникова

СТУДЕНЧЕСКИМ КРАЕВЕДЧЕСКИМ ЧТЕНИЯМ «КРАЙ РОДНОЙ, НАВЕК ЛЮБИМЫЙ» – ТРИ ГОДА

Волгоградский государственный технический университет

20 ноября 2008 года в ВолгГТУ состоялся творческий студенческий конкурс «Край родной, навек любимый», который явился своеобразным продолжением краеведческих чтений, проходивших в 2006 и 2007 годах. Организация и проведение студенческих краеведческих чтений в 2006 г. под девизом «Любовь к отчизне всех доблестей начало» стала результатом исследовательской и поисковой работы студентов ВолгГТУ, а также двух его филиалов – Волжского политехнического института и Камы-

шинского технологического института. Количественный состав участников, диапазон выбранных ими тем, бурный характер обсуждения первых чтений свидетельствовали о глубоком интересе студентов к истории и культуре своего края, поэтому решено было выйти на городской уровень. С 2007 г. в чтениях принимают участие студенты разных вузов города, прежде всего студенты ВолГУ, ВГПУ, ВАГС, ВолГАСУ, ВГАФК, Международного славянского института (Волгоградский филиал), Вол-

гоградского кооперативного института и, конечно, ВолгГТУ и его филиалов КТИ и ВПИ; несколько работ были представлены школьниками гимназий № 9 и 10 г. Волгограда. Финансовую поддержку при организации краеведческих чтений оказывает Комитет по делам молодежи администрации Волгоградской области.

Главной целью настоящего конкурса является приобщение студентов к краеведческим исследованиям, развитие и поддержание интереса студенческой молодежи к истории, природе родного края, воспитание у студентов любви к родному краю, городу, вузу, Отчизне, приобщение к процессу познания культурного и исторического богатства Волгоградской области, развитие общественно значимой деятельности. Задачи конкурса: развитие поисково-творческой инициативы студентов; стимулирование изучения краеведческой литературы, местной печати; объектов исторического и культурного наследия; приобретение студентами навыков работы с архивными и музейными материалами, литературой, другими историческими источниками; выработка навыков научной обработки первичного материала; введение в научный оборот новых и малоизвестных материалов, связанных с родным краем, университетом; пропаганда экспозиций корпоративных вузовских музеев; использование архивных и музейных материалов в учебно-воспитательном процессе.

Ежегодно в чтениях участвует от 50 до 70 работ. Жюри имеет право отклонить работу от участия в конкурсе, если на этапе предварительного рассмотрения и отбора работ сочтет ее несоответствующей условиям и требованиям.

В 2008 г. творческий конкурс проводился по направлениям: 1. Путешествуем по волжскому краю в пространстве и времени; 2. Ментальность любимого города; 3. Летопись памяти в камне (исторические, природные, культурные памятники нашего региона).

Оценка работ производилась сформированным оргкомитетом жюри, в состав которого вошли ведущие ученые ВолгГТУ и его филиалов. Председателем жюри является проректор по учебной работе, профессор кафедры истории, культуры и социологии ВолгГТУ Р. М. Петрунёва, заместителем председателя – доцент кафедры истории, культуры и социологии О. И. Ситникова.

По работе, принятой на смотр-конкурс, делался 5–7-минутный авторский доклад на од-

ной из секций. Экспертная оценка каждой работы производилась по следующим критериям:

- новизна и оригинальность методов исследования;
- введение в научный оборот неизвестных документов или предметов материальной культуры;
- практическая, теоретическая, социальная или культурная значимость;
- апробация, внедрение;
- личный вклад автора (авторов) в представляемую работу;
- качество оформления работы;
- качество доклада и компетентность докладчика при обсуждении работы на секции;
- использование иллюстративных и иных демонстрационных и фольклорных материалов, выразительных художественных средств

Победители конкурса по каждой из секций определялись по решению жюри. Жюри вынесло окончательное заключение после обсуждения итогов работы секций по направлениям. Среди победителей смотра-конкурса следующие студенты:

1. *Абалакова И.* (ВолгГТУ). Работа: «Развитие трудового обучения в МОУ «Куликовская СОШ», научный руководитель Ситникова О. И.;
- Свиридов И. В.* (КТИ-ВолгГТУ). Работа: «Камышинские горы Уши – уникальный памятник природы», научный руководитель Кудинов Н. И.;
2. *Корнеева М. Ю.* (ВАГС). Работа: «Воспитание гражданского патриотизма молодежи через деятельность общественных экологических организаций г. Волгограда», научный руководитель Муха Т. П.; *Лукьянова М. Н.* (ВАГС). Работа: «История садово-парковой культуры г. Волгограда. 1930–1980 гг.», научный руководитель Муха Т. П.; *Картушина Е. В., Мачеева А. С.* (ВолгГТУ). Работа: «Старообрядец Н. Картушин», научный руководитель Потапов А. Н.
3. *Тишкова И. Б.* (ВолГАСУ). Работа: «Казачество в Царицынском крае», научные руководители Орлов Г. В., Песков А. Е.; *Пруткина К. И.* (КТИ – ВолгГТУ). Работа: «Однозвучно звенит колокольчик (история валдайских колокольчиков)», научный руководитель Кудинов Н. И.; *Мартыанов И. А.* (ВолгГТУ). Работа: «История создания официальной символики Городищенского района», научный руководитель Соловьева А. В. Поощрительные премии получили: *Медведева А. А.* (ВолгГТУ). Работа: «Национальные конфликты на региональном уровне (на примере ситуации в Городищенском районе

Волгоградской области», научный руководитель Наумов И. Н.; *Кононенко Е. В., Терехова А. А.* (ВолгГТУ). Работа: «Топонимика Волгоградской области», научный руководитель Самчук М. М.; *Федоров П. А.* (ВолгГТУ). Работа: «Эхо Великой Отечественной войны глазами очевидцев г. Дубовки», научный руководитель Ситникова О. И.; *Живова Д. А.* (КТИ – ВолгГТУ). Работа: «А мимо пролетают поезда (Прошлое и настоящее станции Петров Вал)», научный руководитель Кудинов Н. И.

Победители конкурса получили дипломы лауреатов I, II и III степени. Подведение итогов смотра-конкурса и церемония награждения победителей проходили, как обычно, в тот же день после принятия жюри окончательного решения.

Лучшие работы лауреатов смотра-конкурса студенческих работ по решению жюри и оргкомитета чтений будут опубликованы в одном из ежегодных межвузовских сборников научных работ студентов «Социокультурные исследования» или «Краеведческие чтения».

Р. М. Петрунева, Н. В. Дулина

**«ТЬМЫ СКРЫТЫХ ИСТИН НАМ ДОРОЖЕ, ЧЕМ ВОЗВЫШАЮЩИЙ ОБМАН...»
(по итогам ежегодного межвузовского смотра-конкурса студенческих научных работ
«Социокультурные исследования–2009»)**

Волгоградский государственный технический университет

Название статьи – это девиз одной из работ, представленных на очередной, уже шестнадцатый по счету межвузовский смотр-конкурс студенческих научных работ «Социокультурные исследования–2009», заключительная конференция по итогам которого состоялась 29 мая 2009 года в стенах Волгоградского государственного технического университета.

По положению о смотре-конкурсе, согласованному с Председателем Совета ректоров вузов Волгоградской области, чл.-корр. РАН И. А. Новаковым и утвержденному Председателем комитета по делам молодежи администрации Волгоградской области А. В. Варакиным, предполагалось, что будет работать, как это бывает традиционно, восемь секций. Однако количество работ, поданных и/или отобранных к участию в заключительной конференции, не позволило организовать работу следующих секций: «Психология и педагогика», «Экономика и управление», «Молодежь в современном мире». Такое в практике смотра-конкурса случилось впервые.

На смотр-конкурс «Социокультурные исследования» было подано более сотни заявок. К участию в заключительной конференции отобрано 98 работ. Среди всех участников менее четверти (23 %) составляют юноши, более трех четвертей (77 %) – девушки. Самыми активными участниками смотра-конкурса оказались студенты ВолгГТУ, ими подготовлена почти половина всех работ (46,9 %), допущенных

к участию в заключительной конференции, а с учетом филиалов вуза (ВПИ и КТИ) – 56 работ (57,1 %). Сводные данные по участию студентов вузов в смотре-конкурсе представлены в таблице.

Среди победителей смотра-конкурса были названы следующие студенты и их научные руководители.

По секции «Социология» (жюри – Дулина Н. В., Баландина Э. Г., Овчар Н. А., Игнатенко Т. И., Ященко Р. В., Соколов Р. В.):

1. *Мыльников П. А.* (ВолгГТУ). Работа: «Транспортная доступность города для его жителей», научные руководители Раюшкина А. А., Дулина Н. В.; 2. *Мартьянов И. А., Пентьюк К. О.* (ВолгГТУ). Работа: «Социологический анализ состояния современной культуры», научный руководитель Соловьева А. В.; 3. *Корнеева М. Ю.* (ВАГС). Работа: «Территория санитарно-защитной зоны Волгоградского алюминиевого завода: проблемы и пути решения», научный руководитель Муха Т. П.

Поощрительные премии получили: *Иляхин А. Г.* (ВолгГТУ), научный руководитель Игнатенко Т. И.; *Дианов И. А.* (ВолгГТУ), научный руководитель Овчар Н. А.; *Глухова Е. П.* (ВАГС), научный руководитель Баландина Э. Г.; *Глотова Е.* (ВПИ (филиал) ВолгГТУ), научный руководитель Соколов Р. В.; *Канцедалов А. А.* (ВПИ (филиал) ВолгГТУ), научный руководитель Соколов Р. В.

Количество работ, представленных студентами разных вузов и отмеченных жюри смотра-конкурса «Социокультурные исследования –2009»

Учебные заведения	История	Культурология	Политология и право	Социология	Философия	Всего работ	Количество призовых мест	Общее количество наград
Волгоградский государственный технический университет (ВолГГТУ)	11	8	10	10	7	46	10	16
Волжский политехнический институт (филиал) Волгоградского государственного технического университета (ВПИ)	–	2	1	2	1	6	–	3
Камышинский технологический институт (филиал) Волгоградского государственного технического университета (КТИ)	–	2	1	1	1	5	2	2
Волгоградский государственный университет (ВолГУ)	–	1	3	5	1	10	–	1
Волгоградский государственный архитектурно-строительный университет (ВолГАСУ)	3	1	2	–	–	6	–	2
Волгоградская государственная сельскохозяйственная академия (ВГСХА)	–	–	–	–	1	1	–	–
Волгоградский государственный медицинский университет (ВолГМУ)	–	–	–	1	–	1	–	–
Волгоградская академия государственной службы (ВАГС)	1	1	1	8	4	15	2	6
Волгоградский государственный педагогический университет (ВГПУ)	–	5	–	–	–	5	1	2
Волгоградский государственный институт искусств и культуры (ВГИИК)	1	–	–	1	–	2	–	–
Волжский филиал Международного юридического института при Министерстве юстиции РФ (ВФ МЮИ)	1	–	–	–	–	1	–	1
Всего:	17	20	18	28	15	98	15	33

По секции «История» (жюри – Песков А. Е., Ситникова О. И., Тацилкин Ю. Е., Бобровников В. Г., Ефимов Е. Г., Потапов А. Н.):

1. *Самойлова П. А.* (ВолГГТУ). Работа: «Голодомор на Украине – политическая арена, начиная с 30-х годов XX века и до наших дней», научный руководитель Потапов А. Н.; 2. *Зинфа А. И.* (ВолГГТУ). Работа: «Партизанское движение на территории Сталинградской области (1942–1943 гг.)», научный руководитель Потапов А. Н.; 3. *Дубовская Т. В.* (ВолГГТУ). Работа: «К 80-летию ВолГГТУ: хроника событий», научный руководитель Дулина Н. В.

Поощрительные премии получили: *Лукьянова М. Н.* (ВАГС), научный руководитель Муха Т. П.; *Захарова А. С.* (ВолГАСУ), научные

руководители Орлов Г. В., Песков А. Е.; *Гончарова Е. А.* (Волжский филиал МЮИ), научный руководитель Ефимов Е. Г.

По секции «Культурология» (жюри – Естрина О. В., Шипулина Н. Б., Латкина Т. В., Саенко Н. Р., Соловьёва А. В., Клейтман А. Ю.):

1. *Ершова А. М.* (ВолГГТУ). Работа: «"Материя слова" как прототип нейролингвистики», научный руководитель Естрина О. В.; 2. *Троценко О. В.* (ВГПУ). Работа: «Пират как культурный герой: разбойник, рыцарь, романтик, путешественник?», научный руководитель Шипулина Н. Б.; 3. *Изюмова Е. Ю.* (КТИ (филиал) ВолГГТУ). Работа: «Публицистический текст и качества «хорошей» речи», научный руководитель Латкина Т. В.

Поощрительные премии получили: *Доколина Т. В.* (ВолгГТУ), научный руководитель Соловьёва А. В.; *Галицкая А. А.*, *Оленева А. В.* (ВолгГТУ), научный руководитель Естрина О. В.; *Лосева М. С.* (ВГПУ), научный руководитель Клейтман А. Ю.

По секции «*Политология и право*» (жюри – Першин Н. И., Леонтьев А. Н., Селезнева И. Г., Воробьёв Е. П.):

1. *Баранова Т. С.* (ВолгГТУ). Работа: «Проблема социального неравенства в современном российском обществе», научный руководитель Леонтьев А. Н.; 2. *Ильин С. С.* (ВолгГТУ). Работа: «Студент и коррупция», научный руководитель Селезнёва И. Г.; 3. *Олейникова С. С.* (ВАГС). Работа: «Профилактика преступности несовершеннолетних в контексте развития российской ювенальной юстиции», научный руководитель Абезин Д. А.

Поощрительные премии получили: *Кобзев Д. А.* (ВолгГАСУ), научный руководитель Песков А. Е.; *Громова А.* (ВолГУ), научный руководитель Сгибнева О. И.; *Никулина А. Ю.* (ВолгГТУ), научный руководитель Скобелина Н. А.; *Урюпин С. Ю.* (ВолгГТУ), научный руководитель Скобелина Н. А.

По секции «*Философия*» (жюри – Артюхович Ю. В., Стручалина А. П., Бирюков В. Д.):

1. *Мачеева А. С.* (ВолгГТУ). Работа: «Символизм Павла Флоренского (Иконостас)», научный руководитель Стручалина А. П.; 2. *Самедова Э. Н. кызы* (ВолгГТУ). Работа: «Познавательное и этическое значение медитации», научный руководитель Артюхович Ю. В.; 3. *Кононенко М. П.* (КТИ (филиал) ВолгГТУ). Работа: «К вопросу отождествления современной кризисной ситуации в экономике и кризиса личности в философии и психологии», научный руководитель Димитрова С. В.

Поощрительные премии получили: *Несынова М.*, *Холодова А.* (ВПИ (филиал) ВолгГТУ), научный руководитель Приходько Е. А.; *Леонова Д. И.* (ВАГС), научный руководитель Евдокимцев Д. В.; *Чайковская С. А.* (ВАГС), научный руководитель Евдокимцев Д. В.

По итогам работы заключительной конференции выступили доктор исторических наук профессор Н. И. Першин, проректор ВолгГТУ по учебной работе, доктор педагогических наук профессор Р. М. Петрунева, которые поблагодарили студентов и их научных руководителей, всех, кто принял участие в работе смотряконкурса, пожелали всем дальнейших творческих успехов.

НАШИ ДОСТИЖЕНИЯ

В 2009 году преподавателями и аспирантами кафедр социально-гуманитарного блока нашего университета защищено 2 кандидатских диссертации.

Кафедра философии – 1 кандидатская диссертация

Ананьев Сергей Алексеевич защитил диссертацию на тему «**Социальная стратификация: сущностные основания и трансформации (философский анализ)**» по специальности 09.00.11 «Социальная философия», научный руководитель – профессор Е. Ю. Леонтьева. Объектом исследования является социальная стратификация, а ее предметом – философские основания и метаморфозы данного феномена. В работе обоснована специфика философского анализа проблемы социальной стратификации, а также выявлены и проанализированы ее онтологические и гносеологические основания. Доказано, что аксиологические основания социальной стратификации являются ее вариативной составляющей. Впервые в философском дискурсе предложено использовать новое понятие «статусная ценность». Также проанализированы модификации стратификационных оснований в современном мире и выявлена возможность создания сетевой социальной структуры, что также является новационной моделью развития общества.

Кафедра политологии – 1 кандидатская диссертация

Австрийсков Евгений Анатольевич защитил диссертацию на тему «**Снабжение населения Нижнего Поволжья продовольственными и промышленными товарами в послевоенные годы (май 1945 – март 1953 гг.)**» по специальности 07.00.02 «Отечественная история», научный руководитель – профессор Н. В. Кузнецова. В диссертации впервые выявлены общие черты и особенности обеспечения продовольствием и промышленными изделиями различных групп населения в условиях карточной системы и показаны изменения в системе обеспечения жителей Нижнего Поволжья продовольствием во время голода 1946–1947 гг. Определены общие и специфические проблемы, возникшие в обеспечении жителей региона товарами в связи с отменой карточной системы в 1948–1950 гг. Освещены основные проблемы в работе государственной системы торговли в послевоенные годы. Выявлена роль местной промышленности и сельскохозяйственных предприятий в насыщении прилавков магазинов продовольственной и промышленной продукцией и повышении уровня жизни населения региона, показано значение рыночной торговли в снабжении жителей Нижнего Поволжья.

Желаем всем дальнейших творческих успехов!

Научное издание

ИЗВЕСТИЯ
Волгоградского государственного технического университета
№ 9(57), 2009 г.

Серия "ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНОГО ЗНАНИЯ"
(Выпуск 6)

Межвузовский сборник научных статей

Редактор *Е. В. Кравцова*
Компьютерная верстка *Е. В. Макаровой*

Темплан 2009 г. Поз. № 69.
Подписано в печать 30.11.2009. Формат 60×84 1/8. Бумага офсетная.
Гарнитура Times. Печать офсетная. Усл. печ. л. 16,04. Уч.-изд. л. 15,52.
Тираж 150 экз. Заказ

Волгоградский государственный технический университет.
400131, Волгоград, пр. В. И. Ленина, 28, корп. 1.

Отпечатано в типографии
Волгоградского государственного технического университета
400131, Волгоград, пр. В. И. Ленина, 28, корп. 7.

В сборнике научных статей "Известия Волгоградского государственного технического университета", серия "Проблемы социально-гуманитарного знания" публикуются статьи, раскрывающие методологические и некоторые методические аспекты гуманитарных наук.

Вопрос об опубликовании статьи или ее отклонении решает редакционная коллегия сборника, которая утверждается ректором университета, ее решение является окончательным. Редколлегия направляет представленный для издания материал на рецензирование.

Рукопись должна быть набрана и сверстана в текстовом редакторе Word и распечатана на лазерном принтере в режиме полной загрузки тонера. Формат бумаги А4 (210×297 мм).

Для ускорения подготовки издания необходимо представлять файлы статей на дискетах или компакт-дисках (CD) в полном соответствии с распечатанным оригиналом. Дискета должна быть вложена в отдельный конверт, на этикетке дискеты указываются фамилии авторов статьи.

При наборе текста следует соблюдать следующие требования: поля – верхнее – 2,0 см, нижнее – 3,0 см, левое – 2,5 см, правое – 2,5 см; шрифт Times, кегль 14, интервал полуторный.

Текст набирается с применением автоматического переноса слов, перед знаками препинания (в том числе внутри скобок) пробелы не допускаются, после них ставится один пробел. Разрядка слов не допускается, следует избегать перегрузки статей большим количеством формул, рисунков, таблиц. Для набора символов в формульном редакторе MS Equation (MS Word) использовать установки (Стиль/Размеры) только по умолчанию; рисунки должны быть выполнены в редакторах векторной графики, таких как CorelDRAW или в любом приложении к Word. Допускается сканирование рисунков в программе Microsoft Photo Editor.

Инициалы и фамилия автора (авторов) пишутся над заглавием статьи. Ниже заглавия, перед основным текстом, указывается организация или предприятие, в котором работает автор статьи. В конце статьи ставится полное название учреждения, которое рекомендует статью для публикации, дата и подпись автора (всех авторов).

Литературные ссылки должны быть оформлены в соответствии с ГОСТ 7.1–2003 "Библиографическая запись. Библиографическое описание. Общие требования и правила составления". Библиографический список использованной литературы, составленный в порядке упоминания в тексте, дается в конце статьи; связь с основным текстом осуществляется цифровым порядковым номером в квадратных скобках в строке. Подстрочные ссылки не допускаются.

Иностранные фамилии и термины в тексте следует приводить в русском переводе. В библиографическом списке фамилии авторов, полное название книг и журналов приводится на языке оригинала.

Ссылки на неопубликованные работы не допускаются.

При обозначении единиц физических величин должна применяться Международная система единиц (СИ).

Объем статьи не должен превышать 8 страниц бумаги формата А4, включая таблицы и библиографический список; число рисунков – не более четырех, включая рисунки, помеченные буквами *a*, *b*, и т. д. Рекомендуется включать в сборник статьи с авторским коллективом не более четырех человек с участием каждого автора в одной–двух статьях.

Статьи должны представлять сжатое четкое изложение результатов, полученных автором без повторов приводимых данных в тексте статьи, таблицах и рисунках. К статье должны быть приложены: сведения об авторах (полное имя, отчество, фамилия, ученая степень, звание, домашний адрес, номер телефона служебный, домашний, E-mail), документация, подтверждающая возможность ее открытого опубликования.